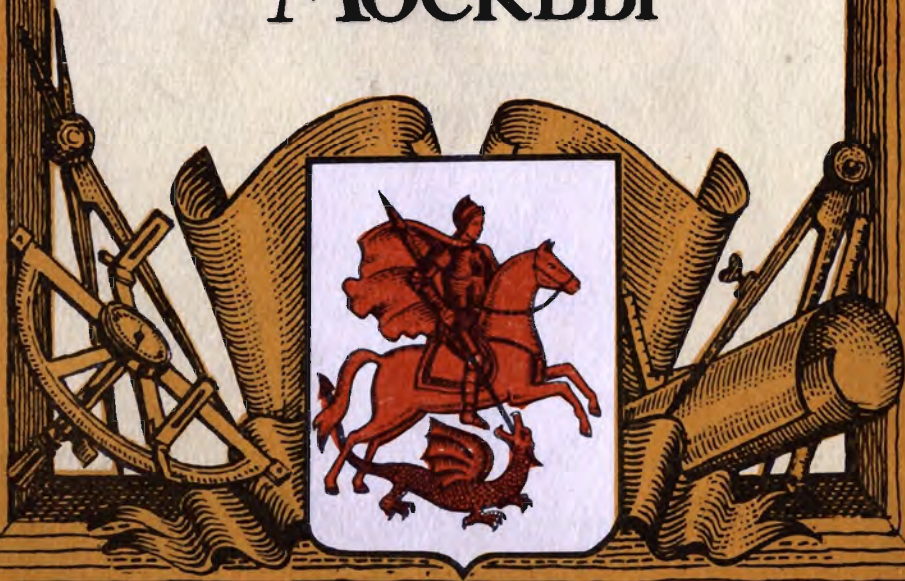




Л. А. Гольденберг
А. В. Постников

ПЕТРОВСКИЕ ГЕОДЕЗИСТЫ

и первый
печатный план
Москвы



ПЕТРОВСКИЕ
ГЕОДЕЗИСТЫ
и первый
печатный план
Москвы



Л.А. Гольденберг
А.В. Постников

ПЕТРОВСКИЕ ГЕОДЕЗИСТЫ и первый печатный план Москвы



ББК 26.1
Г 60
УДК 528.9(091)

Рецензент канд. ист. наук *В.И. Ламзин*

Гольденберг Л.А., Постников А.В.

Г 60 Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. —
М.: Недра, 1990. — 160 с.: ил.
ISBN 5-247-01113-9

В популярной форме раскрыто содержание первого печатного плана Москвы (1741 г.), в съемках и составлении которого участвовали отечественные геодезисты-картографы в 1732–39 гг. На фоне преобразований петровского времени и становления молодой русской научной картографии раскрыты методы проведения геодезических и картосоставительских работ во время первой государственной инструментальной съемки. Приведены малоизвестные фактические (архивные) материалы о жизни и деятельности творцов геодезического плана Москвы. Показано выдающееся значение плана для истории русской картографии.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки и культуры.

1802030000 – 160
Г _____ 334–90
043 (01) – 90

ББК 26.1

ISBN 5-247-01113-9

© Л.А. Гольденберг, А.В. Постников, 1990



В 1989 г. исполнилось 250 лет со времени создания первого плана всей Москвы на основе инструментальных съемок петровских геодезистов. На заключительном этапе его составления московская администрация выделила для камеральных работ специальные палаты в Кремле, вначале в Кремлевском дворце за теремами, а затем в Набережном саду. Этим, на первый взгляд, незначительным актом подчеркивались и общегосударственное значение самого плана, и особая ответственность исполнителей картографического документа, служащего, как считал выдающийся географ и картограф XVIII в. И.К. Кирилов, "к славе Российской империи".

Москва прошла славный многовековой путь исторического развития от маленького городка – Московского Кремля, возникшего на холме на месте слияния реки Неглинной с Москвой-рекой, – до столицы Советского Союза. Ее рост и возвышение в феодальный период были связаны преимущественно с тем, что располагалась она на пересечении торговых путей, в центре той славянской территории, где складывалась русская народность.

Уже во второй половине XIII в. Москва стала стольным городом Московского княжества, а Кремль – его цитаделью. Город рос в севе-

ро-восточном направлении. Начало заселения предместья Москвы ученые относят к XII и рубежу XIII—XIV вв. Наиболее активное заселение преимущественно служилыми людьми и ремесленниками, а также формирование Зарядья и Большого (Великого) посада, который впоследствии стали называть Китай-городом, происходило в XIV—XV вв. Торгово-ремесленное население расселялось также на территории многочисленных слобод в Заречье (позднее Замоскворечье) и Занеглимень — к западу от реки Неглинной.

Дальнейшее возвышение Москвы связано с развитием ремесла, торговли и земледелия. В XIV в. экономическое и политическое укрепление Московского великого княжества позволило ему стать во главе объединения русских земель. Москва же становится политическим и духовным центром страны, резиденцией русских митрополитов. При Дмитрии Донском она явилась организатором борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, начало свержения которого положила Куликовская битва 1380 г.

С перенесением митрополичьей кафедры в Москву связано строительство знаменитой соборной группы в Кремле куда входили Успенский собор — главный храм города и храм-усыпальница великих князей и царей до XVIII в. — и Архангельский собор. На рубеже XIV—XV вв. построен Благовещенский собор, под высоким подклетом которого разместилось хранилище великокняжеской казны. Возникли кремлевские монастыри, здания которых не сохранились — Чудов с огромной библиотекой и Вознесенский с усыпальницей великих княгинь и царич. Возведены мощные стены Кремля из белого камня — отсюда "Москва белокаменная".

В 1480 г. было сброшено татаро-монгольское иго. Москва при Иване III превратилась в столицу Русского централизованного государства. В конце XV в. возникли новые построенные из кирпича кремлевские стены и башни. Эти крепостные сооружения дошли до наших дней почти в первоначальном виде, лишь башни в XVII в. получили шатровые надстройки. Число таких башен 20, протяженность крепостных стен около 2,25 км, высота стен от 5 до 19 м и толщина 3,5—6,5 м. После строительства восточной кремлевской стены вблизи ее образовалась свободная площадь, на которой разместился главный рынок — "Торг" с рядами торговых помещений Великого посада. Впервые эта центральная площадь Москвы названа Красной, т.е. красивой, в 1661—1662 гг. В целях обороны вдоль восточной стены Кремля в 1508 г. был вырыт ров глубиной от 9,6 до 12,8 м, шириной 36 м, через который были построены мосты к Спасским и Никольским воротам.

В последней трети XV — начале XVI вв. вместо небольших храмов Кремля строят монументальные соборы Успенский и Архангельский. В 1600 г. завершается сооружение знаменитой колокольни Ивана Великого высотой 81 м. Вблизи колокольни на Ивановской площади называли должников, подьячие писали челобитные, оглашались пра-

вительственные распоряжения. Отсюда возникла поговорка "кричать на всю Ивановскую".

Вместе с ростом политического значения Москва постепенно превратилась в крупнейший экономический и культурный центр государства. Одновременно с этим процессом увеличивается численность населения и расширяется территория города.

К концу XVI в. в Москве сложилась система кольцевых оборонительных сооружений. Вначале, в 1535–1538 гг., вокруг Великого посада была построена каменная стена толщиной более 6 м и высотой 6,3 м, получившая название Китай-города. Участки Китайгородской стены от современной площади Ногина до Третьяковского проезда были разобраны в 1934 г., а по Москворецкой набережной – в 1951 г. Отдельные ее фрагменты сохранились до наших дней – это участок за гостиницей "Метрополь", часть стены с округлой башней у Третьяковского проезда и стена по Китайскому проезду.

На месте нынешнего Бульварного полукольца в 1586–1593 гг. была возведена каменная стена Белого города. В 1591–1592 гг. город описал по линии современного Садового кольца еще один оборонительный рубеж – деревянная стена Скородома, впоследствии получившая название Земляного города. Дозорные монастыри-крепости Свято-Данилов, Андроников, Новоспаский, Симонов, Донской, Новодевичий прикрывали подступы к городским укреплениям.

Таким образом, к началу XVII в. вокруг древнейшего ядра Кремля и Китай-города отчетливо выделяются остальные части Москвы, отделенные друг от друга четкими границами – Белый город и Скородом. Протяженность линии укреплений частей Москвы по описи 1701 г. составляла: Кремля 1055 саж. (2247 м), Китай-города 1205 саж. (2567 м), Белого города 4463 саж. (9506 м), Земляного города 7026 саж. (14 965 м). К середине XVII в. площадь города значительно увеличилась, заняв территории за пределами Земляного вала. Возникли новые поселения московских слобод, располагаясь вдоль дорог, которые протянулись из столицы в разных направлениях. Быстро заселялись Коломенская ямская, Воронцовская, Кожевническая, Рогожская ямская, Алексеевская, Переяславская ямская, Сушевская, Тверская ямская, Кудринская, Дорогомиловская ямская и другие слободы.

В XVII в. Москва не только столица огромного государства, но и центр складывавшегося всероссийского рынка. Получило развитие товарное производство, выросло число промышленных предприятий мануфактурного типа. На протяжении столетия заканчивался процесс централизации Русского государства, были заложены основы феодально-абсолютистской монархии.

В этот период к дворцовым сооружениям XV–XVI вв. присоединились дворцы Потешный с придворным театром и Патриарший, а также ряд домовых храмов. Помимо культовых построек в Москве воздвигались светские сооружения, в том числе Монетный, Печатный, По-

сольский, Гранатный дворы, Хамовный полотняный двор и другие. В 1698 г. на Пушечном дворе при Пушкарском приказе была организована школа цифири и землемерия. Несколько ранее в 1687 г. в Заиконоспасском монастыре открылась Славяно-греко-латинская академия.

После переноса столицы России в Петербург в 1713 г. за Москвой осталась административная и политическая роль второй столицы. К середине 30-х годов XVIII в. насчитывалось более 40 центральных учреждений, постоянно находившихся в Москве. Там же происходили наиболее значительные общегосударственного характера акты и мероприятия — коронации, празднования побед русского оружия и т.п. По-прежнему Москва выступала как важнейший культурный и общественно-экономический центр страны.

Растет значение Москвы как посредницы между промышленными и сельскохозяйственными регионами государства. Недаром Москву XVIII в. современники называли средоточием внутренней российской торговли. Китай-город с Гостиным двором и торговыми рядами сохранил характер главной торговой части города. Кремль при Петре I потерял значение царской резиденции, сильно пострадал от пожаров, обветшал и постепенно превратился в район, предназначенный, в основном, для нужд государственного аппарата управления. В период русско-шведской войны "опасности ради" Кремль и Китай-город были дополнительно укреплены в 1707—1708 гг. земляными бастионами со рвом перед ними.

Для конца XVII — первой трети XVIII в. характерно возникновение новых слобод и расширение городской территории. Так вблизи реки Яузы разместились солдатские слободы Лефортовского, Преображенского и Семеновского полков, на реке Пресне в селе Воскресенском возникла слобода Грузины. Белый город и Земляной были основными частями Москвы, застроенными жилыми, преимущественно, деревянными домами. Каменными возводились обычно здания монастырей, церкви, некоторые казенные постройки (Суконный двор и др.) и палаты знатных и богатых владельцев. Территория за Земляным городом не была еще полностью застроена. Здесь сохранились обширные свободные поля (Девичье, Сокольническое, Каланчовское и др.), а также многочисленные сады, пашни, огороды и луга.

На разных этапах развития Москвы постепенное расширение ее границ последовательно фиксируется кольцевыми укреплениями Кремля и Китай-города, Белого города и Земляного, которыми и определялась городская черта. В XVIII в. рубеж города совпадал с его таможенной границей. Она была вынесена в начале 30-х годов за Земляной город и совпадала сначала с Компанейским, а затем (в 1742—1743 гг.) земляным Камер-Коллежским валом с 18 заставами. Словно лучами-радиусами из исторического центра-ядра Кремля и Китай-города во все стороны разбегались магистральные улицы. Они пересекали кольца Белого и

Земляного городов, Компанейского вала, превращаясь за его пределами в основные дороги, ведущие из Москвы.

План Москвы 1739 г., впервые составленный на основе инструментальных съемок, довольно точно и подробно отразил топографические особенности города, исторически сложившуюся неповторимую радиально-кольцевую структуру, топонимику и отчасти градостроительные тенденции. Несмотря на то, что картографирование поселений и крепостей наряду с созданием карт порубежных территорий одно из самых древних традиционных направлений отечественной картографии, оригиналы древнерусских чертежей города Москвы, к сожалению, не сохранились.

Уже на карте мира Г. Майницкого 1100 г. можно найти название "Russia" севернее устья Дуная. На Эбсторфской карте мира 1235 г. показаны 14 географических названий, относящихся к территории Руси, и особенно отмечено, что "неукротимый ветер дует над возделанными нивами русских". На мировой карте 1492 г. М. Бехайма показано присоединение Великого Новгорода к Московскому княжеству и отмечено, что "единственная страна в Европе, покрытая лесами, это — Московия".

Как населенный пункт Москва была изображена на географической карте 1507 г., приложенной к "Руководству по географии" Клавдия Птолемея. Дважды посетивший Москву в 1517 и 1526 гг. австрийский посол С. Герберштейн к своей книге "Записки о московитских делах" (1556 г.) приложил довольно фантастический план-рисунок московского Кремля с окрестностями. Первое изображение центра Москвы было очень неточным и условным, хотя некоторые места и объекты вполне узнаваемы, например, слияние рек Москвы и Неглинной, мост в Замоскворечье, крепостная стена с 17 башнями, верно отображена тесная жилая застройка.

До сих пор известно несколько десятков планов (чертежей) Москвы, гравированных и изданных за границей в XVII в. Все они, за редким исключением, являлись аксонометрическими рисунками, или "физиограммами", на которых здания, стены и другие объемные объекты изображались в условной перспективе как бы с высоты птичьего полета. Долгое время составление первых панорамных планов, ориентированных по странам света, приписывалось иностранным дипломатам, путешественникам и военным агентам. Новейшими исследованиями убедительно доказано [6, с. 54; 18, с. 50—51], что почти все планы-рисунки XVII в. основаны на русских первоисточниках, которые давно оказались утерянными.

Создание русских чертежей Москвы на рубеже XVI и XVII вв. было связано с обширной градостроительной деятельностью в столице того времени и крупными картографическими и описными работами, развернувшимися в Русском государстве во второй половине XVI в. У историка В.Н. Татищева находим сведения о распоряжении Ивана IV в

1552 г. не только земли измерить, но и "чертеж государства зделать". Знаменитая обзорная стратегическая карта России — Большой чертеж — предположительно датируется от 70-х годов XVI в. до начала XVII в. Не вызывает сомнений, что и планы российской столицы либо входили в состав Большого чертежа, либо составлялись одновременно с ним. Несомненно и то, что первые русские чертежи вскоре попали за рубеж и стали прототипами всех планов Москвы, изданных в XVII в. в Голландии, Польше, Германии и в других странах.

Представление об одном из наиболее ранних чертежей Москвы русского происхождения и плане Кремля и Красной площади дает, так называемый, Петров чертеж (около 1597—1599 гг.) и приложенный к нему крупномасштабный план "Кремлена град" (начала XVII в.). Копии чертежа и плана в 1613 г. попали в Амстердам, где были изданы картографом Гесселем Герритсом. Наряду с подробными экспликациями на латинском языке заголовки и обозначения стран света выполнены славянской вязью, а реки и названия ворот Скородома — кириллицей. По-видимому, голландский картограф добросовестно следовал русскому подлиннику.

В России свое название Петров чертеж получил в 1842 г. по местонахождению гравюры в Кунсткамере среди бумаг Кабинета Петра I. Проведенной проверкой (сопоставлением с топографическими планами) установлено, что на чертеже с большой точностью изображены укрепления Москвы (стены, воротные и глухие башни, мосты, рвы), а также очень точно показано расположение соборов, монастырей и церквей. Довольно верно переданы изображения улиц и переулков Кремля, Китай-города, Белого (Царева) города и недостаточно — улицы Скородома [6, с. 57]. Недавно при изучении градостроительной истории столицы осуществлено факсимильное издание многокрасочных чертежей Москвы и "Кремлена града" [18]. Как ценнейший исторический источник Петров чертеж важен еще и потому, что он оказал определенное влияние на последующие картографические изображения города (рис. 1).

Г. Герритсом в 1613 г. издана карта Европейской России, на которой помещена в левом верхнем углу врезка с планом Москвы. Этот план, так же как и оба листа Петрова чертежа, ориентирован с запада на восток. Картоиздатель не скрывал заимствования, судя по надписям (на латинском языке), оригиналы карты и плана сделаны царевичем Федором (сыном Бориса Годунова). Известно, что Федор Борисович убит в 1605 г., следовательно, обе картографические работы выполнены не позднее этой даты, скорее всего в 1603—1605 гг. Годунов чертеж Москвы не является повторением Петрова чертежа, отличаясь от последнего краткостью экспликации, некоторой эскизностью, рядом топографических подробностей, измененной соразмерностью частей города.

Самой ранней зарубежной публикацией гравированного изображе-

ния Москвы являются два плана, изданные в 1606 г. голландским купцом и географом Исааком Массой. Автор, живший в Москве с 1601 по 1609 г., в своей книге "Краткое известие о Московии — в начале XVII века" пишет, что план Москвы был нарисован одним русским дворянином, имя которого не названо из-за осторожности, и подарен ему. На обоих мелкомасштабных планах показаны все части города, здания изображены рельефно. Не являясь в целом достаточно верными, планы отличаются друг от друга оформлением, ориентировкой, деталями в изображении отдельных исторических событий. На одном из них (ориентированном с юга на север) интересны зарисовки торжественного въезда Марины Мнишек в Москву. На втором плане, ориентированном с севера на юг, показан бой И. Болотникова с В.И. Шуйским, а по другим данным, — маневры Лжедмитрия I у Серпуховских и Калужских ворот. Своеобразие планов И. Массы позволило выдвинуть вполне обоснованные предположения, во-первых, о существовании нескольких вариантов русских подлинников, во-вторых, о том, что до польской и шведской интервенции в начале XVII в. планы Москвы были мало доступны иностранцам [18, с. 52].

В то время, как все голландские издания планов Москвы спорнождаются прямыми указаниями на их русские первоисточники, польские гравюры замалчивают их действительное происхождение. В 1610 г. был опубликован план Москвы, составленный опытным рисовальщиком И. Абелином и гравированный Л. Килианом. Посвященный польскому королю Сигизмунду III план по традиции стал называться Сигизмундовым. Он ориентирован с запада на восток; вверху по углам размещены гербы Москвы и короля Сигизмунда. Общие очертания и топография плана, по-видимому, взяты из Годунова чертежа, хотя известную самостоятельность составитель проявил при изображении кремлевских зданий и стен. Зарисовки центра города наиболее тщательны и точны. Некоторые ошибки экспликации, неточности изображения кварталов Белого города, ворот Скородома и другие, не снижают ценности Сигизмундова плана, отличающегося высоким уровнем исполнения.

Лишь в наше время получил широкую известность единственный сохранившийся оттиск гравюры 1611 г. с художественным планом-рисунком Москвы, поступившей в 1949 г. в Познанский музей. В 70-х годах план тщательно изучен польским ученым С. Александровичем, который ввел его в научный оборот и назвал по месту изготовления Несвижским планом [1]. Гравер-художник Томаш Маковский в заголовке указал, что зарисовка города выполнена Шимоном Ендрашевичем Смутаньским во время пребывания в тюрьме вместе с посланниками Сигизмунда III, прибывшими в Москву на свадьбу Лжедмитрия с Мариной Мнишек. До сих пор однозначно не установлена дата составления и не определены первоисточники Несвижского плана. С одной стороны, если план был составлен и нарисован в 1606—1608 гг.,



Рис. 1. Фрагмент Петрова чертежа. Около 1597–1599 гг. (ЦГАДА, ф. 192,

то в сложных условиях царствования В.И. Шуйского вряд ли иностранец мог бы свободно проводить съемки в городе. Тогда можно предположить, что в руках рисовальщика очутились различные материалы русского происхождения. С другой стороны, гравер подчеркнул, что Ш. Смутанский является автором "делинеации", т.е. составления плана на местности. А обилие и точность изображения архитектурных деталей служит доказательством зарисовок с натуры отдельных зданий.

Необычайно живописный Несвижский план уступает по детальности изображения другим планам Москвы, основанным на русских источниках. На нем отсутствует сложная сеть московских переулков и тупиков. Все улицы даны без названий. Характерной особенностью плана является скрупулезный показ деталей топографии, возвышенностей и холмов, речных долин и их берегов, мельничных прудов и других элементов ландшафта. На плане Смутанского—Маковского хорошо представлены Кремль и Китай-город с выделением в более крупном масштабе выдающихся зданий. Точность деталей гравюры на территории Кремля подтверждается сравнением с иконой С. Ушакова "Насаждение древа государства Российского" 1668 г., на которой показана часть кремлевской стены с башнями Фроловской (Спасской), Никольской, Сенатской и Набатной. Белый город вырисован менее подробно. Интересно изображение Ново-Девичьего монастыря в том состоянии, в котором он находился до разрушения в 1612 г.

Планы Москвы конца XVI в. — первых десятилетий XVII в. неоднократно переиздавались и перегравиrowывались вплоть до XIX в. с изменениями в масштабах и оформлении. Известны около 30 модификаций гравюры С. Герберштейна, 10 — Петрова чертежа, 13 — Годунова чертежа и 8 — Сигизмундова плана.

Для истории русской картографии последствия стихийного бедствия — грандиозного пожара Москвы 3 мая 1626 г. — принесли неожиданные результаты. В ходе восстановительных работ, в том числе и картографических, были созданы географическое описание страны — Книга Большому чертежу, новый обзорный чертеж Русского государства и чертеж "Полю" (степи) от Москвы до Крыма. В том же 1626 г. по указу Михаила Федоровича князю Г. Волконскому и дьяку В. Волкову было велено в Кремле и Китай-городе "перемерить и описать большие улицы и переулки в государеву указную сажень". Проводимые измерения выражались в стандартной мере казенной сажени, равной 2 м 13,36 см. Естественно, что вместе с измерениями продолжалось и картографирование города.

Планы Москвы со второй четверти и до конца XVII в. во многом основаны на русских чертежах рубежа XVI—XVII вв., но с внесением необходимых добавлений и уточнений, вызванных изменениями городской топографии и структуры застройки. Начиная с 30-х годов XVII в., за рубежом появляются планы Москвы, несущие принципиально новые

сведения. Так, гравюра М. Мериана 1638 г., хотя и близка к одному из вариантов Петрова чертежа, но отличается показом городского рельефа и гидрографических элементов. Ориентирован план с северо-запада на юго-восток.

Трижды посещавший Москву в составе голштинского посольства в 30-х годах и в 1643 г. математик Адам Олеарий к описанию своих путешествий приложил план Москвы, гравированный в 1656 г. В его основе лежит также Петров чертеж, но со значительной корректировкой. Ориентирован с запада на восток. Значительное внимание уделено застройкам Белого города и Земляного. Характерной особенностью плана является появление в Замоскворечье земляного вала со рвом и восьмью бастионами. Поскольку эти укрепления возводились в 1637—1638 гг., то и составление плана следует датировать не ранее 1638 г. В композиционном отношении он близок к Петрову чертежу и схож с планом Москвы 1661—1662 гг., приложенном к книге австрийского посла А. Мейерберга. А удивительная топографическая точность и информативность этого аксонометрического рисунка может быть объяснима только как результат использования свежих московских первоисточников.

В 1674 г. шведский военный агент и ученый лингвист Э. Пальмквист составил эскизный план Москвы (почти без застроек). Показаны кварталы и крепостные стены. Очень схематичны Земляной город и Замоскворечье. Основой явился план Олеария, но несколько обновлена экспликация. Посетивший Москву в составе польского посольства в 1678 г. Б.—Л. Таннер к отчету (1689 г.) о путешествии приложил план города, на котором впервые показана планировка за пределами Земляного города.

Из напечатанных русскими специалистами известны пока только два мелкомасштабных плана Москвы, предшествующих гравюре 1741 г. Первый план Москвы на импозантном фронтисписе Библии, гравированный мастером Зосимой и изданный Московским Печатным двором в 1663 г. Вторая гравюра выполнена В.О. Киприановым в 1711 г. План помещен в фигурном картуше карты "Губерния Московская, разделенная в 9 провинций". Обе работы не являются оригинальными.

Отмечая невосполнимые потери планов всей Москвы XVI—XVII вв. русского происхождения, вместе с тем укажем, что сохранились до наших дней древнерусские чертежи московских улиц и земельные планы Подмосковья (рис. 2). На упорядочение застройки и планировки города Москвы были направлены многие законодательные акты XVII в. Так, Соборным уложением 1649 г. запрещалось ставить строения на меже соседа, приделывать к соседским стенам печи и поварни. В указе 1652 г. об отводе земель под частное строение в Немецкой слободе даны точные размеры участков земли, которые разрешалось получать иноземцам. В особых книгах регистрировалось формирование больших улиц и переулков с указанием "сколько сажен поперек" они имеют.



Рис. 2. Земельный план подмосковного села Либерицы (Люберцы). Вторая половина XVII в. (ЦГАДА, ф. 27, № 484, ч. III, № 19)

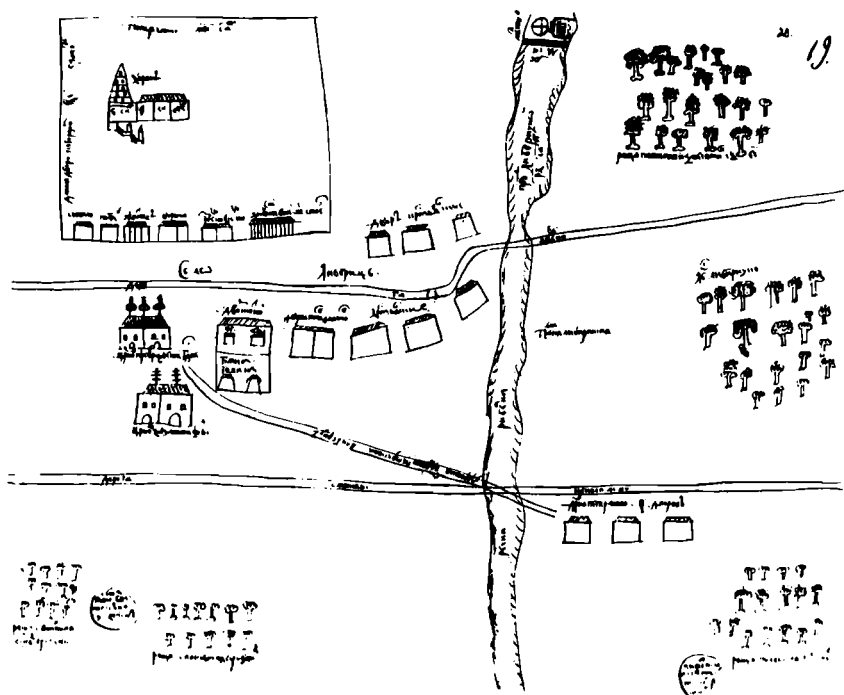


Рис. 3. Фрагмент чертежа московских дворов по улице от Спасских до Ильинских ворот. 1670 г., 17 августа (ЦГАДА, ф. 210, Московский столб, столбец 482, л. 7)

Указом 1678 г. устанавливались размеры площадей земельных участков под строение московских дворов за Земляным городом, предназначенные служилым людям "под загородные дворы и огороды". В 1684 г. была утверждена первая инструкция по межеванию в Москве.

Выполнение правительственных распоряжений требовало детального картографического изучения отдельных частей города, его улиц, площадей, переулков. Неудивительно поэтому, что со второй половины XVII в. до нас дошло наибольшее число русских чертежей различных улиц и дворов многих районов Москвы (рис. 3).

Современными исследователями зафиксировано 68 таких чертежей, относящихся преимущественно к 1665–1675 гг. [3, с. 139]; 19 московских чертежей опубликованы еще в 1861 г. академиком В.И. Ламанским [13]. Серьезным исследованием чертежей была публикация историка С.А. Белокурова [2]. Старинные архивные описи, в частности опись 1710 г. Приказа тайных дел отмечает: "Во второй книге в переплете из красной кожи . . . чертежи разные на Москве городовым стенам и московским улицам, и архиерейским, и монастырским, и боярским, и всяких чинов людей дворам, и государевым дворцовым селам и волостям, и в них дворцам и садам, и всякому строению" [14, с. 14–15]. Публикация описи завершается замечательными мыслями о необходимости более глубокой оценки вклада самобытной русской картографии до XVIII в. в изучение территории страны и ее столицы. Это суждение и сейчас звучит очень современно: "Неуважение к народной старине и невежественное пренебрежение ее драгоценными памятниками . . . были главнейшею причиною гибели и наших старинных чертежей . . . Образованность человеческая создается веками, переходя из рода в род, постепенно усовершенствуясь одно другое сменяющимися поколениями, вырастает органически на народной почве от дружных совокупных усилий всех классов общества" [14, с. 17–18].

Краткие сведения по истории картографирования Москвы до XVIII в. важны прежде всего для того, чтобы глубже понять и вернее оценить значение и преимущества картографических произведений, основанных на инструментальной съемке. Авторы книги, обращаясь к истории создания петровскими геодезистами плана Москвы 1739 г., гравированного в 1741 г., думали не только об истоках и становлении русской научной картографии, но и о нынешнем состоянии и завтрашнем дне этой науки.



Старинные русские географические чертежи до XVIII в. по методам создания, оформления и характеру относятся к допетровской древнерусской картографии. Они составлялись без математической основы, не имели унифицированных условных знаков и строгого масштаба, координатной сетки и единого ориентирования. Слабая метричность чертежей в значительной степени компенсировалась их богатым географическим содержанием, широким спектром топонимического наполнения. Картографическую основу региональных и обзорных чертежей составляла разветвленная речная сеть. При несовершенстве графических приемов передачи изображения характерным было сопровождение чертежей многочисленными надписями — указывали расстояния между населенными пунктами, давали дополнительные сведения об объектах, очень часто дополнительно составляли "рописи против чертежу" — текстовые пояснения, содержащие качественные и количественные характеристики объектов местности. В древнерусской манере чертежи продолжают появляться вплоть до середины XVIII в. Выполненные преимущественно непрофессиональными картографами, такие чертежи тем не менее отражали существенные географические открытия, достижения и исследования. Создавались они с помощью глазомерной съемки, обобщения письменных источников

или на основании опросных данных. За очень редким исключением все древнерусские чертежи были рукописными. Именно поэтому разноразличность их содержания и оформления всегда определялась уровнем подготовки, навыками и опытом составителей. При знакомстве с картографическими памятниками допетровской эпохи обращает на себя внимание исключительная деловая достоверность и практический характер древнерусских географических чертежей. Однако, все они, как и лучшие из них в составе первых географических атласов Сибири С.У. Ремезова рубежа XVII—XVIII вв., не могли наметить кардинального развития русской картографии в XVIII в.

В истории России бурные события этого периода, начавшегося с коренных социально-экономических реформ, занимают особое место. Проведенные правительством Петра I решительные меры борьбы с отсталостью в различных областях государственного управления, хозяйства, культуры, военного и морского дела значительно укрепили Русское государство. Суровыми были расправы с антифеодальными движениями, с противниками вводимых новшеств. Преобразования сопровождались ломкой сложившегося уклада жизни всех слоев населения. Реформа государственного аппарата, создание регулярной армии и военно-морского флота, организация Академии наук, Морской академии, учебных заведений, развитие промышленности и торговли, победоносное завершение Северной войны и возвращение берегов Балтийского моря, успешное решение внешнеполитических задач — все это превратило Россию в могущественную европейскую державу. В условиях ускоренного роста производительных сил реформы дали мощный толчок развитию мореплавания и наук, в особенности естествознания, математики, астрономии, географии.

В связи с государственными преобразованиями и активной внешней политикой по инициативе Петра I и его сподвижников стала на путь энергичного научного развития и русская картография. Для выполнения новых задач потребовались достаточно полные и точные карты. И наступивший качественно новый этап русской картографии характеризуется установлением и торжеством математических методов картосоставления.

Расширение и углубление географической осведомленности русских людей XVIII в. о родной стране сопровождалось научно-организованным планомерным картографированием ее территории. При этом важную роль сыграли централизованное управление картографическими работами, систематическая подготовка кадров для съемки и картосоставления, организация картоиздания. Усиление экономических отношений между хозяйственными районами государства потребовало более детальных картографических характеристик отдельных районов, а образование всероссийского рынка — регулярного составления и обновления сводных картографических произведений в виде генеральных (обзорных) карт и атласов. Помимо первой государственной ин-

струментальной съемки страны (1717–1752 гг.), к крупным картографическим начинаниям относятся экспедиции для картографирования морей и речных систем, составление генеральных карт и атласов России, военно-топографические съемки. Продолжался унаследованный от XVII в. процесс непрерывного картографирования русских географических открытий, особенно в Сибири и Северо-Западной Америке.

Присущее в целом для русской науки и культуры XVIII в. овладение передовыми достижениями западноевропейской мысли и творческое освоение прогрессивных разработок нашло в картографии отражение, прежде всего, в совершенствовании астрономических, триангуляционных, нивелирных и топографических работ. Для русской картографии первой половины XVIII в. очень важным является последовательное развитие картографических идей Петра I, И.К. Кирилова, Ж.Н. Делиля, В.Н. Татищева, серьезно продвинувших вперед картографическое мышление. С организацией в начале XVIII в. граверного дела и картоиздания приходит конец господству рукописных карт и атласов. Постепенно расширяются сферы применения картографического метода изучения явлений пространственной протяженности, и карты становятся более массовым источником информации. Начавшаяся дифференциация отраслей знания вызвала в XVIII в. стремительное развитие тематической картографии (экономической, лесной, геологической и др.) и соответственно – появление новых специальных карт – лесных, горнозаводских и т.д. С 20-х годов XVIII в. и на протяжении всего столетия осуществлялась разработка и внедрение инструктивно-директивных документов (руководств, инструкций, наказов), определяющих основные методы съемочных работ, устанавливающих единообразные принципы картосоставления и известную унификацию условных обозначений и оформления карт.

Пионерами нового периода в области картографии были Петр I и его сподвижники "птенцы гнезда Петрова" – фельдмаршал Я.В. Брюс, библиотекарь В.О. Киприанов, секретарь Сената И.К. Кирилов, вице-адмирал К. Крюйс, историк В.Н. Татищев, гидрограф Ф.И. Соймонов, математик Л.Ф. Магницкий, первые русские геодезисты и гидрографы. Петр I стал непосредственным вдохновителем и инициатором коренной перестройки картографирования территории страны, отвечающей проводимым преобразованиям. Широкая образованность, глубокое знание практической астрономии, топографии, гидрографии и других специальных дисциплин, практический опыт в определении координат географических объектов, хорошие навыки в производстве наземных и гидрографических съемок и в картосоставлении позволили ему стать выдающимся организатором проведения картографических работ в первой четверти XVIII в. в России. Благодаря личным заслугам Петра I русская и мировая картография и география обогатились важнейшими и новыми сведениями об огромных пространствах Евразии. И при осуществлении коренной перестройки государственного аппарата Петр I

придавал особое значение картографическим произведениям. Так, в особой 48-й главе Генерального регламента "О ландкартах и чертежах государевых" предписывалось в каждой коллегии иметь генеральные и партикулярные (частные) карты, "которые по времени изготовлены быть имеют, именно: описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и прочее".

Карты петровского времени, в том числе и переданная Петром в Парижскую Академию наук карта Каспийского моря 1715 г., в глазах европейских ученых сыграли роль документальных свидетельств тех значительных сдвигов, которые произошли в России. Признанием крупных успехов русской картографии явилось избрание 22 декабря 1717 г. Петра I академиком французской Академии наук.

Решительные меры борьбы с отсталостью в различных областях государственного управления, хозяйства, военного и морского дела, культуры потребовали скорейшего появления квалифицированных кадров, хорошо подготовленных для занятия командных постов в государственных учреждениях и офицерских должностей в армии и на флоте. Подготовка русских специалистов для вновь рожденного флота и регулярной армии в начале XVIII в. шла рука об руку с перестройкой школьного образования.

Одной из первых профессиональных светских школ явилась Московская математико- навигацкая школа, основанная указом Петра I от 14 января 1701 г. и размещенная в Сухаревой башне (рис. 4). Навигаторы по окончании школы поступали в распоряжение морского ведомства, но нередко получали и другие назначения, успешно работая в качестве геодезистов (картографов), землемеров, гидрографов, архитекторов, кораблестроителей, артиллеристов, инженеров и других специалистов, знакомых с точными науками. Для преподавания в школе Петр I пригласил английских учителей. Еще в 1698 г. на русскую службу поступили профессор астрономии и математики А.Д. Фарварсон, С. Гвин и Р. Грейс. Они возглавили руководство навигацким отделением, в то время как математическим руководил русский ученый Л.Ф. Магницкий.

Ученики математической школы, зачисляемые вначале в возрасте от 12 до 17 лет, а с 1710 г. — до 20 лет, обучались арифметике, геометрии и прямолинейной тригонометрии. Продолжительность занятий зависела от уровня общей подготовки и способностей школьников. Известный картограф и гидрограф XVIII в. Ф.И. Соimonов обучался в первом отделении около трех лет, после чего был переведен в навигационные классы. Во второй школе ученики изучали практическую (мореходную) астрономию, сферическую тригонометрию ("сфеерику"), общую и математическую географию, рисование, черчение. Они обучались основам картосоставления, ведению корабельного журнала и навигации. Вершиной школьного обучения было освоение теоретических основ навигационной науки и практики кораблевождения. Навига-



Рис. 4. Сухарева башња

ция как учебная дисциплина подразделялась на "плоскую" (кораблевождение на незначительные расстояния), "меркаторскую" (кораблевождение с помощью морских карт, составленных в проекции Меркатора) и "круглую" (кораблевождение "по дуге большого круга").

Математико-навигационная школа сыграла огромную роль в формировании взглядов и в общеобразовательной подготовке учеников. Все школьники прошли через "врата учености", т.е. изучали математическую энциклопедию тех лет — "Арифметику, сиречь науку числительную" (1703 г.) талантливой педагога Л.Ф. Магницкого. Среди других учебников первого десятилетия XVIII в. использовались преимущественно переводные книги по геометрии, астрономии, картографии — "Книга учащая морского плавания" (1701 г.) А. Деграфа, "Таблицы логарифмов и синусов, тангенсов, секансов к научению миролюбивых тшателей" (1703 г.), изданные А. Фарварсоном, "Геометрия славенски землемерие" (1708 г.), "Геометрия практика с фигурами" (1709 г.) и другие. Ученики, несомненно, были знакомы с популярным изложением системы Коперника в опубликованной В.О. Киприановым звездной карте "Глобус небесный иже о сфере небесной". Теоретические курсы сопровождались практическими занятиями в астрономической обсерватории Сухаревой башни. Ученики приобретали необходимые навыки обращения с геодезическими и астрономическими инструментами (буссолями, астролябиями, секторами, градшоками, квадрантами, ноктурналами).

Наиболее распространенными типами астролябий первой половины XVIII в. являлись круглая и полукруглая, или "полуциркулярная" астролябии. Круглая астролябия (рис. 5) состояла из горизонтально устанавливаемого на деревянном штативе (треноге) металлического (чаще всего латунного или бронзового) круга (лимба) или кольца с довольно точной градусной шкалой и двумя диаметрально расположенными на ее круге или кольце неподвижными щелями, или диоптрами, и вращающейся на вертикальной оси в центре круга визирной линейки (алидады) с такими же, как у лимба, диоптрами. Полукруглая или "полуциркулярная" астролябия отличалась от круглой тем, что вместо круга или кольца она имела полукруг или полукольцо со шкалой и визирной линейкой, вращающейся на вертикальной оси полукруглости. В центре астролябии, как правило, закреплялась бусоль, позволяющая ориентировать астролябию по магнитному меридиану и производить непосредственное измерение магнитных азимутов или румбов направлений. Точность отсчета угла по лимбу астролябии обычно не превышала 1° . Приведение плоскости лимба к горизонту в ранних вариантах инструмента осуществлялось на глаз без использования пузырькового уровня.

Для измерения расстояний использовались издавна привычные для русских землемеров мерные цепи (преимущественно десятисаженные) и веревки.



Рис. 5. Круглая астролябия со штативом работы русского инструментального мастера Ф. Тирутина (середина XVIII в.)

Достопримечательностью Московской школы был подаренный Петром I огромный медный географический глобус, служивший учебным пособием по географии. Этот редкий голландский глобус 1650 г. работы В. Блау в настоящее время находится в Государственном историческом музее.

Один из образованнейших людей своего времени и крупный государственный деятель Я.В. Брюс принимал непосредственное участие в учебном процессе, а Л.Ф. Магницкий помогал ему в занятиях с учениками практической астрономией и геодезией. В свою очередь, помощником Магницкого стал будущий выдающийся картограф, гравер и издатель В.О. Киприанов, который с 1701 г. заведовал библио-

текой при школе. С учреждением Московской гражданской типографии в 1705 г. ее "управителем" был назначен В.О. Киприанов. Типографии поручалось под общим наблюдением Я.В. Брюса издание книг, карт и "всяких листов". Основной ее продукцией стали карты и гравюры. По сути дела она представляла собой не только типографию, но была первым русским научно-исследовательским и производственным картографическим предприятием. В 1715 г. Петр I организовал в Москве вторую Гражданскую типографию, приказав "у справления оной быть. . . Василию Киприанову и писатца ему библиотекарем". С этого времени Киприанов оставляет Московскую навигацкую школу и полностью отдает себя практической деятельности составителя, гравера и издателя карт.

Я.В. Брюс, по-видимому, был одним из инициаторов создания отечественного геодезического приборостроения. Среди инструментов, находившихся в научном кабинете Я.В. Брюса и переданных по его завещанию в 1737 г. в Академию наук, наряду с образцами иностранного происхождения имелось и значительное число экземпляров русской работы. При описи библиотеки Я.В. Брюса среди "разных и прочих вещей" перечислены геодезические инструменты, среди них шесть медных астролябий, двенадцать компасов "больших и малых", "дощечка с масштабом по концам визиры" (визирная линейка с диоптрами — Л.Г., А.П.), "астрономический квадрант с трубкой зрительною, при нем столбик на четырех ножках" и др. Изготовлением с 1726 г. различных инструментов в Академии наук занимался один из первых русских оптиков-механиков математических инструментов мастер И.И. Калмыков [24, с. 22—24]. В ведомстве создателя и руководителя механической мастерской выдающегося конструктора XVIII в. А.К. Нартова находились "искусные" ученики инструментального дела — П. Галынин, Т. Кочкин, А. Овсянников, Ф. Тирютин, И. Качалов, оптических дел подмастерье И. Беляев и его ученик А. Беляев. Изготовлением и ремонтом геодезических инструментов, помимо Академии наук, занималась Адмиралтейская коллегия и инженерное ведомство (Фортификационная контора). В связи с командировками геодезистов Сенат запросил Академию наук о цене и наличии инструментов, в том числе квадрантов, астролябий "с стрелками намагниченными", цепей мерных, "трубок зрительных", а для копирования ландкарт и планов "стекло четвероугольных хрустальных" с футлярами 10 x 8 вершков (1 вершок — около 4,4 см). По академической справке к 1740 г. готовых инструментов в наличии не оказалось, а стоимость их была такова: квадрант 50 руб., астролябия полуциркулярная 30 руб., цепь 10-саженная 7 руб., трубки "прешпективные" от 2 до 20 руб.^{1*}

Под руководством учителей школьники проводили и серьезные изыскательские работы в полевых условиях. Так, например, была

* Здесь и далее см. примечание в конце книги.

выполнена нивелировка и съемка прямолинейной трассы новой "преспективной" дороги Санкт-Петербург — Москва. Дело в том, что с основанием в 1703 г. Санкт-Петербурга и перенесением в него столицы России, значительное внимание начинают уделять проектированию коммуникаций (сухопутных и водных) между старой и новой столицами, картографированию территорий вдоль этих коммуникаций, а также съемке и картографированию столиц для целей упорядочения планировки и строительства. Уже через пять лет после открытия Московской математико-навигационной школы в 1706—1708 гг. Фарварсон и Гвин с 11 учениками геодезистами провели высокоточные (для своего времени) геодезические изыскания трассы дороги, которые в 1730 г. были весьма положительно оценены таким строгим критиком, как академик Ж.—Н. Делиль. Территория, на которой планировалось произвести изыскания дороги, была закартографирована в 1706 г. Подлинные материалы этой работы сохранились в виде "Карты геодезической дороге из Петербурга в Москву по составленным 1706 г. промерам". Пояснено, что "ландкарта сочинена с описи математики профессора Андрея Фарварсона", которая составлена в период с 8 марта по 10 апреля 1706 г. от Москвы через Новгород до Петербурга, а "прочие ситуации Новгородской губернии с геодезических примечаний"².

Позднее активно стали производиться топографические работы для изыскания возможностей соединения Москвы-реки с Волгой с целью создания в дальнейшем водной коммуникации с северной столицей России. Одним из картографических результатов этих работ был, в частности, "Окуратной геометрический план разных речек и буерак и при них ближняя ситуация по именному е.и.в. указу для учинения судового ходу из Москвы реки в Волгу 1722-го году мерено и чрез ватерпас смотрено, в 1723-м году только планометрически без ватерпаса мерено, которые реки и ситуация означены на сей карте одной тушью. . ."³ На карте показано четыре варианта соединения верховьев реки Москвы и ее притоков с притоками Волги, все из которых замыкались на реке Дубне.

Функции Московской школы заметно сужаются с открытием в 1715 г. Санкт-Петербургской Морской (Адмиралтейской) академии. Профессора А. Фарварсона переводят в столицу, а вслед за ним туда же переводится и навигационное отделение. Постепенно московское специальное учебное заведение становится более похожим на математическую школу.

Ученики Морской академии обучались по классам (наукам). Перевод их из класса в класс осуществлялся в любое время, но строго индивидуально в соответствии с успехами каждого. Начальный класс — "наука арифметика", высший класс — "большая астрономия". Между ними классы геометрии, навигации, круглой навигации, сочинения ландкарт и межевания земель. К 1727 г. в Морской академии обучалось 229 учеников, которые распределялись по наукам следующим образом:

61 человек осваивали арифметику, 30 – геометрию, 108 человек обучались навигации, артиллерии, фортификации, рисованию, фехтованию, 4 – круглой навигации, 22 – геодезии, 4 – большой астрономии.

Набор инструментов, использовавшихся учениками Московской математико-навигационной школы и Морской академии, включал практически все угломерные инструменты, применявшиеся в то время в передовых странах. Поскольку первыми учителями петровских геодезистов были Фарварсон и Гвин, английская топографо-геодезическая школа оказала наибольшее влияние на начальном этапе формирования новых приемов съемок, картографирования и подготовки квалифицированных кадров топографов в России в XVIII в. В Англии в этот период предпочтение отдавали астролябической (теодолитной) съемке, а во Франции – мензульной съемке с непосредственным вычерчиванием ситуации в поле. Астролябические ходы легко были внедрены в практику русской полевой картографии, причем, как нам представляется, не последнюю роль в этом сыграла близость методики съемки посредством астролябии компасным маршрутным съемкам по рекам и дорогам, которые были обычными в практике составления русских обзорных географических чертежей XVII в.

Принудительное комплектование Московской школы и Морской академии учащимися только из дворянских недорослей (юношей) натолкнулось на упорное сопротивление многих дворян, дети которых любыми способами стремились уклониться от учебы. Постоянная нехватка "полного комплекта" учеников способствовала зачислению в эти учебные заведения детей "разных чинов людей". Из 22 учеников геодезии в академии в 1732 г. только шесть были дворянами. Учащиеся после усвоения арифметики, геометрии, тригонометрии, плоской и меркаторской навигации и сдачи экзамена профессору А. Фарварсону получали первое звание – геодезии ученика. Второе звание – геодезист – присваивалось после обучения геодезии, рисованию, "сочинению ланд- и зейкарт" (т.е. составлению карт суши и морских) и сдачи экзамена. Продолжительность учебы в среднем по школе и академии обычно не превышала 5–8 лет. Иногда учеба прерывалась служебными "командировками" на практическую работу, как это случилось с Ф.Ф. Кучиным, который учился с перерывами с 1708 по 1721 гг.

Геодезисты и геодезии ученики выполняли самые разнообразные поручения по картографированию географических объектов, межеванию земель, демаркации границ укрепленных линий, строительству дорог и каналов. Обычно по запросам коллегий, особенно Военной, Вотчинной и Иностранных дел, дворцового ведомства и других центральных государственных учреждений Сенат особыми указами предписывал Адмиралтейской коллегии обеспечить выполнение конкретных заданий силами специалистов – геодезистов и геодезии учеников из Морской академии. Среди таких "посылок в разные места" были, например, отправлены в 1719 г. М. Игнатьев и Ф. Балув с посольством Л.В. Из-

майлова "для счисления пути и сочинения ландкарт"; "к канальному делу" в Кронштадт посланы геодезисты Я. Ведрин, К. Зиновьев, Д. Похвиснев, С. Юренев; "к работам Ладожского большого канала" направлены геодезии ученики Я. Радишев, С. Лыков, Г. Кудрин, А. Мышечкин, Н. Косточкин, И. Пустышкин; в 1721 г. "к строению прешпективной дороги" был послан И. Балашов.

Новейшими исследованиями была установлена общая численность русских геодезистов, проводивших в первой половине XVIII в. съемочные работы и выполнявшие различные поручения по картосоставлению и копированию карт, астрономические определения, географические описания, размежевание. В области картографирования геодезисты XVIII в. были специалистами самого широкого профиля, они участвовали в составлении карты на всех этапах ее подготовки.

В конце 1752 г. была закрыта школа в Москве, а Морская академия преобразована в Морской шляхетный (дворянский) кадетский корпус. До 1753 г. было выявлено 275 воспитанников Московской математико-навигационной школы и Морской академии, получивших геодезическое образование в 1701–1752 гг., звание геодезиста или геодезии ученика и активно работавших на профессиональном уровне на государственной службе [4, с. 92]. Среди них около 60 человек трудились в сложных и особо тяжелых условиях Сибири. В их числе с 1724 г. почти 20 лет работала "отважная четверка" – геодезист П.Н. Скобельцын и геодезии ученики Д. Баскаков, И.С. Свистунов, В.Д. Шетилов, а с 1727 г. более 30 лет служил на благо отечества геодезист М.С. Гвоздев – первооткрыватель Аляски со стороны Тихого океана и правитель Камчатки. Естественно, что в разные годы общее число геодезистов (картографов) существенно менялось. В списках геодезистов 1733 г. насчитывалось 142 человека, а в 1743 г. – 107. По официальным данным к 1741 г. в Санкт-Петербурге и в других местах "у разных дел" находилось 119 специалистов, в том числе один учитель в ранге геодезии капитана, восемь геодезии поручиков, четыре геодезии подпоручика, 34 геодезии прапорщика, 48 геодезистов и 24 геодезии ученика.

По сложившейся традиции в литературе по истории картографии всех воспитанников геодезических классов первой половины XVIII в. принято называть по имени Петра I петровскими геодезистами. Хотя точнее ими следует называть лишь тех выпускников, которые поступили на учебу или завершили геодезическое образование еще при жизни Петра I.

Неповторимы судьбы петровских геодезистов и их преемников. Но полусушительная поговорка: "геодезист, не бесись, меряй прямо", зафиксированная в 1741 г., свидетельствует о том, что почти через четверть века после начала систематических съемочных работ в памяти народной отложился ставший привычным для самых отдаленных уголков России образ трудолюбивого картографа. "Всегда в великом труде и нужде" – так заключил автобиографию старейший геодезист Ф.Ф. Ку-

чин. Эти точные слова метко характеризуют жизненные пути большинства геодезистов. По рекам и морям, тундре и тайге, по долам и весям составляли они карты и планы, каталоги географических координат пунктов, уникальные географические описания и "неусыпно старались и смотрели, что к лучшему надлежит, ничего не упустия. . . , не взирая на приключившиеся тогда невозможности, так, как верным поданным надлежит, со всею своею прилежностью".

Новые методы съемочно-картографических работ, огромная территория, подлежащая измерению и описанию, создавали основные трудности в проведении картографирования страны. Наряду с тяжелыми физическими нагрузками геодезисты испытывали и материальные лишения в связи с необычайно частыми и длительными задержками выплаты жалования. Среди архивных документов часто встречаются челобитные с просьбами о выдаче "заслуженного жалования", которое они не получали в течение нескольких месяцев или ряда лет. По штатным положениям геодезисту устанавливалось жалование 6 руб. в месяц, геодезист ученику — 3 руб. В исключительных случаях (дальние или особо ответственные посылки) определялось двойное жалование. При недостатке инструментов многие геодезисты приобретали необходимое за свой счет. Изготовленные карты по ряду объективных причин поступали в Сенат из губерний с большими задержками. 23 декабря 1724 г. состоялся указ, предписывающий прекращение выдачи жалования тем геодезистам, которые не закончили в срок конкретных заданий, оставив им лишь "для пропитания солдатский корм". У местной администрации часто не оказывалось средств для своевременной оплаты. Вознаграждения выплачивали по третям года: за январскую (январь — апрель), майскую (май — август) и сентябрьскую (сентябрь — декабрь) трети.

Каждый из геодезистов внес свой личный определенный вклад в дело становления русской научной картографии. И несхожесть деяний лишь подчеркивает общее для всех — служебный долг, тяжелый труд, лишения, любовь к профессии, а на закате жизни у подавляющего большинства профессиональное заболевание — "глазная болезнь".

В сороковых годах XVIII в., когда в основном завершалась служебная деятельность первого поколения русских геодезистов, когда частыми стали их обращения по инстанциям с просьбами об отставке, результаты медицинских обследований объективно рисуют довольно печальную картину. В 1743 г. геодезии подпоручик П.Н. Скобельцын (41 года), проработавший в Сибири около 20 лет, сообщил, что "в посылках претерпевал великой глад и нужду, . . . також де от тамошних несносных и сырых воздухон пришел в тягостную цынготную и глазную болезни, от которой болезни ныне стал весьма дряхл, к тому ж читать и рисовать и писать не вижу". Капитан Г.И. Стрижевский (42 года) писал в доношении 1745 г., что помимо "головной" болезни, "в рисовании ландкарт совершенно не вижу, и когда надлежит те ландкар-

ты рисовать и с мачтапу на мачтап уменьшать, что всегда требуется, а я исправлять того не в состоянии'. Врачи Генерального сухопутного госпиталя, осмотрев 54-летнего геодезиста В. Яковлева, заключили, что он "стар и дряхл, отчего и глазами мелкие чертежи в геодезическом деле особливо при свечах делать не так способно может". "В глазах имели повреждение" или "неправое зрение" геодезисты И.И. Шишков, И.С. Свистунов, Ф.Г. Григоров, А.Ф. Клещнин, В.Ф. Каверин, М.А. Енкуватов, Ф.Ф. Кучин, В.Д. Шетиллов, П.И. Чичагов, Ф.Д. Лавров, М.С. Гвоздев и многие другие.

Некоторые из геодезистов рано окончили свой жизненный путь. Молодыми умерли С. Кучин, (1721), Е.Б. Евреинов (1724), Ф.Ф. Лужин (1727), В. Сухачев (до 1730), С.И. Попов (1733), И. Захаров (до 1735), Д. Баскаков (1735), Л.Б. Исаков (1745), И.К. Корчбников (1746). Одни достигли высоких чинов и званий (подполковники В.М. Зуров и Я.К. Филисов), другие — проявили незаурядные организационные способности (секунд-майор В.П. Рудаков, поручик А.Б. Писарев, капитан В.С. Сомов, прапорщик М.С. Пестриков), третьи — стали обладателями ученых степеней и должностей (адъюнкт Академии наук А.Д. Красильников, профессор астрономии и писатель Н.Г. Курганов). В совершенстве владевший французским и немецким языками геодезист И. Сечихин занял должность переводчика Академии наук. А геодезист Е.М. Владыкин вместе с геодезией учеником М. Башмаковым во время следования с торговым караваном измеряли путь изобретенной и изготовленной Владыкиным "верстомерной машинкой". Наиболее способные геодезисты привлекались к преподаванию учебных дисциплин в Московской математико-навигационной школе, Морской академии, гарнизонных и геодезических школах, занимая должности учителей и геодезии подмастерьев (А.А. Адамов, В.Д. Красильников, А.Ф. Клещнин, Ф.Д. Лавров, А.М. Исупов, С. Салтанов, М. Ушаков, А.И. Шишков и др.).

Геодезисты, различные по происхождению, профессиональной подготовке, мастерству, таланту, терпению, добросовестности, каждый со своим мировоззрением, по разному проявляли себя в жизненных ситуациях. Так, например, уполномоченный Оренбургской экспедиции в Москве геодезии поручик А.Д. Норов, увлекшись карточной игрой, проиграл в Немецкой слободе казенные деньги и скрылся от ответственности. Геодезист-географ В.М. Шишков из той же экспедиции более десяти лет боролся против казнокрада — сибирского губернатора А.М. Сухарева, но не сумел добиться правды и был приговорен военным судом к расстрелу. За "предерзости", донос на березовского воеводу И. Пелымского и "ложное сочинение" дважды был бит плетью и разжалован в матросы талантливый специалист А. Рышков, позднее восстановленный сибирским губернатором Ф.И. Соймоновым в звании геодезиста. За "некоторые дерзости" был "штрафован и написан в матросы" геодезии ученик Ф.И. Лопырев. Известно "дело" 1735 г. Тайной канцелярии о геодезисте П.С. Лупандине, привлеченном к ответу "за дерзкие речи об императрице" [4].



С появлением отечественных специалистов постепенно выполнялась грандиозная задача, поставленная Петром I, – создание генеральной карты империи, а также целой серии региональных карт и планов, детальных географических описаний. Великие труженики – геодезисты (картографы) первой половины XVIII в. – заложили прочные основы картографической изученности России. Героическими усилиями первых петровских геодезистов и их учеников в 1717–1752 гг. проводилась первая государственная инструментальная съемка, охватившая значительную часть территории России. В течение этого периода все, за редким исключением, значительные обобщающие картографические работы основывались на результативной деятельности геодезистов. По данным Адмиралтейской коллегии, которая в то время возглавляла учебную подготовку геодезистов и ведала учетом работ, наиболее подготовленные "для практики" воспитанники были посланы "ради описания мест и сочинения ландкарт" в самые различные места и удаленные уголки России. Так, например, "навигатора" Ф.А. Молчанова в 1717 г. отправили для работы в Тобольск, затем в Якутск и Нерчинск; в 1718 г. геодезисты Ф.Ф. Лужин и И.Б. Евреинов направились на северо-восток Азии, К. Бородавкин и Н. Сумароков – в Воронежскую губернию, Ф.Ф. Кучин: – в Ингерманландию, а с 1721 г. он вместе с В. Яковле-

вым работал в Смоленской губернии; в 1719 г. И. Захаров и И.П. Чичагов были направлены в Сибирскую губернию; в 1720 г. А.А. Сипягин, Г. Макаров, И. Чичерин, А. Толубеев — в Астраханскую губернию; геодезии ученики В. Леушинский и М. Исупов — в Можайский, Верейский, Боровский и Вяземский уезды и на съемку реки Гжать.

От отдельных поручений по съемке и картосоставлению в 1720 г. перешли к систематическому и планомерному проведению топографо-геодезических работ. Официально это было зафиксировано указами Петра I от 9 и 22 декабря 1720 г. и распоряжением начальника Морской академии Г.Г. Скорнякова-Писарева о назначении геодезистов в Московскую, Киевскую, Нижегородскую, Рижскую, Архангелогородскую и Казанскую губернии. Централизованное руководство всеми работами возлагалось на Сенат — высший государственный орган. С 1721 г. карты и первичные материалы съемок поступали в ведение сенатского секретаря Ивана Кириловича Кирилова (1695—1737 гг.), который вначале ведал только регистрированием и хранением карт. Однако инициатива и горячий интерес к делу способствовали тому, что скоро к нему перешло все руководство топографическими и картографическими работами. Он внимательно наблюдал за работой геодезистов, давал им задания, следил за своевременным поступлением карт из районов съемок, вел учет заснятых территорий, снабжал геодезистов инструкциями, заботился об обеспечении их инструментами, подписывал разрешения на отпуск.

Благодаря своим незаурядным способностям, неутомимой энергии и разносторонним знаниям И.К. Кирилов быстро продвинулся по служебной лестнице и достиг высокой должности обер-секретаря Сената, что дало ему в соответствии с Табелью о рангах чин 6-го класса и ранг полковника сухопутной армии. С 1727 г. Кирилов занимает видное место среди высшей бюрократии России. Занимая крупные посты в государственном аппарате Российской империи, он был активным проводником внутренней и внешней политики абсолютной монархии, энергичным продолжателем ряда начинаний Петра I. Кирилов сумел обеспечить систематическое проведение съемочно-картографических работ на огромной территории и собрать картографические материалы для создания таких выдающихся для своего времени произведений как первые экономико-географические описания страны "Цветущее состояние Всероссийского государства", "Генеральная карта" и "Атлас Всероссийской империи" И.К. Кирилова, а также "Генеральная карта" и "Атлас Российской", подготовленные и изданные Академией наук в 1745 г.

После смерти И.К. Кирилова на посту начальника Оренбургской экспедиции его сменил В.Н. Татищев, деятельность которого была кратковременной (1737—1739 гг.). С 40-х годов XVIII в. организационный уровень управления съемками заметно снижается. При Сенате была создана "экспедиция о геодезистах" во главе с учителем геодезии

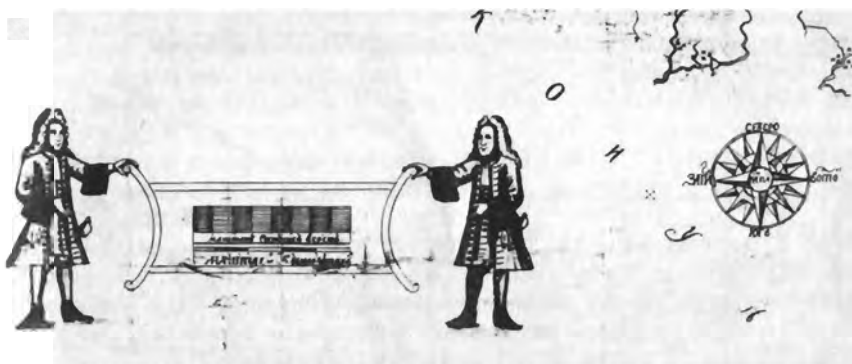


Рис. 6. Художественный картуш линейного масштаба на карте с изображением геодезистов. 40-е годы XVIII в. (ЦГАДА, ф. 192, Черниговская губ., № 2)

В.П. Рудаковым, подчиненная непосредственно сенатскому генерал-прокурору, далекому от интересов картографии.

Первоначально в каждую губернию для производства работ Сенат направлял, как правило, по два или четыре человека. На художественном картуше линейного масштаба одной из карт 40-х годов XVIII в. дано уникальное изображение русских картографов (рис. 6).

По мере усложнения заданий, увеличения объемов, необходимости выполнения специфических поручений возникла потребность в формировании долговременных групп (команд) геодезистов. Были образованы следующие команды: сенатская (12–20 чел.), московской конторы Сената (9–15 чел.), архитектора И.Ф. Мичурина по геодезической съемке Москвы (6–8 чел.), Камчатских экспедиций В. Беринга (9–15 чел.), А.П. Вольнского по картографированию и описанию земель для комиссии конных заводов (12–14 чел.), Адмиралтейской коллегии (8–25 чел.). Наиболее крупной (20–40 чел.) оказалась команда Оренбургской экспедиции, порученная капитану геодезии Я.К. Филисову, поручику В.М. Шишкову и прапорщику М.С. Пестрикову для картографирования Сибирской, Иркутской и Казанской губерний. Фрагмент карты, составленной М.С. Пестриковым, представлен на рис. 7.

В 1721 г. каждому геодезисту была вручена первая официальная инструкция Сената по съемке и составлению карт – "Пункты, каким образом сочинять ландкарты", в которой объединены известные еще в допетровский период методы рекогносцировочных (опросных) съемок с новыми методами привязок к системе географических координат, определяемых с помощью геодезических инструментов. Таким образом, первые съемки можно назвать полуинструментальными. Инструкцией предусматривалось определение по квадранту широты уездного города и широт пересечения главных дорог с границей уезда, в пределах которого полагалось прокладывать один магистральный ход по

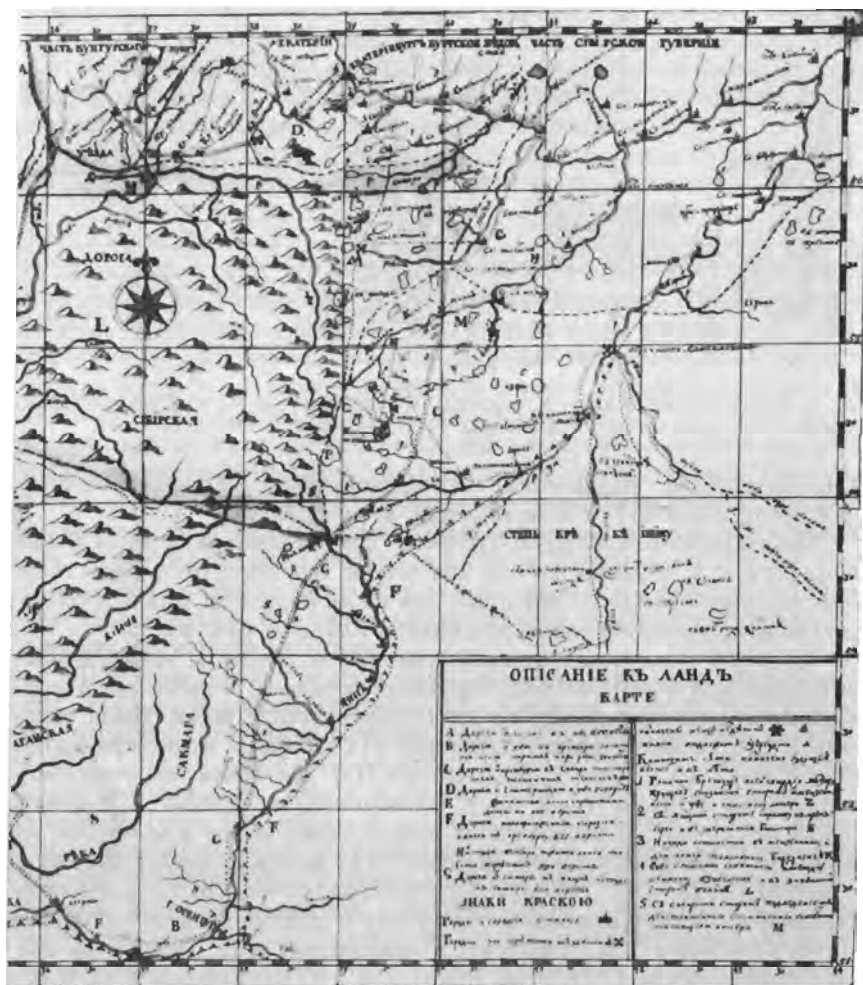


Рис. 7. Фрагмент ландкарты Башкирии, составленной геодезистом М.С. Пестриковым. Декабрь 1736 г. (ЦГАДА, ф. 192, Оренбургская губ., № 5)

трассе дороги с определением румбов и расстояний. Долготы мест получали вычислением. Для измерения румбов ходовой линии употребляли астрольбию или теодолит с диоптрами и компасом, для измерения линий применяли железную "мерительную цепь". Географическое содержание ландкарт ограничивалось изображением городов, сел, деревень, озер, рек, лесов и полей.

С 1722 г. в Сенат стали поступать с мест первичные документы

съемок (полевые журналы и каталоги широт и долгот) и ландкарты. Но первые картографические опыты петровских геодезистов не всегда были удачными. Поэтому еще в 1723 г. И.К. Кирилов составил дополнительную инструкцию — "Реэстр, что при сочинении ландкарт в пополнку (т.е. в дополнение — Л.Г., А.П.) описывать и примечать надлежит то, чего в присланных ландкартах не находитца", а также разослал всем геодезистам в качестве "образцовой" карту Кексгольмского уезда 1725 г. А.Ф. Клешина.

В своих многочисленных инструкциях для геодезистов 1725—1734 гг. И.К. Кирилов, обращая серьезное внимание на улучшение содержания карт и установление единообразия их оформления, требовал применять улучшенную методикку угломерной съемки (ввод угловых поправок), увеличивать число изображаемых на картах географических объектов и употреблять унифицированные условные знаки. С научно-методической стороны важно подчеркнуть, что его инструкции для отдельных геодезистов всегда носили направленный дифференцированный характер и четко учитывали не только конкретную специфику картографируемой территории, но и личные качества картографов. На заре становления русской научной картографии решающее значение имели различная степень подготовленности геодезистов и их индивидуальное профессиональное мастерство.

Начиная с 1725 г., кириловские инструкции пронизаны идеей о необходимости составления карт (одновременно со съемкой и вычерчиванием авторских оригиналов и их копий) по определенной программе географических и социально-экономических описаний, которые в некоторой степени могли компенсировать неполноту географической информации о местности на картах.

Изучение материалов первых геодезических съемок и ландкарт позволяет нам исправить ряд устойчивых стереотипных взглядов. Оказалось ошибочным распространенное мнение о том, что геодезисты при составлении карт избирали коническую проекцию. В действительности они применяли три простые проекции: прямоугольную цилиндрическую, квадратную цилиндрическую и трапециевидную псевдоцилиндрическую Н. Дониса. Астрономическая подготовка и практические работы петровских геодезистов-картографов ограничивались определением широт по высотам светил (в основном Солнца) и долгот методом геометрических вычислений. Долготы вычисляли решением сферического треугольника по широтам двух пунктов и расстоянию между ними, выраженному в градусной мере дуги большого круга. В большинстве случаев в каталоги геодезистов внесены пункты, широты и долготы которых получены не в результате астрономических наблюдений, а в результате вычислений по румбам и расстояниям. Не следует идеализировать точность геодезической основы карт, которая не могла быть высокой. Особенно частыми являлись искажения в величинах долгот. Впервые в истории русской картографии представление о про-

тяженности территории России с запада на восток получено с точностью пяти угловых минут благодаря астрономическим определениям геодезиста А.Д. Красильникова – ученика академика Ж.Н. Делиля. Свои наблюдения А.Д. Красильников выполнил в Сибири в 1733–1746 гг.

Геодезисты произвольно выбирали масштабы для составления карт и картографическая команда Сената проводила большую работу по приведению присланных с мест ландкарт к одному масштабу. В Европейской России применялись масштабы от 1:63 000 до 1:336 000, в Сибири – от 1:840 000 до 1:2 520 000.

Самые крупные коллекции рукописных карт русских геодезистов первой половины XVIII в. хранятся в библиотеке Академии наук в Ленинграде, в Национальной библиотеке в Париже и в архивах Морского министерства Франции. Эти карты расширяют наши представления об охвате территории России съемками в первой половине XVIII в. Известно, что к 1727 г. в России насчитывалось 285, а к 40-м годам 298 уездов. На ландкартах петровских геодезистов и их преемников показано не менее 241 уезда, т.е. 83,4 % всех существовавших уездов.

Несмотря на появление в 20–30-х годах XVIII в. единых инструкций по проведению полевых и камеральных работ и унификацию условных обозначений, не было единообразия в детальности, точности, полноте содержания и в оформлении созданных картографических произведений. Особенно часто не выполнялись требования об отсчете долгот от Канарских островов, о съемке проселочных дорог и приграничных территорий смежных уездов. Многие съемки очень подробны в передаче гидрографии и населенных пунктов. Так, изучение карты Нижегородского уезда геодезистов И. Шехонского и С. Орликова (1725 г.), не являющейся лучшей в геометрическом отношении, подтвердило ее полноту и правдоподобие. Сопоставление этой карты с десятиверстной картой Европейской России 1865–1871 гг. показало совпадение в передаче 88 % названий населенных пунктов [21, с. 107]. Целый ряд ландкарт свидетельствует о высоком мастерстве и большом трудолюбии их авторов. Геодезии подпоручик А.Ф. Клешнин, один из лучших картографов своего времени, к 1744 г. по собственным съемкам создал 39 карт и 8 планов. Высокую оценку получили карты Тобольской и Енисейской провинций геодезиста П.И. Чичагова. Его подвижнический труд в Сибири увековечен на карте Советского Союза – побережье Таймыра между реками Енисеем и Пясиной получило название "Берег Петра Чичагова".

Математическое обоснование карт петровских геодезистов позволило в дальнейшем практически осуществить главный принцип системного картографирования – от частного к общему, т.е. синтезировать карты отдельных административно-территориальных единиц (уездов, провинций) в рамки карт более крупных регионов (губерний), а затем и страны в целом (генеральные карты). Таким образом, документы съемок, ландкарты и географические описания явились главным

исходным материалом для создания в 30–40-х годах XVIII в. обзорных карт и географических атласов России.

С 1726 г. И.К. Кирилов начал осуществлять свой грандиозный проект – публикацию атласа и обзорной карты Российской империи. По плану Кирилова атлас должен был состоять из трех томов по 120 карт каждый. К 1734 г. удалось издать и подготовить к печати 37 карт, из которых к настоящему времени найдено 28. Гравирование на медных досках и печатание производилось на собственные средства Кирилова. По его замыслу издание атласа позволит устранить существенный недостаток всех предшествующих карт, на которых многие местности России изображали "пустыми землями", покрыв их съемками. По мере издания Кирилов периодически (в 1731, 1732 и 1734 гг.) брошюровал гравированные карты в отдельные выпуски по 10, 12, 16 и 19 листов. Таких собранных и переплетенных в одну книгу печатных карт, называемых "Атласами Кирилова", в СССР сохранилось четыре экземпляра. Одиннадцать листов из атласа имеются в Гидрографическом архиве Морского министерства в Париже. Отдельные карты также представляют большую редкость. Незавершенность кириловского проекта, тем не менее, не дает основания полагать, что Атласа Кирилова в действительности не существует.

Из 37 карт, подготовленных для атласа, 32 созданы петровскими геодезистами – А.Ф. Клепшиным, А. Жихмановым, И.И. Елагиным, М.С. Пестриковым, Д.А. Мордвиновым, И. Ханьковым, М.П. Зиновьевым, А. Кушелевым, П.Н. Скобельцыным, И.С. Свистуновым, Д. Баскаковым, В.Д. Шетиловым, Ф.А. Молчановым, П.И. Чичаговым, В. Суворцовым и С. Дьячковым, И. Хрущовым и Б. Батуриным, Т. Лодыженским, С. Игнатьевым, М.Д. Сметьевым, А. Толубеевым, А.А. Сипягиным, И. Чичериним, Г. Макаровым, И.П. Шехонским, С. Орликовым, С.Л. Чичаговым. Карта из "Атласа Всероссийской империи" И.К. Кирилова представлена на рис. 8.

Среди региональных карт атласа выделяется своеобразная карта Москвы-реки 1731 г. (издана в 1734 г.) в масштабе 1:65 000 геодезистов Ф.К. Ежевского и Ф.Т. Воробьева. Новейшими исследованиями установлены имена истинных творцов первой печатной генеральной карты Российской империи 1734 г. До сих пор считали составителем этой обзорной карты И.К. Кирилова. Но, не умаляя его роли и значения как инициатора создания атласа неутомимого организатора и руководителя работ, редактора и издателя, доказан бесспорный факт составления генеральной карты в течение июля 1731 – апреля 1732 г. группой сенатских геодезистов в составе Я. Есенева, И.Ф. Ханькова, А. Кушелева, П.И. Чичагова, М.С. Пестрикова и А.П. Зиновьева [5, с. 60].

После отъезда в Оренбург (1734 г.) И.К. Кирилов продолжает, хотя и менее интенсивно, руководить картографическими работами в стране. В поисках методов устранения недостатков обзорной карты и ландкарт геодезистов он уже в 1735 г. выдвинул ряд идей, оказав-



Рис. 8. Карта разграничения по Ништадтскому миру из "Атласа А.Ф. Клепшиным и А. Жихмановым. Фрагмент гравюры П. Пикара 1724 г.



Всероссийской империи" И.К. Кирилова. Составлена в 1722 г.
(ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, № 25391)

ших существенное влияние на дальнейшее развитие географической картографии XVIII в. и военно-топографических съемок первой половины XIX в.

В одном из предложений Кирилова просматриваются основные черты метода полигонометрии. Центральное место заняла идея создания геодезического обоснования карт путем построения каркасной сети опорных ходов по рекам и магистральным дорогам. Предлагалось описание и измерение в первую очередь главнейших рек и основных сухопутных дорог, нанесение их на карту, затем — проведение съемки и нанесение на карту всех губернских, провинциальных и уездных границ. Остальные географические объекты (населенные пункты, леса, поля, степи, горы, озера, болота) рекомендовалось наносить, используя для этой цели ранее изготовленные карты. Обращает на себя внимание предложение Кирилова о необходимости соблюдения при картосоставлении определенной последовательности нанесения отдельных элементов содержания карты: сначала наносить реки и дороги, затем границы и в последнюю очередь природные и хозяйственные контуры и объекты. Отметим, что подобная очередность в общих чертах сохранилась в картографии и до наших дней.

На смену И.К. Кирилову в качестве руководителя общегосударственных картографических работ (в особенности на периферии страны) пришел выдающийся ученый-энциклопедист и крупный государственный деятель Василий Никитович Татищев (1686—1750 гг.), который также оставил яркий след в истории русской картографии XVIII в. Он уделил особое внимание совершенствованию организации геодезической съемки, обогащению географического содержания карт, расширению числа картографируемых признаков.

Одним из первых русских ученых Татищев последовательно и настойчиво применял, пользуясь современной терминологией, картографический метод исследования. Всесторонне развивая географическую картографию, он явился вместе с тем одним из основоположников тематического картографирования и, прежде всего, горнозаводского (экономико-географического). С 1734 по 1737 г., будучи начальником всех горных заводов Урала и Сибири, Татищев принял энергичные меры по составлению региональных и обзорных горнозаводских карт, наделенных достаточно полной географической характеристикой территории горнозаводского ведомства и показывающих размещение полезных ископаемых, рудников и заводов.

Правительственными указами 23 мая и 5 августа 1737 г. Татищеву поручалось возглавить работы по "дополнению и исправлению" ландкарт и сочинению генеральной карты России. Шесть групп геодезистов команды Татищева по его приказам (инструкциям) 1738 г. приступили к съемке — "исправлению ландкарт и сысканию правильной широты и долготы" в наименее изученных и труднодоступных районах страны.

Разработанная В.Н. Татишевым методика полевых работ была нацелена на коренное улучшение качества съемок, на создание более совершенной астрономо-геодезической основы. При сохранении традиционной методики проложения ходов вводилась практика многократных измерений. С целью обогащения содержания карт предлагался новый способ получения информации о местности, предполагавший ограничение опросов и расширение использования инструментальной съемки. В значительной степени повышались требования к точности съемок. Вместо одного инструментального хода в уезде предлагалось "проходить через знатные места или подле знатных рек раза три или четыре". Через каждые 30 верст проложенного хода, а также в городах предписывалось выбирать пункт для астрономического определения широты и долготы. Вокруг этих геодезических станций в радиусе 15 верст производили съемку ситуации. Пункты связывали инструментальными ходами. Таким образом, создавалась сеть ходов, составлявших геодезическую основу будущей карты. Рекомендовалось вводить поправки за наклон линий хода, а также систематически проверять точность и исправность приборов и инструментов.

Инструкциями устанавливался новый порядок составления карт. Прежде всего строили сеть меридианов и параллелей в меркаторской проекции (вместо прежней проекции Дониса). Затем по координатам, занесенным в полевые журналы (каталоги), наносили опорные астрономические пункты и съемочные маршруты. Особое внимание уделялось согласованию изображений границ и ситуации смежных уездов. В.Н. Татищев обратил внимание на важность выявления при картографировании истоков рек, определяющих водоразделы и, следовательно, общую орографическую схему региона. Он считал необходимым определять широту главных поворотов русла, ширину, глубину, скорость течения, характер донного грунта судоходных рек, а на уездные карты наносить все речки и ручьи.

Геодезисты должны были записывать в полевые журналы сведения о характерных особенностях рельефа, древесном составе леса, примечательных особенностях городищ, кладбищ и других интересных объектов. В.Н. Татищев был твердо убежден, что карта и описания к ней дополняют друг друга: "одно без другого недостаточно", так как по описанию без карты или по карте без описания легко можно "мнением обмануться". В.Н. Татищев разработал для геодезистов специальный вопросник из 198 пунктов, ответы на которые составляли своеобразные описания карт — прообраз современных объяснительных записок к картам различного содержания.

В.Н. Татищева по праву можно назвать родоначальником научного критицизма в русской картографии. При оценке содержания карт он считал главным, прежде всего, их точность, достоверность, полноту; скрупулезно изучал принципы построения и источники картосоставления, придирчиво проверял географическую нагрузку и метрологию

ческие характеристики. Но предъявляя высокие требования к картографическим произведениям и их создателям, Татищев не учитывал реальных технических возможностей эпохи и уровня подготовки специалистов. Поэтому не удивительны субъективные отрицательные высказывания ученого о всех созданных ландкартах геодезистов, о картографической деятельности И.К. Кирилова. Резко осуждая за существенные ошибки и отвергая все зарубежные карты России (за исключением карты 1730 г. Ф. Страленберга), В.Н. Татищев, вместе с тем, выдвинул отвечающую действительности концепцию о самообычном развитии древнерусской картографии. Это актуально и в наши дни, так как до сих пор живуча антинаучная "теория иностранного начала" в русской картографии.

Как И.К. Кирилов, так и В.Н. Татищев все организационные вопросы картографирования страны решали непосредственно в Сенате. Для апробации научно-методических проблем картографии они установили тесные связи с Академией наук, где вскоре после ее основания были начаты работы по составлению академического географического атласа.

Руководство астрономическими, географическими и картографическими работами в Академии наук с 1726 г. было поручено академику Ж.Н. Делилю (1688—1768 гг.). Оценка его деятельности весьма противоречива. Одни исследователи связывают прибытие в Петербург из Франции этого, несомненно, крупнейшего астронома, последователя великого Ньютона, с началом "новой зры в русской картографии", другие обвиняют его в двадцатилетних "проволочках и отговорках" при создании академического атласа. За 15 лет своей деятельности Делиль подготовил лишь многочисленные проекты, записки, инструкции с обширной программой объединения астрономо-геодезических и картографических работ, предложения по подготовке кадров и централизации руководства картографическим делом.

Все эти разработки несмотря на несомненную их научно-теоретическую и методическую ценность совершенно не учитывали реально сложившейся обстановки. Требовалось скорейшее удовлетворение государственных потребностей в географических картах, что было чрезвычайно сложно для обширной территории России и неравномерности в изучении ее регионов. Особые трудности возникали при определении координат географических пунктов, основанных на астрономических наблюдениях. Существовали проблемы с подготовкой квалифицированных геодезистов. К тому же работы по подготовке обзорных карт и атласов проводились параллельно (до 1734 г.) в Сенате и Академии наук. Определенные трудности возникали из-за незнания русского языка Делилем, а также из-за нехватки квалифицированных картографов и чертежников со знанием французского языка.

Многие деятели русской науки, в том числе И.К. Кирилов и В.Н. Татищев, не могли не осудить ту медлительность, с которой Делиль про-

водил работы по составлению атласа. Попытки некоторых исследователей оправдать Делиля тем, что он, "дорожа фамильной честью ученых географов", желал, прежде всего, обеспечить академический атлас достоверными источниками и надежной математической основой, развенчал знаменитый математик Л. Эйлер. Он писал, что "ежели бы всю Российскую империю по треугольникам вымерять, то несравненно исправнейшие карты сделать можно. Но если рассудить, что такое дело и в 50 лет исправить нельзя, то каждый разумный человек уступить принужден, что опубликованные карты несравненно лучше, нежели ни каким не быть"*.

Признавая высокий научный авторитет французского ученого, Кирилов часто прибегал к его советам и помощи, привлекал к сверке и исправлению некоторых карт, к разработке проекции для обзорной карты. Известно, что для генеральных карт России 1734 и 1745 гг. Делилем была применена равнопромежуточная коническая проекция Меркатора 1569 г. с двумя стандартными параллелями, впервые описанная Эдвардом Райтом. Впоследствии эта проекция под названием "проекция Делиля" нашла широкое применение для изображения территории нашей страны. В свою очередь, Делиль регулярно получал от Кирилова всевозможные картографические и географические материалы, составившие позднее часть картографического собрания Географического департамента Академии наук. Кирилов посылал ему геодезистов для копирования карт и совершенствования в астрономических наблюдениях и вычислениях. Каталог 1735 г. Ж.Н. Делиля — "Имена геодезистов, расположенные в алфавитном порядке", — содержит характеристики деятельности 40 русских геодезистов. Желая оправдать свою бездеятельность в проведении картосоставительских работ, Делиль пытался переложить ответственность на Кирилова. Он обвинял его в том, что тот чинил препятствия в предоставлении геодезистов, пересылке карт и т.д. Кирилов, постоянно удовлетворявший почти все запросы Делиля, решительно выступал против бесконтрольного распоряжения картографическими материалами. Он не доверял Делилю, считая его виновником утечки государственной картографической информации за границу. Эти подозрения неопровержимо подтвердили документы, опубликованные только в XX в. Ж.Н. Делиль, критиковавший ландкарты русских геодезистов, считая их непригодными для составления генеральной карты и атласа, тем не менее, как оказалось, регулярно пересылал в Париж некоторые подлинники и сотни копий уникальных русских карт 20–40-х годов XVIII в. [21].

Изданный в 1745 г. академический атлас дает более совершенное изображение территории всего государства, чем карты, опубликованные Кириловым в 1726–1734 гг. Но и для нового картографического произведения основными источниками составления генеральной и ре-

* Материалы для истории Академии наук. Т. 8. — Спб.: 1895 г. — с. 501.

гиональных карт явились инструментальные съемки, географические описания и ландкарты петровских геодезистов и их преемников, которых по праву можно назвать главными соавторами "Атласа Российской" 1745 г.

До выпуска этого атласа с 1726 по 1745 г. в Академии были изданы три карты для кириловского атласа, карта западного побережья Каспийского моря, 10 карт военных действий, мировой "Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества. . ." 1737 г., серия планов и карт Прибалтики и побережья Финского залива, а также планы Санкт-Петербурга и Москвы.

Об устойчивой практике и сложившейся традиции регулярного создания планов (чертежей) русских крепостей и городов свидетельствуют сохранившиеся картографические источники и старинные архивные описи. Так, в описи документов 1668 г. Разрядного приказа (военного ведомства) указано число чертежей укрепленных городов: Белгорода (1640–1668 гг.) – 18, Воронежа (1636–1655 гг.) – 7, Кочетова (1641–1652 гг.) – 5, Севска (1641–1653 гг.) – 3.

В трех географических атласах Сибири рубежа XVII–XVIII вв. С.У. Ремезова помещены изображения всех сибирских уездных городов, ряда острогов и монастырей. Чертеж Ремезова с изображением города Пельми представлен на рис. 9. Для истории картографии особенно интересны те ремезовские планы городов, которые изготовлены им на основе личных наблюдений и выполнены с натуры путем непосредственных измерений и глазомерной съемки, например, планы городов Тобольска 1701 г. и Кунгура 1703 г. На его планах отражены особенности планировки того или иного населенного пункта, сложившаяся конфигурация, взаиморасположение городских построек и коммуникаций. Общие виды административных и церковных зданий даны в перспективе, как бы с высоты птичьего полета.

В той же древнерусской картографической манере составлены специалистами инженерного корпуса и военного ведомства многие планы городов и крепостей первой четверти XVIII в. Например, план Полтавы 1722 г. кондуктора (унтер-офицера) И. Бишева сочетает плановое изображение города с перспективными и полуперспективными внемасштабными рисунками отдельных городских зданий, башен крепости и церквей.

По мере совершенствования методов съемки местности с 30-х годов XVIII в. решительным образом меняется картографический стиль составления планов городов и крепостей. Исчезают физиограммы с рисунками, уступив место планам, основанным на инструментальной съемке с использованием масштаба и единообразных условных обозначений, а со второй половины столетия – и унифицированной раскраски. Сопоставление сохранившихся планов городов и крепостей разных лет рисует динамическую картину развития городов и русского градостроительства в целом.



Рис. 9. Изображение города Пельми на уездном чертеже С.У. Ремезова из "Чертежной книги Сибири". 1699–1701 гг. (Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, рукописный отдел, ф. 256, № 346, л. 16)

По своему характеру и назначению все рукописные планы городов, крепостей и других населенных пунктов XVIII в. можно разделить на четыре большие группы. Фиксационные планы отражали действительную географическую ситуацию, сложившуюся сеть городского ансамбля или его отдельных частей. Проектные планы показывали перспективное направление, особенности и детали проектируемой городской планировки и застройки. Конфирмованные планы – утвержденные царем проектные планы. Отчетные планы освещали ход восстановительных работ или осуществление проекта за определенный период времени. Нередко на одном плане сочетались показатели двух видов – фиксационного и проектного, проектного и конфирмованного, про-

ектного и отчетного. Проектные планы второй половины XVIII в., предназначенные, в основном, для благоустройства городов и их регулярной планировки, ведут свое начало от тех проектных чертежей и планов XVII – первой четверти XVIII в., когда многие населенные пункты (города, крупные монастыри) рассматривались как крепости или укрепленные оборонительные пункты. Так, во время Северной войны в 1706 г. по проекту генерала Алларта был изготовлен план Киева с укреплениями и ретраншаменами в масштабе 1:7560.

Общий фонд планов городов и крепостей XVIII в. сложился в результате деятельности многих государственных учреждений, заинтересованных и нуждающихся в достоверных и точных картографических документах в целях управления (Сенат), обороны (Военная коллегия), строительства и фортификации (инженерное ведомство) и т.д.

При проведении первой государственной инструментальной съемки 1717–1752 гг. петровские геодезисты и геодезии ученики составляли планы городов описываемой ими территории. Так, геодезисты М.С. Сметьев и А. Жихманов представили в Сенат "сочиненный" ими 23 декабря 1733 г. план города Кашина в масштабе 1:42 000. На плане, как писали авторы, "положены церкви и признатные дома в своих местах при показанных по сему положению улицах порознь". Лучшие геодезические планы городов были опубликованы Академией наук: в 1737 г. план Санкт-Петербурга с надписями на русском и немецком языках, в 1741 г. гравированный на меди план Москвы, заверченный в 1739 г. восемью геодезистами "под смотрением" архитектора И.Ф. Мичурина.



НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП

Совершенно удивительно, что к 250-летию первого плана Москвы (рис. 10), основанного на инструментальной съемке, история его создания осталась белым пятном для русской картографии. Но процесс перестройки начался и в исторической науке. Значительно расширилась документальная база исследований. При систематическом изучении огромного архива Сената и в особенности Московской сенатской конторы теперь оказалось возможным воссоздать сложную и интересную историю составления замечательного картографического произведения периода становления русской научной картографии.

По существующей традиции, которой следовали историки архитектуры и градостроительства, изложение истории плана 1739 г. сводилось в сущности к цитированию из Полного собрания законов Российской империи указа Анны Ивановны 14 марта 1731 г. "О сделании плана города Москвы", воспроизведению текста двух картушей печатного плана, а также к характеристике деятельности архитектора И.Ф. Мичурин в Москве.

Царским указом предписывалось: "Понеже Москве, яко резиденции нашей, акуратнаго плана поныне не имеется и дома строятся непорядочно, того ради указали мы всей Москве большим и малым ули-



Рис. 10. Гравированный план Москвы (1741 г.) на основе петровских геодезистов (ЦГАДА, ф. 192, Московская губ.,



инструментальной съемки 1732–1739 гг.
№ 4)

цам сделать акуратно план”. Подчеркивалось далее, что “покамест оной сделан будет, до тех мест вновь никакого деревянного строения никому не делать, а у кого зачато, тем о достройке онаго требовать указа от Правительствующаго нашего Сената”. В картушах плана размещены краткие общие сведения — в верхнем левом углу: “План императорскаго столичнаго города Москвы, сочиненной под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году”; в нижнем правом углу: “При снимании сего плана употреблены были следующие геодезисты: Сава Кашинцов, Максим Енкуватов, Алексей Карцов, Александр Коптев, Степан Чичагов, Василий Шишков, Яков Красильников, Сергей Щелков”. На основании приведенных данных в обыденной трактовке начало работ по составлению плана относили к 1731 г., а сам план стали ошибочно называть мичуринским или планом Мичурина, хотя в документах XVIII в. он всегда назывался московским планом. Что же касается непосредственных исполнителей, то кроме перечня фамилий восьми геодезистов, в историко-картографической литературе отсутствуют какие-либо сведения о вкладе истинных творцов оригинального плана Москвы 1739 г.

Как стало теперь известно, работы по съемке Москвы начались за два года до именного указа 1731 г. Руководитель всеми картографическими работами в стране И.К. Кирилов с негодованием отмечал медлительность в производстве работ. Он писал в 1734 г., что “ныне в бытность мою в Москве усмотрел, что московский план, зачатой еще в 1729 году, поныне не окончан”⁴. Приведенная дата не могла быть опиской автора, тщательно следившего за исполнением всех картографических заданий. К тому же с 1728 г. Кирилов живет в Москве в связи с переездом из Петербурга в старую столицу царского двора Петра II вместе с высшими правительственными учреждениями, в том числе и Сенатом. В Москве Сенат пожаловал Кирилову в вечное владение “порозжее дворовое место” в Земляном городе за Москвой-рекой между Калужской и Серпуховской улицами, где на Полянке обер-секретарь Сената построил каменный дом “из 27 покоев” в приходе церкви Петра и Павла. В летнее время он жил вблизи Донского монастыря в своем “загородном дворе”, где В.В. Киприанов участвовал в печатании рьяда карт для кириловского атласа [17, с. 70].

На начальном этапе создания плана Москвы не существовало четкой организационной программы работ. Вначале съемка проводилась чинами инженерного ведомства, а отдельные поручения выполнял московский архитектор И.А. Мордвинов с помощниками, подчиненными находящейся в Петербурге Комиссии от строений. О том, что эти работы выполнялись еще до указа *14 марта 1731 г.*, имеются прямые и косвенные свидетельства источников. Так, в доношении Московской сенатской конторе о выдаче заработанных денег солдатам, назначенным “для меры и ношения инструментов к сочинению московского плана”, И.А. Мордвинов указал, что *23 сентября 1730 г.* “определены

к нам" пять солдат Коломенского полка да 3 августа 1731 г. еще 20 человек⁵. В другом рапорте в мае 1731 г. архитектор доложил о полученном им приказе Сената "делать план Красной площади и лавкам в большом виде, в котором означать все пристройки, також де доделывать московский план". Одновременно он сообщал, что из Петербурга Комиссия от строений "понуждает меня под штрафом ехать туда в самой скорости"⁶. И.К. Кирилов немедленно отменил распоряжение Комиссии и подготовил сенатский указ 1 июня 1731 г., по которому было велено архитектору И.А. Мордвинову "доделывать московский план" вместе с гезелем (помощником) и архитектурным учеником Григорием Небольсиным⁷. Становится ясным, что по представлениям И.К. Кирилова к середине 1731 г., т.е. спустя 2,5 месяца после указа 14 марта, план Москвы осталось только доделать. Мнение это было ошибочным. На самом деле эта огромная и сложная работа по различным причинам растянулась с 1729 г. на целых десять лет.

Сам Мордвинов вел отчет своей официально установленной деятельности по руководству составлением московского плана с 1 июня 1731 г. "А до меня — писал он позднее в одном из отчетов — одного плана было сочинено только Кремль да Китая малое число"⁸. Помимо небольшой группы во главе с московским архитектором, съемочные и картографические работы проводились прапорщиком и кондукторами (унтер-офицерами) Инженерного корпуса под руководством квартирмейстера Даниила де Боскета. Командой последнего с 1731 и до мая 1732 г. "сочинено того плана в Земляном городе от Покровских ворот до реки Яузы, от Покровских же ворот и от Белого города до Земляного валу, от Земляного валу и до реки Яузы весь корпус (строения. — Л.Г., А.П.) с улицами и с дворами. . . тако ж и вал Земляной снят от Покровки до Никитской улицы, да еще несколько улиц снято — от Земляного валу, а именно: Мясницкая, Сретенка, Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская" [15; № 8, с. 55]. Однако, эти съемки имели крупные недостатки, которые выявились в 1732—1733 гг., когда к работам активно подключилась группа квалифицированных специалистов-геодезистов из Морской академии.

ТЕОДОЛИТ ИЛИ МЕНЗУЛА

Появлению геодезистов в команде составителей московского плана предшествовали бурные события, связанные с проведением, так называемого, аннинского межевания (1731—1735 гг.). Следует пояснить, что определение бесспорных границ землевладений и точный учет земельного фонда в качестве государственного хозяйственно-политического мероприятия проводились в России с времен образования государства. С развитием поместной системы межевание, помимо финансового, приобретает юридическое значение, так как разграничение зе-

мель между владельцами без государственного вмешательства стало недостаточным для бесспорного владения землей. Первоначально межевания проводились при отводе земель, пожалованных за службу. Но когда земли стали давать и в вотчину, то межевались все земли. Таким образом, межевание преследовало как государственные, так и интересы владельцев земель. Писцовые описания межей представлены многочисленными грамотами и книгами до XVII в. включительно.

С укреплением дворянского землевладения (указом Петра I 23 марта 1714 г. о единонаследии) межевое законодательство защищает классовые интересы помещиков и дворян, которые нуждались в установлении границ своих владений, в охране законом своих земель, в выселении земельных захватчиков. Однако, и петровское (1723–1725 гг.) в Ингерманландии, и аннинское, а позднее и елизаветинское (1754–1762 гг.) межевания потерпели неудачу потому, что при проверке границ и конфискации незаконно захваченных дворянами государственных, свободных и крестьянских земель, встретили яростное сопротивление дворян, не желавших возвращать захваченные земли.

23 февраля 1731 г. в Сенате рассматривались предложения сенатора П. Ягужинского о проведении межевания. Самое непосредственное участие в их разработке принимал обер-секретарь Сената И.К. Кирилов. В целой серии июньских указов зафиксированы принятые решения⁹. Так, по указу 2 июня 1731 г. предписывалось послать межевщиков для межевания земель "во все государство", кроме Сибири и Астрахани, "особливо нынешним летом в одну Московскую провинцию, а в прочие — потом". Принято решение взять из Лифляндии двух "искусных ландмессеров" (межевщиков) "для показания в межевание по маниру лифляндскому" и для образца "тамошние межевые ландкарты". 7 июня Сенат приказал Адмиралтейской коллегии выбрать "добрых" 40 геодезистов и прислать их немедленно в Москву. 25 июня Сенат обязал Вотчинную коллегию "к межевому делу списывать межевые книги" прежних лет, сначала только одного Московского уезда. Для этого копирования предлагалось выделить из коллегии 100 подьячих и еще 100 человек взять из других канцелярий. При этом предусматривалась унификация: ". . . а писать по 25 строк на страницу". 28 июня 1731 г. был опубликован указ о посылке межевщиков, разосланный через два дня в количестве 6287 экземпляров по всему государству. Кирилов провел колоссального объема работу по изучению древних писцовых наказов, инструкций межевщикам, составил реестр подобных инструкций, тщательно отредактировал проект о межевании земли, написав к нему ряд оригинальных разделов. Он провел интересный анализ численности конторских служителей и копиистов, выявив по всем коллегиям, конторам и канцеляриям 1323 чел¹⁰.

21 июля 1731 г. в Москву в распоряжение Сената для межевания земель Московской губернии прибыло 28 геодезистов с "надлежащими инструментами". Морская Академия сумела выдать каждому вос-

питаннику на один месяц (по 1 июля) половинное жалованье (3 руб.) и выделить для работы лишь 4 теодолита, 6 готовален и 7 "мерительных" цепей. Опытному геодезисту С.А. Кашинцову не составило особого труда рассчитать реальную потребность инструментов для межевания. 27 июля он представил расчет, полагая, что "ежели при каждом межевщике геодезистов послать по три человека, то надобно один феодолит, одна готовальня, одна цепь мерительная. Итого 40 человекам 13 феодолитов, 13 готовален и цыркулей, 13 цепей мерительных. А ежели по два человека, то надобно 20 феодолитов, 20 готовален, 20 цепей"¹¹.

При явной нехватке геодезических инструментов для проведения межевания и съемок московского плана академическая мастерская получила от Сената крупный и срочный заказ¹². Сенатским указом 27 июля предписывалось 20 астролябий с готовальнями прислать в Москву в Сенат немедленно, а "к тому велеть делать, как скоро можно. И при том объявить цену тех инструментов, и о состоянии мастеров, и есть ли у них ученики, дабы впредь такое мастерство в России вкоренилось"¹³. Все эти мероприятия проводились, бесспорно, по инициативе И.К. Кирилова.

10 августа Академия наук ответила Сенату, что "ныне налицо имеется один феодолит и к трем готовальням инструменты", сделанные И.И. Калмыковым с учеником, а для изготовления астролябий "требуется на один феодолит три недели", но если они будут "другого манера", то потребуются две недели. "Учеников имеется токмо два человека", но если Сенат решит не только к инструментальным мастерам, но и ко всем "художникам и мастеровым людям молодых людей доброго понятия придать, то б в непродолжительные годы можно во всех . . . художествах искусных людей иметь"¹⁴. Одновременно с этим официальным ответом управляющий Канцелярией Академии И.—Д. Шумахер направил И.К. Кирилову личное письмо, в котором сообщил: "Мы можем чрез наших . . . здешних мастеров в каждые две недели по одному инструменту самую хорошею работою сделать, как в Англии или во Франции, а ценою гораздо дешевле. Эслинг в Берлине со всякого астролябия берет по пятьдесят рублей, а мы за 35 рублей также чисто и исправно сделаем"¹⁵. Известно, что Шумахер весьма враждебно был настроен к русской науке и ко всему русскому, однако и он не мог не признать того факта, что русские академические мастера способны изготовить геодезические инструменты не хуже заграничных и по более низкой цене.

Переписка между Сенатом и Академией наук по вопросу изготовления инструментов закончилась тем, что 31 августа 1731 г. Сенат послал второй специальный указ, в котором говорилось: ". . . в инструментах такая нужда, что в Москве сыскать негде, и при академиях не обретается готовых; наипаче же ныне с межевщиками многого числа не достает, того ради Академии наук подтвердить, чтоб как скоро воз-

можно делали мастера. . . , а именно до тридцати феодалитов с надлежащими к ним инструменты. И сколько когда сделано будет, присылать в Сенатскую канцелярию, не дожидаясь всех; за которые деньги выдаваны будут. . . К инструментальным мастерам в ученики отослать из Адмиралтейской академии или из Московской школы шесть человек молодых и понятных людей, кроме шляхетства, чтоб оные могли обучаться, а мастерство в России вкорениться, и не принуждены б были таких нужных инструментов за дорожную цену из чужих краев доставать” [24, с. 41–42]. Имея в виду просьбу Сената сделать астролябии “как скоро возможно”, Калмыков усовершенствовал процесс их изготовления. Применявшиеся им ранее при изготовлении единичных экземпляров астролябий точение и выпилровку основных частей из листовой и кусковой латуни он заменил отливкой из бронзы. Договорившись с Литейным двором Главной артиллерии и фортификации о возможности отливки частей астролябий, Калмыков начал свою работу над ними с изготовления моделей для отливки, которые были выполнены им в исключительно короткий срок. Уже 3 октября, т.е. немногим больше чем через неделю, он докладывал Академии наук о том, что формы “к отливанию астролябий” у него готовы [24, с. 42].

В сентябре 1731 г. в Москву прибыл ревизор Людвиг фон Гохмут и предъявил мемориал: “Каким образом в Лифляндии в межевании и в мерянии земли и угодий обыкновенно поступают”¹⁶. По сенатскому приговору 5 декабря 1731 г. он приступил “к освидетельствованию” геодезистов и их инструментов. К этому времени в Москве оказалось 37 петровских геодезистов и их учеников. В особом доношении 18 января 1732 г. непосредственно императрице Анне Ивановне Гохмут писал, что “те геодезисты землемерного дела науку знают весьма мало и подлинно действовать ничего не знают, ибо и не ведают, что есть стол геодезической. . . И хотя у них астролябии и есть, но и оным инструментом в землемерном деле действовать не умеют же”¹⁷. Он предложил снабдить геодезистов “потребными” инструментами и “отдать в науку” для овладения мастерством межевания. Из-за незнания русского языка Гохмут не взялся за обучение и просил разрешения вернуться на родину.

Вне сомнения, различная степень подготовленности геодезистов и их профессиональная выучка на заре становления русской научной картографии имели решающее значение при составлении и оформлении карт. В качестве отрицательных можно привести два примера. Межевые чертежи, созданные 28 июня 1723 г. геодезистами И. Лебедевым и Я. Есеневым (с линейным масштабом и ориентированные на юго-запад) и 25 июня 1738 г. геодезистом Ст. Игнатьевым, по существу находились на одном уровне с аналогичными чертежами допетровской эпохи. В 1733 г. И.К. Кирилов был вынужден послать геодезистов Я. Оголина (Агалина) и Я. Есенева “для описи мест и сочинения вновь и поверения прежних” (т.е. для исправления чертежей) вместо

работавших в разное время с 1721 г. Ст. Игнатьева и Т. Ладыженского, а также В. Суровцова, С. Дьякова, В. Леушинского и М. Исупова, так как "Московской губернии 18 городов описаны и ландкарты присланы, токмо приписных к Москве 10 городов ландкарты явились несправны" [4, с. 91]. Но в целом к 30-м годам XVIII в. теоретический и практический уровень подготовленности геодезистов к проведению съемочно-картографических работ был достаточно высоким. И предвзятое суждение Гохмута было, конечно, мало обоснованным. Более правдоподобны, на наш взгляд, высказывания историков межевого дела о том, что сложившаяся конфликтная ситуация отразила, как и позднее в XIX в., борьбу между сторонниками применения либо теодолита, либо мензулы.

Конфликт петровских геодезистов, воспитанных в традициях Московской школы и Морской академии, с иноземной "манерой" межевания явился ярким примером одного из первых проявлений "борьбы астролябии с мензулой", продолжавшейся в отечественной геодезии вплоть до Октябрьской революции. Эта борьба, подробно описанная в трудах Константиновского межевого института, на деле представляла соперничество одинаково правомерных аналитического (астролябического или теодолитного) и графического (мензульного) методов съемки местности. Первоначально в русской геодезии под влиянием английской съемочной школы господствующее положение занял аналитический метод астролябических съемочных ходов (рис. 11). В межевой практике этот метод продолжал оставаться основным не только в XVIII, но и в XIX в.

Постоянное совершенствование угловых и линейных измерений, составляющих основу аналитического метода, объективно способствовало созданию великолепной отечественной школы триангуляторов-геодезистов Межевого института. А в военном ведомстве, прочно внедрившем с конца XVIII в. в свою практику графический метод съемок местности на мензуле, сформировалось сильное и своеобразное направление маршрутных рекогносцировочных работ, особенно прославившееся в процессе пионерных экспедиционных исследований в Центральной Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. В XIX в. уже не было исключительного господства того или иного метода съемок в межевом и военном ведомствах. Активно происходил обмен идеями и накопившимся опытом съемок, в значительной степени унифицировалась подготовка кадров, но все же межевая школа отдавала предпочтение аналитическому методу, а военно-топографическая — графическому, что находило отражение в многочисленных дискуссиях на страницах научно-технических журналов вплоть до начала XX в.

Серьезные обвинения лифляндского ревизора в адрес геодезистов вызвало настоящую бурю и всеобщее негодование. Оскорбленные и возмущенные русские геодезисты единодушно и гневно осудили действия иноземца, который поспешно с разрешения Сената выехал на ро-



Рис. 11. Съемщики с инструментами за работой в поле. Рисунок на генеральном плане уезда. Вторая половина XVIII в. (ШГАДА, ф. 1356, № 6735)

дину. В обращении к Сенату всех 37 геодезистов, собравшихся в Москве, выразилось настойчивое желание получить объективную оценку и вынести справедливое решение.

Коллективное "доношение" 31 января 1732 г. геодезистов настолько уникально по своему содержанию, что достойно воспроизведения:

"По е.и.в. указу присланы мы, нижайшие, из Санкт-Петербурга из государственной Адмиралтейской коллегии в Москву в Правительствующий Сенат для отсылки к межеванному делу с принадлежащими инструментами. И по указу Прав. Сената велено нас, нижайших, присланному из Лифляндии иноземцу ревизору Гохмуту экземеновать, что мы к тому межевому делу достойны-ль, также и для лучшего осмотра наши инструменты, которые даны нам из Санкт-Петербурга, повелено ему осмотреть, что показанные инструменты к межеванию годны ли. . . Иноземец Гохмут в Прав. Сенат подал доношение якобы мы, нижайшие, к тому межевому делу недостойны и инструменты, данные нам, к тому межеванию не годны. А не токмо оной иноземец Гохмут чтоб указа Прав. Сената исполнил и нас, нижайших, экземеновать, что мы к тому делу способны-ль, тако ж и наши инструменты к тому межевому делу годны-ль, а оной иноземец Гохмут по указу Прав. Сената исполнения не учинил и нас, нижайших, не экземеновал и предъявил, что мы того дела не умеем, и инструменты наши объявил, что они к тому межеванному делу не годны, а предъявил свой инструмент, который к нашей должности к тому межевому делу и непригоден. Да оной же иноземец Гохмут и объявил в доношении своем в Прав. Сенат, что мы, нижайшие, по его объявленному инструменту межевать не умеем и геодезической должности не знаем. . . А мы, нижайшие, в той науке е.и.в. служили у описи и ландкарт и у межевания земель с означенным инструментом феодолитом беспорочно, в чем нас, нижайших, в той науке свидетельствовал Санкт-Петербургской Академии господин профессор Фарварсон. А какая наша наука, о том известен Прав. Сенат. Также при сем для лучшего свидетельства представляем мы, нижайшие, ландкарты и планы, у которых мы, нижепоименованные, у дел были". В заключение выражена просьба выслать всех в Морскую академию к А. Фарварсону с тем, чтобы профессор смог "в той науке нас с оным Гохмутом освидетельствовать". Затем следует список 37 ведущих петровских геодезистов и подпись: "Геодезист Федор Аринкин вместо себя и товарищей своих руку приложил" [15, № 8, с. 60–62].

Московские сенаторы, не вникая в детали возникшего дела, 1 февраля сообщили в Петербург о мнении Гохмута; 10 февраля 1732 г. последовало указание отпустить ревизора, а 22 февраля состоялся сенатский приговор – геодезистов, находящихся в Москве и в Петербурге, отослать в Академию наук к профессору Ж.Н. Делилю для обучения астрономическим вычислениям и "рисованию ландкарт".

За восемь месяцев (июль 1731 – март 1732 гг.) сбора геодезис-

тов в Москве для межевания уезда многие из них выполняли ответственные поручения Сената. При сенатской канцелярии были оставлены геодезисты Н. Сумароков и К. Бородавкин "для рисования" (т.е. копирования) присылаемых из губерний ландкарт. Геодезисты А.А. Кроткой и Ф.Д. Лавров отосланы И.К. Кириловым 28 августа 1731 г. для межевания спорных земель в дворцовом селе Софьино Московского уезда; А.А. Иванов и И. Шишков откомандированы в Сибирский приказ для посылки с полковником Кошелевым. Ряд геодезистов (Ф.Г. Григоров, А.И. Наумов и др.) в этот период оказались больными. По резолюциям И.К. Кирилова некоторые геодезисты были отпущены в 1732 г. по неотложным делам в отпуск "для исправления домовых нужд". Так, Ф. Трофимов получил паспорт до 1 марта, Д.А. Мордвинов до 10 мая, Ф.И. Теглев до 1 августа 1732 г. Геодезист С.А. Кашищов, приехавший в Москву 21 июля 1731 г., с 3 декабря 1731 г. по 30 марта 1732 г. был отпущен домой в село Тимошиху Суздальского уезда¹⁸.

Таким образом, из 37 геодезистов для обучения 21 марта 1732 г. было отправлено только 15 человек, которые в мае прибыли в Петербург, однако вскоре они были посланы Сенатом для выполнения различных ответственных заданий. В этой группе находились два молодых геодезиста — И.Б. Исаков 19 лет и С.А. Арсеньев 23 лет, — получившие звание по представлению А.Д. Фарварсона летом 1731 г. Они были направлены в Москву в числе 40 человек к межевым делам. Несколько месяцев И.Б. Исаков и С.А. Арсеньев занимались "снятием московского плана", затем пути их разошлись. По приказу И.К. Кирилова С.А. Арсеньев занялся в Сенате копированием карт Китая, а в октябре 1732 г. был направлен вместе с Ф. Трофимовым для составления карты Псковской губернии. И.Б. Исаков, помимо съемки в Москве, был занят "рисованием ландкарт" в Сенате и Академии наук, а в апреле 1733 г. откомандирован в Главную полицмейстерскую канцелярию вместе с геодезистами Ф.Т. Портновским и И.В. Соловцовым для проведения переписи обывательских домов в Петербурге и "сочинения всех островов плана"¹⁹.

Многочисленные потребности в проведении съемочно-картографических работ в стране значительно превышали возможности Морской академии в подготовке специалистов, а Сената в их распределении для удовлетворения самых насущных заявок. Тем не менее в этих сложных условиях по настоянию И.К. Кирилова правительство, считая создание московского плана одной из первоочередных задач, приняло весной 1732 г. необходимые организационные меры для проведения не случайных, а систематических съемок Москвы и ускорения составления плана города силами профессиональных и квалифицированных специалистов.

КОМАНДА ГЕОДЕЗИСТОВ АРХИТЕКТОРА И.А. МОРДВИНОВА

В самый разгар заключительного этапа неудавшейся организации межевания в Московском уезде архитектор И.А. Мордвинов 10 марта и инженер-квартирмейстер Д. Дебоскет (Д. де Боскет) 11 марта 1732 г. обратились в Сенат с просьбами о выделении в их распоряжение геодезистов, находящихся в Москве. Мордвинов назвал конкретных геодезистов, которые "потребны к сочинению московского плана": М.А. Енкуватова, Ф.Т. Воробьева, Ф.Г. Аринкина, А. Иванова. Свой выбор сделал и Дебоскет, пригласив геодезистов А. Коптева, С. Погорельцова, С. Беликова и А.И. Наумова. Требования руководителей двух команд были удовлетворены и подтверждены сенатским указом 21 марта 1732 г., подготовленным И.К. Кириловым, в котором вместо А. Иванова, изъявившего желание ехать в Петербург, записан геодезист А.Б. Писарев²⁰. Однако оказалось, что Писарев лишь формально был зачислен в команду Мордвина. Еще в 1731 г. он вместе с геодезистом А. Кушелевым в Сенате отбирал картографические источники для составления "ландкарты о Персии". В том же году по запросу коллегии иностранных дел был направлен "для сочинения ландкарт" с геодезистом М.П. Зиновьевым и переводчиком И. Тевкелевым в Киргиз-Кайсацкую орду и Башкирию, откуда возвратился в Петербург в начале 1734 г.

Уже в мае 1732 г. и Мордвинов, и Дебоскет требовали выплаты жалованья за январскую треть года для восьми геодезистов, зачисленных к ним²¹. 12 мая 1732 г. последовало распоряжение Сената о командировании Д. Дебоскета (впоследствии генерал-инженера, автора целого ряда карт 40–50-х годов XVIII в. на районы Украины) "к строению Украинской линии и крепостей"²². В связи с новым назначением инженер-квартирмейстера все работы по съемке Москвы возлагались на архитектора И.А. Мордвина с единой командой из 8 геодезистов²³. На место заболевшего чахоткой А.И. Наумова Мордвинов определил согласно сенатскому приговору 26 июня 1732 г. геодезиста С.А. Кашинцова, "понеже он к оному делу искусен"²⁴. Несколько позднее (в сентябре 1732 г.) к команде присоединился И. Шишков, в апреле 1733 г. на месяц откомандированный "к строению Аннингофского дворца"²⁵. В этот же период Ф. Воробьев и С. Погорельцов были отправлены в Конюшенную канцелярию к генерал-майору А.П. Волынскому для картографирования мест под устройство новых конных заводов²⁶. Таким образом, состав группы геодезистов непрерывно менялся. На практической работе почти всегда находилось не восемь, а пять или шесть человек, что отрицательно сказывалось на темпах съемки.

— Мордвинов неоднократно обращался в Сенат с просьбами о восстановлении полного комплекта команды. Так, например, в доношении 1 мая 1733 г. он требовал, чтоб "для вспоможения к сочинению оку-

ратного московского плана” оставить в его команде прибывшего из Таврова геодезиста А.Д. Норова²⁷. Узнав, что 29 октября 1733 г. из Казанского адмиралтейства прибыли в Москву геодезисты братья Иван Михайлович и Василий Михайлович Шишковы, архитектор просит Сенат включить их в свою команду ”для лучшаго послешения о сочинении московского плана”²⁸. Но все попытки подобного рода остались безрезультатными. Сенат рекомендовал Мордвинову ”исправлятца наличными геодезистами”.

На всех этапах съемочных и картосоставительских работ вплоть до сдачи последнего варианта Московского плана в 1739 г. постоянными основными исполнителями были геодезисты С.А. Кашинцов, М.А. Енкуватов и А. Коптев, а до 1736 г. — геодезисты Ф.Г. Аринкин и С. Беликов. Большинство геодезистов московской группы имели незначительные практические навыки работы или находились в длительных командировках. Лишь наиболее опытные специалисты С.А. Кашинцов и Ф. Воробьев приобрели значительный практический опыт в проведении съемочных, описных и картосоставительских работ.

Савва Андреевич Кашинцов обучался в Морской академии с 1716 г., в 1719 г. числился в классе ”плоской навигации”. Совместно с геодезистами Ф.И. Теглевым, Г. Окуловым и И. Лебедевым участвовал в Персидском походе, куда они были направлены ”для сочинения как земляных, так и водяных ландкарт”. Вернулся из похода в Москву в мае 1723 г. и был послан в 1727 г. с геодезии учеником К. Лугвеневым ”для описи лесов и сочинения ландкарт” в ряде провинций (Тверской, Углицкой, Ярославской, Костромской, Галицкой, Нижегородской и др.). О своей службе до 1731 г. Кашинцов кратко записал: ”. . . в практике был в Низовом походе в Дербенте и в протчих тамошних местах для сочинения ландкарт, да посылан же был для описи лесов по реке Волге от верховья до нижней, да посылан же для описи лесов и сочинения ландкарт в Новогороцкую провинцию. В том и подписуюсь своею рукою”²⁹ (рис. 12).

Феклист (Феоктист) Воробьев о себе сообщил: ”В практике и у сочинения ландкарт был 1722 году мая в . . . день с господином генералом Генниным для описания рек от Москвы реки до Волги, от Волги до Ладожского озера для учинения судового ходу. В 1727 году был послан с господином капитаном-командором Козловым в Казань для описания корабельных лесов”³⁰. В 1727 г. по сенатским спискам он числится геодезии учеником, с 1731 г. — геодезистом. 22 июля 1731 г. по указу Сената, подготовленному И.К. Кириловым, Ф. Воробьев и Ф.К. Ежевский направлялись на работу по описанию и составлению карты берегов Москвы-реки до впадения ее в Оку. В особой инструкции для проведения инструментальной съемки и описания реки И.К. Кирилов предписал геодезистам:

”1. Описать (зачав от Москвы от Земляного города вниз по Москве-реке до самой Оки) все луки и повороты и прямое течение с мерою,

Служба Кашинцова в Страны Египетские
 при Сирском полку в 1731 году
 тамошних Местных для Службы
 Лейтенант Гавриилъ Кашинцовъ
 в Службу Полковъ былъ посланъ
 Иванъ Гавриловичъ Кашинцовъ
 в Службу Лейтенантъ Гавриилъ
 Кашинцовъ в 1731 году
 Служба в 1731 году

Рис. 12. Автобиографическая записка 1731 г. геодезиста С.А. Кашинцова (ЦГАДА, ф. 248, кн. 1201, л. 685)

и где какие есть мели и пересыпи, кои останавливают в летнее время в проходе суды. 2. Из сторон устья впадающих в Москву реку рек и речек. 3. По обеим сторонам берегов, сколько увидеть могут, снять через инструмент длину и широту лугов, болот, озер, горы, села, деревни, мельницы и другия знатныя места”. Отдельный пункт посвящен поездкам “в марчоги* и там, где есть луки, то осмотреть и измерять, и положи в ландкарту; також де будет для способности перекопывать, то высоки ль те места, тому профили прислать в Сенат” [9, с. 423]. Текст инструкции позволяет в общих чертах получить представление о методике работы по съемке Москвы-реки. В 1734 г. И.К. Кирилов опубликовал гравированную А. Зубовым первую карту Москвы-реки, основанную на инструментальной съемке. Эта карта 1731 г. Ф. Воробьева и Ф. Ежевского вошла в кириловский атлас.

Труд геодезистов, помимо создания карты Москвы-реки, имел существенное значение для картографирования города. В то время на территории Москвы еще не было создано какой-либо геодезической сети, и детальная съемка долины реки Москвы, составляющей “ландшафтную основу” территориальной организации города, создавала базу для построения картографического изображения. Заметим, что первая триангуляция Москвы была создана офицерами Главного штаба в 1833–1840 гг. Базис триангуляции располагался в северо-западной части Москвы между Петровским парком и селом Хорошевым. Начало координат московской триангуляции относилось к центру колокольни Ивана Великого в Кремле. В черте городского вала было определено около 317 пунктов [20, с. 18].

За редким исключением, выявленные исторические свидетельства не содержат конкретных данных о заданиях геодезистам по съемке Москвы. Отчетные материалы съемок носят обобщенный характер, поэтому невозможно установить расстановку сил, степень трудовых усилий

* Правильнее марчик, марок, мар – термин, применяемый в геоморфологической литературе в районах Поволжья и обозначающий холм, бугор, курган, одинокую горку.

каждого специалиста Московской команды геодезистов И.А. Мордвинова.

В распоряжении архитектора к 1733 г. находилась еще и архитектурная команда в составе гезеля (помощника архитектора) Д. Елчанинова, ученика Г. Небольсина, скульптурного и мраморного дела мастера А. Хребтикова, писаря С. Яковлева, навигатора Г. Бологовского, учеников И. Молодцова и И. Жукова³¹. Сам И.А. Мордвинов получил высокое профессиональное образование. Он был одним из петровских "пенсионеров". Привлекая крупных специалистов из-за границы, Петр I создавал и собственные кадры ученых, зодчих, художников. Молодые дворяне во время обучения за рубежом получали значительное для того времени жалование ("пенсию"). Многие будущие видные русские зодчие с 1716 г. на несколько лет отправлялись для совершенствования знаний: "Еропкин и Усов в Италию, а Коробов, Мордвинов и Мичурин в Голландию обучались на казенном коште. И на содержание их перевожено. . . денег — первым двум по 500 руб., а последним трем — по 400 руб. в год"³².

Помимо ответственности за "снятие московского плана", главными занятиями Мордвинова в Москве были осуществление архитектурного надзора, проведение ремонтных и восстановительных работ ветхих дворцовых, общественных и церковных строений. Архитектор с большим трудом справлялся с правительственным поручением "исправлять без медления. . . казенные разные строения и городовые и во дворцах починки, и сочинение московского плана, и осмотры в монастырях ветхостей"³³. После перевода И.Ф. Мичурина в 1731 г. из Санкт-Петербурга в Москву функции обоих московских архитекторов конкретизировались. На Мичурин возлагалась "починка в нужных местах Кремля, Китая и Белого городов ветхостей, также обветшалого строения Воскресенского, Савина, Симонова, Вознесенского монастырей и осмотры и сметы в протчих монастырях ветхостей". Мордвинов ведал "строением Аннингофского дому, починкой в Большом Дворце палат, Каменномоского питейного двора и протчего, сочинением московского плана"³⁴.

Работа с планом и геодезистами не была для Мордвинова основной. В сущности она ограничивалась, в основном, исполнением административных функций по снабжению геодезистов материалами и инструментами, своевременной выплатой жалования, решением целого ряда организационно-хозяйственных вопросов (выбор помещения для чертежной, ее освещение и отопление, размещение геодезистов для проведения камеральных работ, хранение материалов и инструментов, обеспечение безопасности в ходе съемок и т.д.).

Для осуществления задания — "делать всея Москвы акуратной план, которой и делаетца" — 8 августа 1732 г. И.А. Мордвинов обратился в Сенат с просьбой приобрести необходимые инструменты и материалы, без которых "пробыть невозможно". К доношению был приложен ре-

есть заявка. Архитектор требовал починить одну астролябию и выдать: 6 готовален с циркулями, по 8 деревянных линеек и угольников, бумаги александрийской 2 стопы и полуалександрийской 3 стопы, писчей 6 стоп, карандашей в олове 8 дюжин; красок "яри венецкой" (ярко-зеленой) 1 фунт, "бакану венецкой" (багряной) 2 фунта, "крутику" (синей) 2 фунта, "гамгуту" (желтой) 2 фунта, "умры" 2 фунта, "кармину" — 10 золотников; чернил китайских (туши) 3 ящика, клея 16 кусков.

28 августа Мордвинов "приторговал" на 42 руб. 6 готовален с циркулями (по 7 руб. за комплект), остальные материалы приобретал у купцов И. Шапошникова, И. Михаева, Г. Назарова и Я. Михайлова из москательного, овощного и других торговых рядов. Интересна стоимость этих товаров: карандаши в олове 8 дюжин — 6 руб. 40 коп., тушь 3 ящика — 13 руб. 50 коп., клей 16 кусков — 96 коп.; краски "ярь" за фунт 2 руб. 50 коп., "бакан" 2 фунта — 24 руб., "гомегут" 2 фунта — 5 руб., "крутик" 2 фунта — 2 руб. 40 коп., "умра" 2 фунта — 24 коп.; александрийская бумага 2 стопы — 70 руб., полуалександрийская 3 стопы — 18 руб. Не найдено было только писчей бумаги и краски "кармину"³⁵.

Так как до сих пор известен только черно-белый гравированный план Москвы 1741 г., то сейчас стало ясно, что все рукописные оригиналы по традиции были иллюминированными. Исключение составляли лишь "черные" (черновые) жземпляры.

По приказу Сената 30 августа из Штатс-конторы Мордвинов получил 185 руб. для покупки "приторгованных" инструментов и материалов, а из Сенатской канцелярии — 6 стоп писчей бумаги³⁶.

По рапортам в феврале, мае и сентябре 1733 г. были удовлетворены просьбы Мордвинова о выдаче жалованья (по 6 руб. в месяц) геодезистам его команды С. Кашинцову, И. Шишкову, Ф. Аринкину, А. Коптеву, А. Писареву, М. Енкуватову, С. Беликову за прошедшие сентябрьскую треть 1732 г., январскую и майскую трети 1733 г. По "удостоинству" (представлению) И.А. Мордвинова в том же 1733 г. было увеличено жалованье И.Ф. Мичурину³⁷. Специальным решением сенатской конторы 16 ноября 1733 г. было отпущено "на топление чертежной и караульной палат. . . дров сто бревен, да свечь сальных маканых двести двойных и одиноках двести"³⁸.

В работе над планом Москвы часто случались задержки и помехи из-за подозрительного и недоверчивого отношения московских жителей к детальным съемкам, при которых требовались измерения обывательских дворов и строений. О сопротивлении жителей Мордвинов сообщил 2 мая 1733 г. в Сенат: "Повелено мне, нижайшему, сочинить всея Москвы акуратной план, который и сочиняетца. И для онаго сочинения надлежит быть во всяком дворе и мерять всякое строение. А ныне многия обыватели чинятца противны, геодезистов в дворы свои мереть строение не пушают и в деле чинят немалую остановку. Того

ради Правительствующий Сенат покорно прошу, чтоб повелено было в Полицмейстерскую канцелярию послать указ: обывателям объявить с подпискою, дабы о том были известны и в деле остановки не чинили”³⁹.

Все подобного рода ходатайства архитектора обычно довольно быстро рассматривались и удовлетворялись. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все доношения Мордвинова в 1732–1734 гг. адресованы в Сенат или в Московскую сенатскую контору. Дело в том, что с переездом царского двора и Сената в начале 1732 г. из Москвы в Петербург сложилась необычная бюрократическая ситуация. Высшее правительственное учреждение оказалось разделенным на две самостоятельные части – Сенат в Петербурге и Сенат в Москве. Но это продолжалось недолго, к середине 1733 г. образовались единый Сенат в столице и Московская сенатская контора, ”первоприсутствующим” в которой был назначен Семен Андреевич Салтыков. Он возглавлял управление второй столицей и крупнейшей в государстве Московской губернией.

Граф С.А. Салтыков происходил из семьи, родственной царской фамилии. Принимал активное участие в 1727 г. в свержении А.Д. Меншикова, был сенатором и доверенным лицом императрицы. Генерал-губернатор Москвы С.А. Салтыков во многом действовал совершенно самостоятельно, не считаясь с Сенатом, а сложные проблемы решал, обращаясь непосредственно в Кабинет и к Анне Ивановне [10, с. 430]. И.А. Мордвинов и И.Ф. Мичурин подчинялись непосредственно Сенатской конторе.

Если С.А. Салтыков уделял мало внимания проекту картографирования Москвы, то руководитель государственной съемки страны обер-секретарь Сената И.К. Кирилов придавал серьезное значение своевременному исполнению правительственного задания, постоянно следил за ходом и темпами составления московского плана. Многие сенаторы поддерживали Кирилова. Так, по настоянию видного государственного деятеля сенатора князя А.М. Черкасского (приятеля Бирона) Кирилов 15 февраля 1733 г. обратился с письмом к обер-секретарю Сената в Москве Кузьмину ”спросить архитектора Мордвинова и прочих, кои описывали и сочиняли план московский, окончен ли оный, и буде окончен, тоб прислать в Санкт-Петербург немедленно. А буде не окончен, зачем столько времени продолжается” [15, № 8, с. 55]. 20 февраля у Мордвинова был затребован рапорт о плане – ”. . . сколько его сочинено и зачем поныне не окончен”.

В своем отчете 6 марта 1733 г. И.А. Мордвинов подробно изложил первоначальную историю создания плана и причины, мешавшие более быстрому выполнению порученного ему ответственного дела. За один год и девять месяцев, т.е. с 1 июня 1731 г. по март 1733 г. командой геодезистов ”Китай до Белого города зделано, от Москвы-реки по улице Мясницкую с улицами и с переулки и з дворами с ситуациею и со всем

корпусом описано и в план внесено, також стена Белова города и большие улицы да Земляного валу от Никищкой улицы и до Москвы-реки, от Москвы-реки и до Яузы також и улиц несколько описано". Касаясь работ своих предшественников – чинов Инженерного корпуса во главе с Д. Дебоскетом, – Мордвинов считал, что "из оного сочинения надлежит иные улицы переправить, а именно от Покровки и до Земляного валу, от Земляного валу до реки Яузы, а от Яузы до Белого города между оными местами весь корпус, для того, что оный Дебаскет делал по своим станциям и своим масштабам, которых штацей ведать и в чистой план без переправки положить не мочно" [15; № 8, с. 56].

Приведенные фактические данные позволяют нам высказать предположение об отдельных аспектах методики съемки, использованной геодезистами при составлении плана. Из упоминания того обстоятельства, что Дебоскет проводил съемку "по своим станциям и своим масштабам", становится очевидным, что работы мордвиновской команды геодезистов по составлению плана Москвы опирались на определенную, пусть несовершенную, но общую геодезическую основу, в которую материалы группы Дебоскета не вписывались "без переправки". Вполне вероятно, что геодезическая основа Московского плана опиралась (исходя из принятой в то время методики петровских геодезистов) на точки астролябических ходов, проложенных по главным ("большим") улицам, стенам, валам и рекам. Эти основные элементы пространственной организации города неоднократно упоминаются в рапорте. Причем, указано, что сняты пока лишь "большие улицы" в противоположность полностью законченным частям "с улицами и с переулки, и с дворами с ситуациею, и со всем корпусом. . .".

Из ряда причин, объясняющих задержку в проведении съемки и в картосоставлении, Мордвинов называет прежде всего особенности исторически сложившейся застройки города: "В Москве улицы и переулки стоят не линейно и дворы построены по старому обычаю не регулярно (т.е. не регулярно) и не обстоятельно". Кроме того, при утвержденном штатном комплекте команды геодезистов (8 человек) в связи с их частыми командировками с сентября 1732 г. съемку проводили только 6 человек. Сам И.А. Мордвинов по приказу Сената постоянно "обретался у других казенных работ", в том числе на постройке дворца императрицы в Кремле, на строительстве каменных палат питейного двора, руководил ремонтом и постройками различных строений в Кремле, Китай-городе, Белом городе, в селе Ильинском, во многих монастырях. Непредсказуемыми помехами для съемки города оказались неблагоприятные погодные условия летом 1732 г. – "во многие числа были великие дожди", а зимой жестокие морозы, в силу чего несколько месяцев были потеряны для работы. В заключение Мордвинов дал обещание "план проводить. . . со всякою ревностию и тщанием", но с оговоркой – "ежели паки (опять. – Л.Г., А.П.) каких препятствий не будет" [15; № 8, с. 57].

В правительственных кругах довольно объективные объяснения Мордвинова были встречены с явным неудовольствием. Было даже решено осенью перевести его в Санкт-Петербург в помощь к архитектору Растрелли, а все московские дела передать И.Ф. Мичурину и генералу Елчанинову⁴⁰. Проект этот не был осуществлен, но С.А. Салтыков приказал ужесточить контроль за деятельностью Мордвинова и его геодезической и архитектурной команд. 16 ноября 1733 г. Московская сенатская контора обязала Мордвинова подавать ежемесячные рапорты о том, "сколько того плана ими сочинено и чего недокончено, и впредь что, когда сочинено и чего недокончено будет"⁴¹.

Нам удалось обнаружить только четыре ежемесячных рапорта руководителя "сочинения" плана за 1733–1734 гг. Эти важные, хотя и очень лаконичные сведения позволяют несколько расширить существующие весьма скудные представления о планировании, состоянии и динамике съемки и картосоставления. В ноябре 1733 г. Мордвинов рапортовал: "Помянутого плана зделано Кремль, Китай, и Белой город почти отделан же. А ныне подлежит доделать Земляной город и круг Земляного города на пять верст ситуации". В рапорте января 1734 г. отмечено: ". . . зделано Кремль, Китай. А Белого города не докончено: от Арбацких ворот до Пречистенских ворот же надлежит снять хоромное строение, а улицы и переулки все сняты. . .". В феврале 1734 г.: "Зделано начисто Кремль, Китай-город. А Белого города не доделано меж Арбацкою и Знаменскою улиц, строение не снято". Наконец, в апреле 1734 г. Мордвинов сообщил, что "сочинено Кремль, Китай-город начисто, а Белой город имеется во окончании"⁴².

И.К. Кирилов был назначен начальником Оренбургской экспедиции. Летом 1734 г. проездом к месту назначения он остановился в Москве на два месяца (с 29 июня по 25 августа). Кирилов довольно детально и придирчиво ознакомился с деятельностью московской геодезической команды. У семи работавших геодезистов он видел "окончаной план Кремля, Китая и Белого города, кои з большого на меньши масштаб к отсылке в Правительствующий Сенат доделывают"⁴³. Вскоре после приезда Кирилова в Москву от белой горячки 8 июля скоропостижно скончался И.А. Мордвинов. По сведениям Ж.Н. Делиля, архитектор покончил с собой⁴⁴. Двумя днями позже пришло сенатское решение возложить на Мордвинова "осмотр ветхостей" и ремонт палат Сухаревой башни, обеспечив особое "бережение" хранящегося там уникального глобуса⁴⁵.

В доме умершего за Пречистенскими воротами на Остоженке "при посторонних людях" (свидетелях) майор И. Великопольский опечатал все "пожитки", в том числе чертежи, планы и инструменты⁴⁶. Затем по распоряжению С.А. Салтыкова было велено московский план, инструменты, письма "роспечатать. . . и тот план и всякие инструменты", и все что было у архитектора казенного, "осмотря и описав", принять И.Ф. Мичурину⁴⁷. 14 июля 1734 г. сенатский эжескутор Ф. Гурьев сов-

местно с Мичуриным и Великопольским провел осмотр и составил опись всего имущества. Среди казенных пожитков оказались: "План большой московской; план с него уменьшенной с черными бумагами; астролябия большая со штатифом ветхая, без стекла, стрелки и винта; астролябия меньшая со штатифом ветхая, без стекла и стрелки; цепей железных мерительных четыре ветхих; астролябия с компасом одна, стекло разбито; готовальня маленькая с циркулем и с транцилатиром неполная одна; готовальня большая с циркулем одним и прочим принадлежащим к ней прибором; бумаги александрийской одна десть и 6 листов; чернил китайских два куска больших, маленьких целых три и два початых"⁴⁸.

На основании новых исторических источников можно уверенно утверждать, что к середине 1734 г. геодезисты изготовили "большой" (в крупном масштабе) и "уменьшенный" геодезические планы Москвы. Эти промежуточные картографические документы охватывали только несколько частей города: Кремль, Китай-город и Белый город. Судя по описи, можно предположить, что планы вместе с черновыми записями съемок находились в специальной чертежной в одной из комнат в доме Мордвинова. Хранящиеся там же три неисправные астролябии были, по-видимому, запасными, так как в распоряжении каждой пары геодезистов находилась астролябия в рабочем состоянии. Все петровские геодезисты весьма ревниво относились к хорошим инструментам, отлично разбирались в их достоинствах и недостатках и прекрасно были осведомлены о наличии их в Морской Академии, Сенате, Академии наук. Так, в 1735 г. геодезии поручик А.Б. Писарев по поручению Кирилова, намереваясь отправить из Москвы в два региона по два геодезиста, предложил в "каждой путь" выдать по одной астролябии, по готовальне с циркулями и по квадранту, — "которые инструменты надлежит взять от сочинения московского плана, понеже при плане имеются астролябии четыре, а готовальни и квадранты надлежит сделать, а при плане оных не имеется". Готовящийся в 1740 г. к поездке из Оренбурга в Ташкент геодезии поручик Я.К. Филисов среди необходимых ему для работы инструментов, помимо квадранта, астрономических часов, компасов и зрительной трубы, называет "астролябий, разделенный в окружении на минуты, такой есть при сочинении московского плана". По сложившейся традиции многие геодезисты, кроме казенных, имели свои собственные исправные инструменты.

Среди материалов, оставшихся в доме И.А. Мордвинова, значительный интерес представляет совместное доношение И.Ф. Мичурина и геодезиста И. Шишкова с товарищами, которые 25 октября 1734 г. требовали для составления Московского плана 202 руб. 80 коп. на покупку материалов и инструментов, "понежде после смерти Мордвинова материалов не осталось". В 1732 г. для этих целей Мордвинову было выдано 185 руб. Но по устным показаниям геодезистов в Мос-

ковской сенатской конторе установлено, что Мордвинов "онные деньги взял, токмо из тех денег в расход держал он сам, и что, каких материалов купил, про то они не ведают. А со взятыя де тех денег перебрали они от него, Мордвинова, к сочинению того плана: бумаги александрийской две дести, пищей три стопы, чернил китайских кусок весом 25 золотников, карандашей 4 дюжины, которые к тому плану употребили". В целях экономии средств С.А. Салтыков приказал выдать всего 50 руб.⁴⁹

15 июля 1734 г. Московская сенатская контора распорядилась передать геодезистов, архитектурных гезелей и учеников из двух команд покойного архитектора "в ведомство архитектору Мичурину, и московский план оканчивать ему ж, Мичурину, со оными геодезистами в немедленном времени. А архитектурным гезелям и ученикам быть при порученных Мичурину казенных строениях"⁵⁰. А через неделю, в дополнение к полученным "по наследству" многочисленным обязанностям, на И.Ф. Мичурину возложили "и смотрение в Кремлевском дворце производных в Неглинную трубу"⁵¹.

Важный этап (с 1 июня 1731 г. по 8 июля 1734 г.) в истории плана Москвы завершился созданием крупномасштабного ("большого") плана Кремля, Китай-города и Белого города и были начаты работы по переводу его в более мелкий масштаб.

МОСКОВСКИЙ ПЛАН В ПЕРИОД С 1734 ПО 1741 г. И ЗОДЧИЙ И.Ф. МИЧУРИН

Преемник И.А. Мордвинова Иван Федорович Мичурин (1700–1763 гг.) хорошо известен в истории архитектуры, градостроительства и искусства. Современные краткие биографо-аналитические очерки выдающегося художника и искусствоведа И.Э. Грабаря и архитектора А.А. Кипарисовой [11] в общих чертах рисуют образ незаурядной личности. И.Ф. Мичурин своей энергичной инженерно-строительной и архитектурной деятельностью внес значительный вклад в развитие московской архитектуры и застройки в 30–50-х годах XVIII в. Но его работа над Московским планом отражена совершенно недостаточно.

И.Ф. Мичурин, как и многие другие дворянские недоросли (юноши), обучался в Морской академии, с 1723 г. стал петровским пенсионером и выехал на учебу в Антверпен. "Вручитель сего, — писал 13 сентября 1723 г. кабинет-секретарь А.В. Макаров послу Б.И. Куракину, — архитектурной ученик Иван Мичурин послан в Голландию для наук архитектурных по галанской манере. . . , что б отдан был в эту науку, как Мордвинов и Коробов"⁵². По возвращении в 1728 г. он предъявил положительные отзывы и аттестаты голландских учителей и получил назначение быть при царском дворе "за архитектора", но без оклада, "отчего прихожу в скудость и несносные долги", — жаловался Мичурин в челобитной в апреле 1730 г. на имя императрицы. В августе 1729 г. был "освидетельствован" архитектором Х. Конрадом, который считал,

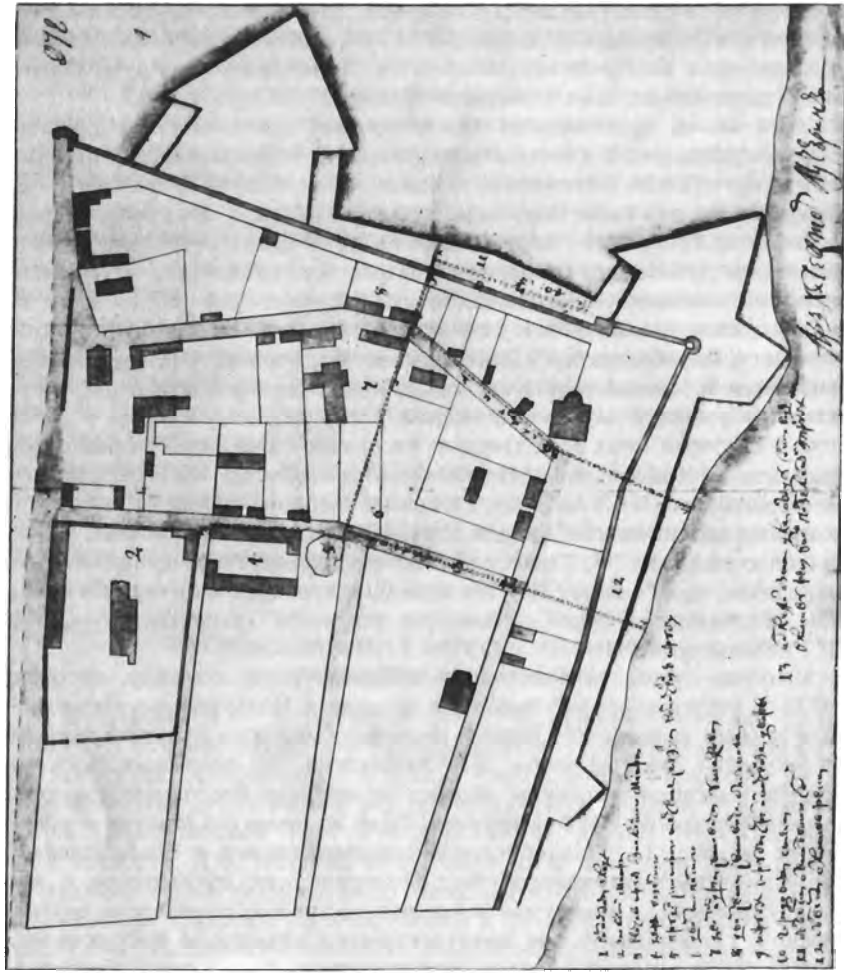
что Мичурин "в своем мастерстве искусен. . . , также и в чертежах и планах искусен". Наконец, в июне 1730 г. он выдержал строгий экзамен у Д. Трезини и П. Еропкина, и в 1731 г. переведен в Москву архитектором с жалованьем "до апробации в практике" 300 руб. в год.

Московская практическая архитектурная деятельность Мичурина оказалась длительной и весьма плодотворной. Обязанностей, возложенных на него, стало значительно больше после смерти Мордвинова. В 1734—1735 гг. ему были поручены "осмотры и описи" всех монастырей Московской губернии; "снятие московского плана; строение в Воскресенском монастыре упавшего шатра; смотрение над строением городской починки" и Каменномосковского литейного двора⁵³. К 1737 г. он "находился у осмотров и у сочинения смет старого Кремлевского и Потешного, Воробьевского и Преображенских дворцов; у осмотров всех имеющихся в Москве коллегий, канцелярий, контор и приказов; у сочинения Воробьевскому дворцу модели и снятия оному планов; у смотра в строении оных всех дворцов, коллегий, канцелярий и приказов; у строения на Кремлевском житейном дворе каменных житниц; у строения старого и нового Гостиных, Соляного, Рыбного и Мытного дворов; смотрение над починкой дворца царевны Екатерины Ивановны, что у Боровицкого моста"⁵⁴. Сенатская контора справедливо оценила ситуацию, считая, что "одному ему все казенные строения и починки и сочинение московского плана и осмотры исправить (выполнить. — Л.Г., А.П.) невозможно"⁵⁵.

Мичурин сумел укрепить свою архитектурную команду, которая к 1738 г. состояла из работавших в Москве и Подмоскowie трех гезелей и восьми учеников⁵⁶. В числе последних оказался будущий выдающийся зодчий Москвы князь Д.В. Ухтомский. По окончании Московской математико-навигационной школы он получил настоящее архитектурное образование у И.Ф. Мичурина. Один из проектов Мичурина представлен на рис. 13. Высоко оценен современниками и благодарными потомками самоотверженный труд Мичурина как архитектора и инженера-строителя, а также его помощников по восстановлению ветхих строений, систематическому архитектурному надзору за дворцовыми, общественными и культовыми сооружениями, проведению обмерных сметных, ремонтных и реставрационных (в Кремле) работ. Большая загруженность И.Ф. Мичурина как архитектора не позволяла ему уделять достаточного внимания плану Москвы, составление которого продвигалось медленно, вызвав серьезную озабоченность И.К. Кирилова.

Намереваясь и впредь продолжать руководство государственной геодезической съемкой и картографированием, Кирилов еще до отъезда в Оренбургскую экспедицию получил у императрицы разрешение не только поддерживать связи со всеми находящимися в губерниях и провинциях геодезистами, но и "посылать их из места в место, где будет нужда", чтобы закончить составление атласа России. Последую-

Рис. 13. План части Китай-города между Варваркой и Мочковской-рекой с проектом сточных труб (1736 г.). Составитель архитектор И.Ф. Минурин (ШГАДА, ф. 248, планы, № 1813)



шим указом предписывалось правительственным органам и Академии наук по всем вопросам, касающимся геодезистов, а также географических карт и планов "иметь сношение" с И.К. Кириловым. Тем самым подчеркивалась главенствующая роль, которая отводилась в картографических делах бывшему сенатскому обер-секретарю, получившему чин статского советника в связи с новым назначением. 22 июля 1734 г. он отправил из Москвы во все команды геодезистов страны именной указ от 31 мая 1734 г. "о корреспонденции и подчинении" Кирилову. Одну из копий этого указа получили и московские геодезисты⁵⁷. В Оренбургскую экспедицию Кирилов собрал значительный отряд наиболее опытных геодезистов. Он привлек и А.Б. Писарева, получившего в 1734 г. чин геодезии поручика, и назначил его комиссаром (уполномоченным) по организационным, финансовым и хозяйственным делам в Москве.

Основное время пребывания Кирилова в Москве было занято хлопотами и заботами по подготовке экспедиции. Однако он успевал уделять внимание и Московскому плану. Свои впечатления об организации съемок и составлении плана, о мерах по ускорению его создания Кирилов подробно изложил несколько позже в доношении в Московскую сенатскую контору, написанном им 18 сентября 1734 г. в г. Касимове по дороге из Москвы в Оренбургский край. Этот замечательный документ, в сущности, явился настоящей программой дальнейших съемочно-картографических работ, в которой четко выделены организационные и методические проблемы, намечен конкретный план ускорения съемки и картосоставления*. Понимая, что на "сие дело надобно время", Кирилов вместе с тем восторженно подчеркнул огромное значение плана Москвы, выдвинув впервые идею о необходимости обязательной его публикации. Он писал: ". . . останецца план в вечность и мочно будет, окончав, напечатать и к славе Российской империи иметь, так же, как знатных европейских городов Рима, Парижа, Лондона и иных планы печаютца" (курсив наш. — Л.Г., А.П.).

Прежде всего Кирилов был обеспокоен тем обстоятельством, что с 1729 по 1734 гг. геодезисты не начинали съемку Земляного города и территории за ним. Он негодуяще заметил, что такое положение может продолжаться еще несколько лет, если геодезисты "той напрасной мешкоты, кою они принуждены делать, не выкинут и в прочем не способствовать". Под "мешкотой" (т.е. медлительностью) он подразумевал прежде всего бесполезные, на его взгляд, измерения фундаментов деревянных строений, которые "часто переменяютца от пожаров и иных случаев". Основным тормозом в работе Кирилов считал

* Доношение И.К. Кирилова впервые полностью опубликовано в 1971 г. в статье Л.А. Гольденберга, М.Г. Новлянской, С.М. Троицкого. "Радетель пользы государственной" (к 275-летию со дня рождения И.К. Кирилова). Изв. ВГО, 1971, № 5, с. 456.

частое отвлечение геодезистов на другие дела, а также всевозможные препятствия, которые чинили московские жители во время проведения измерений и описаний территорий дворов и улиц.

И.К. Кирилов предложил сенатской конторе приказать геодезистам: 1) "для поспешения" проводить съемку Земляного города и за его пределы "на три инструмента"; 2) запретить использовать геодезистов для других поручений; 3) избегать "лишнего труда" в съемке фундаментов деревянных строений; 4) на плане обозначать только каменные сооружения, а также дворовые, садовые и огородные места.

Крайне необходимо, считал статский советник, выделить "для рисования" (т.е. для камеральных работ) особое охраняемое помещение ("палатку"). Довольно подробно он останавливается на принятии мер для беспрепятственного проведения съемочных работ. Эта часть кириловского доношения весьма интересна тем, что дает возможность представить рабочую обстановку, характерную для той эпохи. "Как известно, — пишет Кирилов, — что многие на дворы для меры не пускали, а по улицам во время ставки инструмента и меры проезжие помещательства чинили, а некогда и бивали, о том чрез полицию объявить, дабы не удержно на дворы впускали, и придавать ко охранению и для меры цепьми солдат человек по десяти к инструменту, а улицы на те часы, как с инструментом и с цепью идут, где есть, рогатками закидывали, а где нет рогаток, то бревнами закладывали, ибо немного часов на сию меру надобно и, кажетца, трудности в том объезжающим в те часы другими улицами нет, да и когда на улицах мосты перемашивают или почиивают, тогда по несколько недель объезжают же!"

Доношение И.К. Кирилова было рассмотрено 18 сентября в Москве сенатской конторой. По докладу 25 сентября "О немедленном сочинении и окончании архитектору Мичурину по Москве плана" 4 октября был вынесен сенатский приговор, а 18 октября 1734 г. подписан указ, адресованный И.Ф. Мичурину и другим должностным лицам⁵⁸.

Указ был целиком основан на предложениях И.К. Кирилова, методических и организационных принципах, воплотивших его картографические идеи. В начале указа дословно был передан текст доношения, а затем сформулировано обращенное к И.Ф. Мичурину предписание о немедленном "сочинении и окончании московского плана", для чего "следовать неотменно" всем ранее посланным Мордвинову и Мичурину указам. Московского архитектора настоятельно обязали "и за геодезистами смотреть, чтоб они праздны не были и напрасно на них жалованья не происходило" Подчеркивалось, что для ускорения работ следует неуклонно выполнять рекомендации по проведению съемки Земляного города и территории за ним "на три инструмента", наносить на план только каменные строения, а также дворы, сады и огороды. О выборе масштаба съемки указаний не было. Полицейстерской канцелярии приказано подыскать геодезистам помещение "для рисо-

вания”; губернской канцелярии — выделить солдат, обеспечить охрану “рисовальной палаты” и безопасность проведения съемки; полиции — оповестить всех жителей, чтобы они геодезистов при измерениях “на дворы впускали безвозбранно”.

Указ 18 октября 1734 г. несомненно способствовал разрешению не только принципиальных, но и целого ряда текущих проблем снабжения, охраны, размещения и др., хотя многие из них постоянно возникали вновь. Так, 20 октября 1734 г. сенатская контора удовлетворила требование Мичурина о выдаче к зиме “на топление чертежной и караульной палат” ста еловых бревен, а “для рисования по вечерам” по двести двойных и одинарных сальных свеч⁵⁹. Однако, лишь после повторного приказа С.А. Салтыкова 4 декабря материалы были получены. А в ответ на просьбу Мичурина предоставить квартиру для оформительских работ сенатор повелел “тот план сочинять в прежнем месте, где ныне сочиняет”⁶⁰. Как выяснилось позднее, “рисованием” (вычерчиванием) геодезисты занимались в доме Мичурина.

Указ об охране геодезистов во время работы часто нарушался, что вызывало озабоченность и тревогу. Так, из доношения московского архитектора 26 сентября 1735 г. в сенатскую контору выясняется, что 13 солдат, приданных геодезической команде “для охранения инструментов и чертежей в рисовальной, також и для хождения во время работы с инструментом”, были сняты из-за недостатка в Москве “довольного числа” солдат. С.А. Салтыков распорядился выделить для охраны по два человека из полицейской команды и из “рабочих” людей во время “хождения” с инструментом⁶¹. Полицейские чины, которым было предписано проявлять известную заботу о геодезистах, часто сами нарушали указы. В этом отношении интересен рапорт И.Ф. Мичурина от 13 октября 1735 г., в котором архитектор сообщил: “По указу е.и.в. велено мне всея Москвы, также и за Земляным городом пристойным ближним местам сочинить окуратный план, которой с порученными мне геодезистами и сочиняю. Токмо в Семеновской слободе команду имеющий прапорщик Богданов описывать места не пускает, а для чего, того не объявил, отчего в сочинении означенного плана чинится остановка!” Прапорщик был вызван в Московскую сенатскую контору, где получил соответствующее внушение, чтобы он “в мере мест и снятии плана геодезистам отнюдь воспреещения не чинил”⁶².

Несмотря на повторяющиеся во всех указах запрещения по поводу откомандирования геодезистов Московской команды к другим делам, С.А. Салтыков вынужден был неоднократно нарушать свои же постановления. Особенно часто посылали геодезистов на работы в Анненгофский дворец и в парк по требованиям конторы Интендантских дел и Дворцовой канцелярии, где, например, с мая 1735 г. трудился геодезист А. Коптев, а “для размеру в Анненгофе земляной работы” 25 июня был направлен И. Шишков. К середине года в команде осталось

только пять человек: С.А. Кашинцов, Ф.Г. Аринкин, М.А. Енкуватов, А.Б. Писарев и С. Беликов⁶³.

Весна 1735 г. в истории создания плана Москвы ознаменовалась важными событиями. 19 мая "к рассмотрению" С.А. Салтыкову с товарищами в сенатской конторе И.Ф. Мичурин вместе с письменным доношением предъявил план для последующей его отсылки в Сенат. Архитектор доложил, что ему вместе с геодезистами по именному указу "велено сочинить всей Москвы окуратно план, которого ныне и сочинено Кремль, Китай и Белой город". Если принять во внимание, что подобный готовый "большой план" части Москвы И.К. Кирилов уже видел у геодезистов летом 1734 г., оставалась лишь его доработка при переводе в более мелкий масштаб. Естественно, что у Кирилова возникло недоумение в том, что такая, в сущности, несложная работа длится около года. Можно предположить, что Мичурин с геодезистами, приняв во внимание критические замечания Кирилова, в соответствии с его рекомендациями уже почти законченный план во многих деталях перерабатывал. Но тогда не ясно заявление архитектора, требующего официального решения по поводу методики дальнейших съемок: "А впредь для сочинения Земляного города и протчих пристойных ближних мест около Землянова города требую резолюции: повелено ль будет сочинять, и ежели повелено будет, то каким образом со всеми принадлежащими строениями или токмо одне улицы и переулки с каменным строением, а деревянные мелкие строения только означивать линиями их межи для того, ежели на плане повелено будет делать и мелочные строения со всею их окуратностию, то может в сочинении оною плана учинится немалое продолжение"⁶⁴. Мичурин вновь затрагивал вопросы, которые ранее были решены, тем самым как бы ставил под сомнение предложения Кирилова, принятые сенатской конторой.

План Кремля, Китай-города и Белого города, подготовленный для рассмотрения Сенатом, был одобрен. С.А. Салтыков сразу же приказал "таков же план подать ему" в сенатскую контору. 27 мая 1735 г. план вместе с "ведением (письменным сообщением. — Л.Г., А.П.) для отсылки" в Санкт-Петербург из Московской сенатской конторы в Сенат принял копиист Ямской конторы Яков Беляев⁶⁵.

По новому указу 19 мая 1735 г. Мичурину было велено "досталь-ной план Земляного города. . . оканчивать в немедленном времени. А для скорого того плана окончания обретающихся при нем достальных геодезистов ни к каким делам не отлучать"⁶⁶. Последняя фраза, ставшая лейтмотивом многих предыдущих и последующих распоряжений, не имела в действительности реального воплощения. Особенно крупные изменения в составе Московской команды произошли в конце 1735 — начале 1736 г.

Московский план был хорошо принят в столице. Непосредственной реакцией Сената можно считать приказание Московской конторе по-

высить оклад руководителю работ, если он "в своем деле искусен". В скором времени был подготовлен проект указа (рис. 14). С сентябрьской трети 1735 г. И.Ф. Мичурину было установлено жалованье 550 руб. в год из окладов Канцелярии от строений⁶⁷.

И.К. Кирилов внимательно следил за работами геодезистов в стране и направлял их деятельность. Он был чрезвычайно недоволен организацией съемок в Москве, длительными сроками составления плана, большой загруженностью руководителя Московской геодезической команды архитектурными и инженерно-строительными делами, не позволяющей ему глубоко вникать в специфические особенности картографирования города. Поэтому он стремился освободить Мичурину с занимаемого поста главы московских геодезистов. Характерно, что из Оренбургского края статский советник постоянно переписывался с московскими геодезистами и комиссаром А.Б. Писаревым, но полностью игнорировал Мичурину.

Когда закончилась работа по оформлению первого промежуточного плана Москвы, геодезист поручик А.Б. Писарев 21 мая 1735 г. получил письменное распоряжение (ордер) И.К. Кирилова и немедленно сообщил С.А. Салтыкову о содержании этого документа. Используя предоставленное ему право перемещения геодезистов по стране, начальник Оренбургской экспедиции совершенно неожиданно предложил Писареву, чтобы "ему о геодезистах, обретающихся у снятия плана Москвы иметь старание, дабы оные от Мичурина свободились и знали б свое дело". "А как поступать в дальнейшем, — докладывал Писарев, — о том от его превосходительства обстоятельно ко мне пришлетца впредь"⁶⁸. На заседании сенатской канторы 11 июня сообщение Писарева было заслушано, но решения не последовало.

Значительный интерес для истории создания плана представляет и второй, также ранее неизвестный, ордер Кирилова, адресованный Писареву от 26 ноября 1735 г.⁶⁹. В нем вначале Кирилов извещает о получении им 3 ноября из Москвы краткого доношения от геодезистов С.А. Кашинцова с товарищами "о ходе снятия московского плана". Геодезисты доложили о том, что ими "описано Кремль, Китай и Белой город, а Земляного — улицы и переулки, и за Земляным городом улицы и переулки сняты за Москвою-рекою и от Москвы-реки до Дорогомилковского мосту". Далее Кирилов описывает сомнения геодезистов по поводу ряда принципиальных положений, отсутствие которых тормозит съемку и составление плана. Во-первых, "дворы без определения от меня не вносят", т.е. Московская геодезическая команда ждет конкретных указаний о том, какие именно дворы наносить на план. Во-вторых, они "требовали какую препорцию уменьшить и по скольку мерю описывать за Земляным городом", т.е. геодезисты, не имея, по-видимому, методической помощи от архитектора, просили знатока отечественной картографии дать четкие установки относительно масштаба съемки и степени уменьшения плана при его офор-

млени, а также о границах проведения съемки за пределами Земляного города. Очевидно, считая, что решение об отстранении Мичурина и назначении Писарева ответственным за "сочинение московского плана" уже состоялось, Кирилов так заключает свой ордер: "Того ради, ваше благородие, благоволите приказать, чтоб описывали по надолбы и со внесением монастырей Симонова, Донского и протчих. А уменьшение в плане сделать против того, как Кремль, Китай и Белой город в карте положен в полы или в треть, буде же рассудится, то и меньше". Этими указаниями Кирилова определилась дальнейшая судьба плана. Все они были безоговорочно приняты, что нашло свое отражение на печатном плане Москвы 1741 г.

Упомянутые в кириловском ордере надолбы — это деревянный частокол, сооруженный вокруг города откупщиками продажи вина в Москве ("компанейщики") в 1731–1732 гг. в целях предотвращения ввоза дешевого вина из подмосковных деревень. Этот так называемый Компанейский вал просуществовал около десяти лет. Надолбы частично сгорели от пожаров, частью сгнили или были растащены населением на дрова. И тогда по настоянию компанейщиков Камер-Коллегия, ведавшая государственными сборами, соорудила в 1742 г. вместо полуразрушенного частокола земляной вал со рвом. На пересечениях главных московских дорог с Камер-Коллежским валом были устроены таможенные заставы. Таким образом оформилась таможенная черта, к середине XVIII в. ставшая общей границей Москвы. Что же касается выбора масштаба и степени уменьшения при переводе "большого плана" (крупномасштабного) в "уменьшенный", то кириловские указания ценны тем, что являются пока единственными косвенными свидетельствами, которые позволяют судить о соотношении масштабов съемки и составления оригинала плана. Сведения эти уникальны и потому, что до сих пор в архивах не обнаружены ни первичные материалы геодезической съемки Москвы, ни рукописные оригиналы "больших", "уменьшенных" черновых, промежуточных и завершенных оформлением планов. Кроме сохранившихся медных досок и печатных гравюр плана Москвы 1741 г. в распоряжении ученых нет других картографических источников по геодезической съемке 1729–1739 гг.

Как нам уже известно, летом 1734 г. Кирилов видел у геодезистов законченный "большой план" Кремля, Китай-города и Белого города, а также завершение работ по переводу его в более мелкий масштаб. Ссылаясь на эти работы в ордере, адресованном Писареву, Кирилов требует и в дальнейшем "уменьшение в плане делать против того" (т.е. по сравнению), как сделаны планы 1734 г., а именно в два-три раза и меньше. Теперь, зная истинный масштаб уменьшенного печатного плана Москвы 1741 г., можно предположительно вычислить и масштаб съемки. Печатный план выполнен в масштабе 1:21 000, следовательно, если он действительно был уменьшен вдвое или втрое, значит крупно-

масштабная съемка и соответствующие ей "большие планы" выполнялись в масштабах 1:10500 – 1:7000.

Вскоре И.К. Кирилов выслал еще один ордер, полученный А.Б. Писаревым 26 декабря 1735 г. В нем подтверждался замысел сместить И.Ф. Мичурина. Докладывая об этом в сенатской конторе, геодезии поручик сообщил, что по распоряжению Кирилова следует исключить из команды геодезистов Мичурина, а для проведения завершающих съемочных и картосоставительских работ руководство возложить на него, Писарева: ". . . смотрение и приказание иметь мне"⁷⁰. Московский главнокомандующий, генерал-губернатор и сенатор С.А. Салтыков не посчитался с предложениями Кирилова. Он оставил все по-прежнему и 18 февраля 1736 г. приказал Мичурину ускорить съемку, не отвлекая геодезистов на другие работы. Однако, последнее распоряжение систематически нарушалось и состав геодезической команды постоянно менялся.

В московскую геодезическую команду возвратился в ноябре 1735 г. из Анненгофа геодезист А. Коптев. Из команды генерал-майора А.П. Вольнского при конных заводах прибыли геодезист М. Соболев и геодезии ученики А. Карцов и Я. Красильников. После выполнения задания Сената по межеванию земель дворцового села Софьиного Московского уезда некоторое время в команде трудился геодезист Ф.Д. Лавров. В декабре И.К. Кирилов прислал А.Б. Писареву инструкции для тех геодезистов, "кои от Коломны на низ водою до Казани и Самары-реки, а сухим путем до Казани ж дорогу мерять и сымать станут". С этого времени геодезисты И. Шишков, С. Беликов и Ф.Г. Аринкин были исключены из московской команды Мичурина и переданы в ведение Оренбургской экспедиции. В мае 1736 г. А.Б. Писарев отправил на съемку по рекам Оке и Волге И. Шишкова и С. Беликова, которые в том же году представили 12 ландкарт региона. Туда же по сухопутной дороге отправились геодезисты Ф.Г. Аринкин и И.Е. Казимеров⁷¹. По заявке Генеральной войсковой канцелярии в середине 1736 г. были посланы на Украину "для размежевания Великой и Малой России разных владельцев спорных земель" геодезисты Ф.Д. Лавров, А.Б. Писарев и М. Соболев⁷². В мае 1736 г. с ландкартами укрепленных линий и размещением слободских полков на Украине вернулся в Москву из длительной командировки, в которой он находился с 1732 г., геодезист Г.Р. Гурьев. Его сразу же определили к сочинению Московского плана, но 27 июля отправили для описи лесов по Дону и составления ландкарт. Вернувшись в начале 1737 г., Гурьев работал над Московским планом до октября, затем получил новое назначение при сенатской конторе "обучать дворян"⁷³. В конце 1737 г. команда Мичурина пополнилась специалистами, которые ранее проводили съемочные и картосоставительские работы по заданиям Комиссии о конных заводах, возглавляемой А.П. Вольнским, – это геодезист В. Шишков и геодезии ученики С. Чичагов и С. Щелков.

К маю 1738 г. в московской группе геодезистов официально числилось девять человек, однако только шесть из них занимались планом "безотлучно". С.А. Кашинцов и А. Коптев в этот период находились на съемках в Анненгофском парке, Г.Р. Гурьев был учителем при сенатской конторе, а остальные шесть геодезистов — "при описи и мере дворов для сочинения московского плана и у сочинения ж и копирования помянутого плана для подачи в оную контору и для посылки в Санкт-Петербург"⁷⁴. Вскоре для составления межевых планов по земельным спорным делам в Симбирский уезд был отправлен 2 июня 1738 г. В. Шишков, который вернулся только 1 января 1740 г.

Составление плана Москвы велось параллельно с мероприятиями по частичной перепланировке города и благоустройству его территории. Необходимость проведения этих мероприятий была вызвана, в частности, крупными пожарами, то и дело возникавшими в различных районах города. Так, во время пожара 19—21 июня 1701 г. сгорел "Государев сад" против Кремля за Москвой-рекой. Огустошительный пожар 13 мая 1712 г. уничтожил около 20 % московских дворов. 12—13 мая 1735 г. в Пушкарской слободе сгорело 155 домов с 355 покаями. После пожара 3 июля 1736 г., охватившего территорию от Спасо-Сковского переулкa на Арбате до Плющихи и до Новинского монастыря, был составлен план погорелым местам, на котором улицы и переулки в районе пожара были выпрямлены и расширены: улицы до 8—9 сажень, переулки до 3 сажень [10, с. 335].

В период сильной засухи при шквальном ветре 29 мая 1737 г. возник грандиозный пожар большой опустошительной силы. По преданию Москва сгорела от копеечной свечки, которую поставила женщина перед иконой в своем чулане. Пожар охватил пять из 12 "команд" (полицейских частей), на которые делилась Москва в первой половине XVIII в. Начавшись за Боровицким мостом на Знаменке, огонь перекинулся на Кремль, Китай-город, Белый и Земляной города и дошел до Лефортова. Сгорело 2527 обывательских дворов (что составляло около 1/5 всех московских дворов), 486 лавок (кроме Китай-города), множество церквей. Во время пожара 1737 г. особенно пострадали в Кремле дворцы, соборы, коллегии, ряды, а также улицы Сретенка, Мясницкая, Покровка, Басманная, Старая и Новая слободы. Уничтожены Спасский, Никольский и Троицкий мосты. Во время пожара был разбит Царь-колокол, на который упали брусья горящей кровли, сооруженной над литейной ямой. Под действием разности температур, вызванной огнем и водой, образовались трещины. От колокола откололся кусок весом в 700 пудов.

Большая часть города лежала в руинах. По поручению специально созданной следственной комиссии геодезическая и архитектурная команды в полных составах во главе с И.Ф. Мичуриным занимались осмотром и описью результатов разрушений. Сохранились рапорты архитектора об осмотре поврежденных пожаром казенных зданий⁷⁵. Гео-

дезисты были вынуждены на довольно продолжительный период времени прервать свою основную работу над планом Москвы.

Московские пожары заставили более остро ощутить необходимость скорейшего завершения съемок для составления плана города и проектирования новой регулярной застройки. При этом уже заснятые участки приходилось переделывать заново, так как многие строения были уничтожены огнем.

Через два месяца после пожара 29 июля сенатская контора рассмотрела рапорт И.Ф. Мичурина, в котором говорилось, что "ныне всей Москвы окуратной план сочинением остановился". Оказалось, что во время пожара сгорела чертежная и "сочинять онго плана негде". Сгорел также и мичуринский двор, который размещался в Белом городе в приходе церкви Живоначальной Троицы, "что на старых Грязях" вблизи Покровских ворот. В своем доме архитектор обучал учеников архитектурному искусству и "положенные на него дела исправлял". Он потребовал от Московской полицмейстерской конторы предоставить "для рисования московского плана" чертежную, а для выполнения возложенных на него других "многих дел" — квартиру. Однако ни чертежной, ни квартиры Мичурин не получил, тогда он занялся самостоятельными поисками служебных помещений. Он просил отвести ему квартиру во дворе бывшего обер-секретаря М. Дудина, где никто не живет и "ныне стоит празден". Но С.А. Салтыков приказал полиции "приискать" удобное помещение ("палатку") в Кремле и отдать его Мичурину⁷⁶. Энергичные поиски, предпринятые самим архитектором, увенчались успехом, хотя и продолжались длительное время. Помещение было найдено, но оно оказалось тесным. Тогда Мичурин обратился за помощью к Дворцовой канцелярии. Именно в этот период значительно увеличились объемы работ. Помимо создания Московского плана была намечена реконструкция Воробьевского дворца, в связи с чем возникли новые поручения по дворцовому ведомству, в том числе составление описаний, смет, планов и модели дворца. Для проведения всех камеральных работ Мичурин потребовал от Дворцовой канцелярии более "пространной рисовальни". По долгу службы прекрасно ориентируясь среди кремлевских сооружений, архитектор подыскал в Кремлевском дворце "за золотую решеткою близ теремов" две палаты, требующие незначительного ремонта. Нужно было сделать "в четыре окна окончины, да к трем дверям затворы и одну печь образцовую проемную длины 4, шириной 2, высотой 3 аршина"⁷⁷. 16 февраля 1738 г. было принято, наконец, решение о передаче этих палат под "рисовальную". Однако уже в октябре того же года Мичурин жалуется Салтыкову, что переданные ему "для рисовальной палатки в Кремлевском дворце за теремами" были заняты Дворцовой счетной комиссией. Ему же с командой отвели палаты в том же дворце в теремах, в которых нет печей и зимой работать невозможно. Наконец, 24 октября 1738 г. Мичурин доложил, что в Кремле он вновь

"обыскал палатки", на этот раз в Набережном саду, что примыкает к Благовещенской церкви. Через месяц его предложение было утверждено Салтыковым⁷⁸. Таким образом, довольно точно установлено место проведения заключительного этапа создания Московского плана. То обстоятельство, что картосоставительские работы выполнялись в Кремле, подчеркивает особое значение создания Московского плана для государственных органов управления и исключительную ответственность Мичурина и геодезистов за успешное выполнение этого трудоемкого задания.

Повседневного внимания требовали также проблемы финансового характера, снабжения команд инструментами и материалами, а с приближением зимы необходимо было обеспечить отоплением и освещением рабочие места. Решение всех этих проблем вызывало большие трудности и требовало значительных усилий.

Общее финансовое положение государства было плачевным. Период царствования Анны Ивановны (1730—1741) характеризовался засильем иностранцев, занимавших ответственные посты, усилением эксплуатации, роскошью при дворе, грубостью нравов, процветанием казнокрадства, взяточничества, доносительства. Хронически не хватало денег даже на выплату жалованья аппарату управления. Характерным является такой пример. Геодезисту С. Щелкову и ассессору А. Щетинину, которые занимались в 1736—1737 г. съемкой и составлением плана дороги Москва — Новгород, вместо денежного жалованья на сумму 23 руб. 76 коп. были выданы "сибирские товары. . . разных сортов и доброт по препорции". Если И.Ф. Мичурину в 1735 г. еще как-то удалось повысить жалованье для пяти "архитектурных учеников" до 4 руб. в месяц, то позднее стали привычными жалобы геодезистов на серьезные материальные невзгоды. В течение ряда лет геодезисты получали только "половинное жалованье", т.е. 3 руб. в месяц, а в 1738—1739 г. за "неполучением того жалованья претерпевают немалую нужду", — так три раза писал геодезист С.А. Кашинцов с товарищами в обращениях к С.А. Салтыкову⁷⁹.

Трижды Московская сенатская контора направляла в Сенат требования по поводу выплаты жалованья. Не дождавшись ответа, было решено 19 сентября 1739 г. "до получения резолюции" геодезистам, архитектору Мичурину и при нем гезелям и ученикам "для их крайней скудости" выдать в счет жалованья половину за сентябрьскую треть 1738 г.⁸⁰ Таким образом, каждому геодезисту эта выплата в месяц составила всего три рубля. Конечно же, такая сумма не могла компенсировать геодезистам всех затрат, если принять во внимание задолженность казны за несколько лет. Только в июне 1740 г. Сенат санкционировал выдачу жалованья полностью за сентябрьскую треть 1738 г. и за весь 1739 г.⁸¹ Можно предположить, что такое решение было связано с получением в Петербурге полностью составленного плана всей Москвы.

Такие же перебои наблюдались и в материально-техническом снабжении геодезической и архитектурной команд. Несколько раз в 1738 г. Мичурин обращался за помощью, подчеркивая при этом, что для окончания "московского плана и составления прочих казенных чертежей и описи не имеет у себя многих потребностей, без которых пробыть никак невозможно". Он жаловался на отсутствие "пристойных инструментов", а также нужных красок, чернил, бумаги и карандашей. В доношении 1 мая 1738 г. архитектор напомнил о своей просьбе, с которой он обращался еще 8 августа 1734 г., — выдать для изготовления чертежей и планов китайские чернила (тушь), карандаши, готовальни, александрийскую и писчую бумагу, разных красок на общую сумму 202 руб. 80 коп. Тогда, в 1734 г., он получил для покупок всего 50 руб., которые были израсходованы в 1736 г. На повторное требование Мичурина сенатская контора приняла аналогичное решение и выдала ему 50 руб.⁸² К строгой экономии вынуждало также решение конторы (в октябре 1738 г.) о выдаче архитектору свеч и дров для освещения и отопления палат "без излишества против прежних дач"⁸³.

Выполняя административные функции по "смотрению" за ходом составления плана Москвы, И.Ф. Мичурин проявил себя заботливым руководителем. Приведем примеры из жизни петровских геодезистов, которые ярко характеризуют сложившиеся в ту эпоху правила и традиции. Прежде всего, они испытывали значительные финансовые затруднения, которые не позволяли им по десять и более лет бывать в отпусках, так как за время пребывания в отпуске жалованье не выплачивалось. Не составляли исключения и члены мичуринской команды. Отпуска были очень редким явлением, их давали лишь по чрезвычайным обстоятельствам, например, по болезни, для урегулирования спорных земельных дел или для иных "домовых нужд". Так в особой челобитной, которую подписал в августе 1736 г. "нижайший раб Правительствующего Сената от сочинения московского плана геодезист Максим Алексеев сын Енкуватов", содержится просьба о предоставлении отпуска для устройства семейных дел и "необходимых нужд" в деревне. Сенатская контора запросила Мичурина: "Можно ль отпустить и на сколько времени, и без него, Енкуватова, в сочинении плана остановки какой не будет ли?". Архитектор дал положительное заключение и счел возможным отпустить челобитчика с 1 сентября на два месяца. 19 сентября Енкуватов получил паспорт, обязательно выдаваемый геодезистам при переездах к месту назначения или при краткосрочных (от нескольких дней до года) отпусках. О своем прибытии 1 ноября из отпуска геодезист сообщил в письменном доношении, приложив к нему использованный паспорт⁸⁴. Один из таких паспортов приведен на рис. 15.

После удачного завершения одного из этапов в подготовке Московского плана в целях поощрения Мичурин 19 мая 1738 г. представил к очередному чину геодезии ученика Алексея Карцова. В отзыве

об успешных трехлетних трудах молодого ученика архитектор отметил, что тот "в деле, положенном на него, исправен вяще (больше. — Л.Г., А.П.) и других геодезистов, а чином геодезиста не определен". Представление завершалось просьбой восстановить справедливость и принять решение: "... за прилежность и труды по ево достоинству у сочинения московского плана быть геодезистом". Только через год 23 мая был подписан сенатский приговор, а 18 июля 1739 г. в Большом Успенском соборе Кремля А. Карцов принял присягу, печатный текст которой скреплен подписями его и священника⁸⁵.

К 1 мая 1738 г. было закончено оформление второго промежуточного "всей Москве окуратного плана" с изображением Кремля, Китай-города, Белого и Земляного городов. Он прилагался к доношению И.Ф. Мичурина, который сообщил С.А. Салтыкову также, что "за Земляным городом ситуации место и солдацким слободам план сочиняется". По сенатскому протоколу от 3 мая план "в особливом деревянном футляре за печатями" принял 6 июня 1738 г. для отправки в Сенат через ямскую почту копийист Я. Беляев⁸⁶. Второй сводный план частей Москвы — Кремля, Китай-города, Белого и Земляного городов составлялся около трех лет. На этот же период в 1735—1737 гг. приходилось проведение геодезической съемки территории Земляного города и Замоскворечья. На плане 1738 г., по-видимому, уже были отражены многие элементы проектной планировки городской территории и ряд градостроительных замыслов архитектора И.Ф. Мичурина. Возникновение нового проектирования застройки тесно связано с последствиями пожаров 1736 и 1737 гг.

О масштабах проделанной и предстоящей работы по съемке и составлению плана можно было судить на основании метрических измерений — в пределах Земляного вала территория этой части Москвы занимала около 2300 га. В течение 1737—1739 гг. почти втрое больше предстояло охватить съемкой земли, лежащие за пределами Земляного города до Компанейского вала. Протяженность вала около 34 км, а территория всей Москвы к 1739—1741 гг. около 9 тыс. га. Осенью 1739 г. съемка была завершена, успешно продолжалось оформление "начисто" рукописного оригинала плана. К 15 октября 1739 г. в команде Мичурина остались: геодезисты С.А. Кашинцов, М.А. Энкуватов и А. Карцов⁸⁷.

Найденное авторами в государственном архиве дело № 17 за 1739 г. "По доношению архитектора Мичурина о посылке в Санкт-Петербург сочиненного всей Москве окуратного плана с геодезистом Энкуватовым" впервые раскрывает детали завершающего этапа в истории создания московского плана⁸⁸.

3 декабря 1739 г. "во известие" сенатской конторе И.Ф. Мичурин доложил: "По указу е.и.в. велено мне с порученными геодезистами сочинить всея Москвы окуратной план, который сочинен и предлагается при сем доношении. А такова ж копия с чернаго плана снимается и за

подачею ныне сочиненного плана в снимании оной копии остановки учинится не может". Он подчеркнул, что изготовление копии для сенатской конторы с чернового ("черного") оригинала не является помехой для отправления плана в Сенат. Через два дня руководитель геодезической команды представил на утверждение кандидатуру геодезиста М.А. Енкуватова, "который с прочими тот план сочинял", к поездке в Сенат "для подачи и показательства оного плана". Енкуватов в связи с командировкой обратился к С.А. Салтыкову с просьбой выплатить полностью жалованье за 1738—1739 гг., полученное им в половинном размере только за сентябрьскую треть 1738 г. На заседании сенатской конторы 10 декабря было вынесено решение, зафиксированное протоколом и указом 19 декабря 1739 г. По этому решению "оной план, сделав на него футляр, отправить в Санкт-Петербург в Сенат при ведении с бывшим при сочинении того плана геодезистом". В отношении Енкуватова предписывалось немедленно дать ему до столицы подорожную на две ямские подводы и прогонные деньги, а также за январскую и майскую трети 1739 г. половинное жалованье.

22 декабря 1739 г. геодезист М.А. Енкуватов расписался в приеме копии протокола и плана, запечатанного в футляре. Сенатская справка свидетельствует, что 11 января Енкуватов явился в Сенат и предъявил план всей Москвы, а 17 января подал прошение о выдаче ему полного, а не половинного жалованья за 1738—1739 гг.

Первый план на основе съемки второй столицы России в правительственных кругах был встречен с одобрением. Он вызвал большой интерес не только Сената, но и Кабинета Анны Ивановны. М.А. Енкуватов, вскоре зачисленный в команду сенатских геодезистов в числе 15 человек, позднее рассказывал, как 29 января он был призван в Кабинет и его секретарь Я. Бахирев передал приказ кабинет-министра А.П. Волинского явиться к нему на дом. Там Енкуватов застал геодезии прапорщика В.П. Рудакова, возглавлявшего сенатскую команду геодезистов и руководившего школой при Сенате "для обучения дворян". Рудаков передал распоряжение кабинет-министра Енкуватову, чтобы тот "был тамо с прочими геодезистами для скопирования присланного из Москвы московского плана и прочих ландкарт. . ." ⁸⁹ Работы по копированию совместно с геодезистами В. Яковлевым, Ф. Лавровым, И. Исаковым, И. Соловцовым и А. Писаревым продолжались до апреля 1740 г. В этом месяце был арестован, а позднее казнен кабинет-министр А.П. Волинский, проводивший борьбу с иностранным заисствием в государственном аппарате, армии и флоте.

В середине 1740 г. Сенат принял решение об издании Московского плана, для чего отправил оригинал в Географический департамент Академии наук. Департамент, образовавшийся в 1735 г., в течение долгого времени являлся научным, методическим и организационным центром в области географии и картографии, систематически занимавшийся картосоставительскими и издательскими работами.

Для гравирования оригинал плана был передан в Гравировальную палату Академии наук и поступил к художнику-граверу, работавшему под псевдонимом Унферцагт (неустрасимый). Этот опытный мастер ландкартно-словорезного дела, был учителем впоследствии выдающегося русского художника и мастера ландкартного дела М.И. Махаева. Еще в 1734 г. в Палате для И.К. Кирилова была изготовлена "Генеральная карта Российской империи", гравированная на меди Г.И. Унферцагтом и украшенная картушами со сценами торговли и рыбной ловли. В 1741 г. им же выполнена гравированная на меди доска с планом Москвы 1739 г. [8, с. 192].

Интересна судьба досок Гравировальной палаты. До конца XVIII в. они хранились в типографии Академии наук, затем на книжном складе ("магазине"). Длительное время в академической книжной лавке продавалась гравюра, внесенная в ведомость складского учета как "План города Москвы, в большой александрийский лист" [8, с. 177]. В изображении на медной доске несколько раз вносили изменения, и библиографам хорошо известны отпечатки планов с нее XVIII—XIX вв. В начале XIX в. доска передана в Депо карт, преобразованного в Военно-топографическое депо Главного штаба. В 17-х годах XIX в. несколько медных досок поступили из Академии наук и Депо карт в Академию художеств. В сентябре 1917 г. собрание досок Академии художеств эвакуировано из Петербурга в Москву. Среди досок, недавно переданных из Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Государственный Русский музей, оказалась и медная доска 1741 г. с планом Москвы [8, с. 8]. Тираж плана остался, к сожалению, пока неизвестным, но судя по его хранению во многих отечественных и зарубежных библиотеках, архивах и картохранилищах и неоднократным перепечаткам с периодически исправляемой доски, он был для своего времени достаточно большим. Сохранилось значительное число экземпляров печатного плана Москвы. Но удивляет то обстоятельство, что несмотря на длительные поиски до сих пор не обнаружены материалы геодезических съемок Москвы 1732–1739 гг. и рукописные оригиналы московских планов ("черных", отдельных частей Москвы, промежуточных, крупномасштабных и "уменьшенных") 1732, 1734, 1735, 1738 и 1739 гг. На основе проведенных исследований авторами установлены основные этапы съемок и составления плана всей Москвы, ориентировочно определены, по-видимому, безвозвратные утери рукописных оригиналов или их копий (см. таблицу).

Таким образом, на всех этапах подготовки плана Москвы, вероятно, было не менее пяти полевых "черных", четырех крупномасштабных и восьми "уменьшенных" рукописных планов города или его частей. Особым этапом является гравирование (1740 г.) и публикация (1741 г.) гравюры Географическим департаментом. Исполнилась заветная мечта И.К. Кирилова, который страстно хотел увидеть план Москвы на печатанном и иметь его к славе России широко распространенным.

Т а б л и ц а

Этапы проведения работ по созданию плана Москвы

Территория Москвы	Этап работы	Период съёмки территории	Период составления плана	Рукописные планы
Кремль	Начальный	1729 – 1732 гг. Д. Де- боскетом и И.А. Мордви- новым	1730–1732 гг.	“Черный” (черновой)
Кремль, Ки- тай-город	Первый промежу- точный	1731 – 1733 гг. И.А. Морд- виновым и геодезиста- ми	С весны 1732 по 19 мая 1735 г. геоде- зистами, И.А. Мордви- новым и И.Ф. Мичури- ным	“Черный”, крупномас- штабный и уменьшен- ный, составленные в до- ме И.А. Мордвинова в 1734 г.
Белый город		1734 г. гео- дезистами		“Черный”, крупномас- штабный и два умень- шенных, составленные в 1735 г. с учетом реко- мендаций (1734 г.) И.К. Кирилова
Земляной город и За- москворечье	Второй промежу- точный	1735 – 1737 гг. гео- дезистами	С мая 1735 по 1 мая 1738 г. геодезистами и И.Ф. Мичури- ным	“Черный”, крупномас- штабный и два умень- шенных, составленных в 1738 г. с учетом мето- дических указаний (1734–1735 гг.) И.К. Кирилова
За Земляным городом до Компанейско- го вала	Заключи- тельный	1736 – 1739 гг. гео- дезистами	С мая 1738 по 3 декабря 1739 г. геоде- зистами и И.Ф. Мичури- ным	“Черный”, крупномас- штабный и три умень- шенных на территорию всей Москвы 1739 г.

В истории создания плана затрагиваются человеческие судьбы наших предков, стоящих у истоков становления русской научной картографии. Появилась возможность определить степень участия каждого из геодезистов в семилетних трудах над Московским планом. Перечень исполнителей, составленный И.Ф. Мичуриным, почему-то не соответствует действительному вкладу геодезистов в эту грандиозную

работу. В нем отмечены лишь восемь участников, а привлекались к созданию плана по крайней мере 15 геодезистов и 4 геодезии ученика.

Около семи лет почти безотлучно на съемке и камеральных работах по составлению оригиналов и копированию находились в 1732–1739 гг. геодезисты С.А. Кашинцов, М.А. Енкуватов и А. Коптев. Они вместе с А. Карцовым возглавляют перечень. Более четырех лет в геодезической команде трудились в 1732–1736 гг. геодезисты Ф.Г. Аринкин и С. Беликов, которые по прихоти руководителя не были включены в список исполнителей. Также отсутствуют в этом перечне А.Б. Писарев (1734–1736 гг.) и фамилии геодезистов, принимавших кратковременное участие в работах или временно прикомандированные к команде на несколько месяцев: С.А. Арсеньев и И.Б. Исаков в 1731 г., Ф.Т. Воробьев в 1732 г., С. Погорельцов в 1732 и 1735 г., И. Шишков трижды – в 1733, 1734 и 1737 г., Ф.Д. Лавров и М. Соболев в 1736 г., Е. Гурьев дважды – в 1736 и 1737 гг. Зато довольно последовательно внесен в число "употребленных" при "снятии" плана геодезист В. Шишков, проработавший на заключительном этапе очень мало времени из-за двухлетней командировки до 1 января 1740 г. В список занесены геодезии ученики Я.Д. Красильников, Ст. Чичагов и С. Шелков.

Дальнейшую карьеру и судьбу составителей Московского плана можно проследить пока лишь фрагментарно и в общих чертах. Интересно, что еще в 1743 г., т.е. спустя три года после сдачи плана 1739 г. в Сенат, при И.Ф. Мичурине в Москве еще находились С.А. Кашинцов, А. Карцов, Ст. Чичагов, Я. Красильников и С. Шелков⁹⁰.

Старшее поколение московских геодезистов к середине 40-х годов XVIII в. заканчивало службу. М.А. Енкуватов в 1740 г. был послан из Петербурга для съемок при размежевании русско-турецкой границы, где и находился вместе с прапорщиком П.С. Лупандиным и геодезистом И.Г. Шестемировым при генерал-лейтенанте Репнине, а в 1742–1743 гг. – в Сенатской команде В.П. Рудакова. В конце 1743 г. он получил отставку с награждением рангом поручика сухопутных полков. Также "за болезнь и за старостию" в 1744 г. отставлены от службы С.А. Кашинцов и Ф.Д. Лавров.

Геодезисты Ф.Г. Аринкин и С. Беликов с 1736 г. находились в Оренбургской экспедиции под началом И.К. Кирилова, а с 1737 г. под началом В.Н. Татищева. По распоряжению Татищева геодезии прапорщик С. Беликов с 1738 г. работал на съемке и составлении ландкарт Симбирской провинции Казанской губернии и городов Самары, Сызрани, Саратова. Ф. Аринкин, геодезии прапорщик с 1740 г., известен по составленным им ландкартам и планам 1744 г. района Оренбург – Илецкая слобода – крепость Сорочинская, рек Яика и Самары.

Большинство молодых геодезистов до 1744 г. находились в сенатских командах Москвы и Петербурга. По запросу коллегии иностранных дел геодезисты Ст. Чичагов и С. Шелков были отправлены в 1744 г. к астраханскому губернатору В.Н. Татищеву "к сочинению от Кизляра

и другим тамошним местам описания и ландкарт". На основе съемок в сложной физико-географической обстановке они составили ряд карт Северного Кавказа. Ст. Чичагов "описывал" территорию и "сочинил карту Большой и Малой Кабарды", а Щелков – "пространство от Кизлярской крепости, за рекою Тереком до персидской границы и до Малой Кабарды". Сохранились и другие их работы: "План астраханским соляным озерам" С. Щелкова, ландкарта северного берега Каспийского моря и план "Гурьеву городку и протокам, кои вышли из реки Яика и впади в морской залив" 1745 г. Ст. Чичагова. В период 1744–1751 гг. геодезии прапорщик А. Карцов проводил от Вотчинной коллегии межевание спорных дворянских земель в Можайском, Московском и Верейском уездах. В начале 50-х годов геодезии прапорщик Я.Д. Красильников служил учителем геодезии в Шляхетном (дворянском) кадетском корпусе.

История создания первого плана Москвы на основе геодезических съемок убедительно показывает не оцененную ранее значительную роль И.К. Кирилова. Его идеи, разработанные им методические указания и критические замечания по ходу выполнения группой геодезистов работ легли в основу программы картографирования города. Они оказали существенное влияние на качество и ускорение процессов съемки и оформления Московского плана.

План Москвы 1739 г., опубликованный в 1741 г., отражает результаты кропотливой и трудоемкой деятельности петровских геодезистов и их преемников, картографические идеи и методические разработки И.К. Кирилова, градостроительные замыслы И.Ф. Мичурина.



КРАТКАЯ КАРТОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

“План императорского столичного города Москвы, сочиненной под смотрением архитектора Ивана Мичурина в 1739 году” является замечательным памятником истории отечественной картографии и источником для изучения изменений природы и процесса урбанизации ландшафта нашей столицы за 250-летний период, прошедший со времени создания этого картографического произведения.

Какими же характерными особенностями этого плана? Прежде всего обращает на себя внимание удачная компоновка и строгое, изящное оформление плана. В левом верхнем углу выполнена аллегорическая фигура феи воды, держащей в правой руке щит с гербом Москвы, представленным Георгием Победоносцем, поражающим Змия.левой рукой фея опирается на кувшин, из которого изливается Москва-река (рис. 16).

Четкими надписями выделены основные части города: Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город. Помимо названий частей города на плане даны надписи “Москва река”, “Гофшпиталь”, “Болото” и “Сухарева башня”. Последняя, по-видимому, специально выделена создателями плана как дань памяти и уважения Московской математико-навигационной школе, выпускниками которой являлись геодезисты, участвовавшие в съемках Москвы. В каждой части города циф-

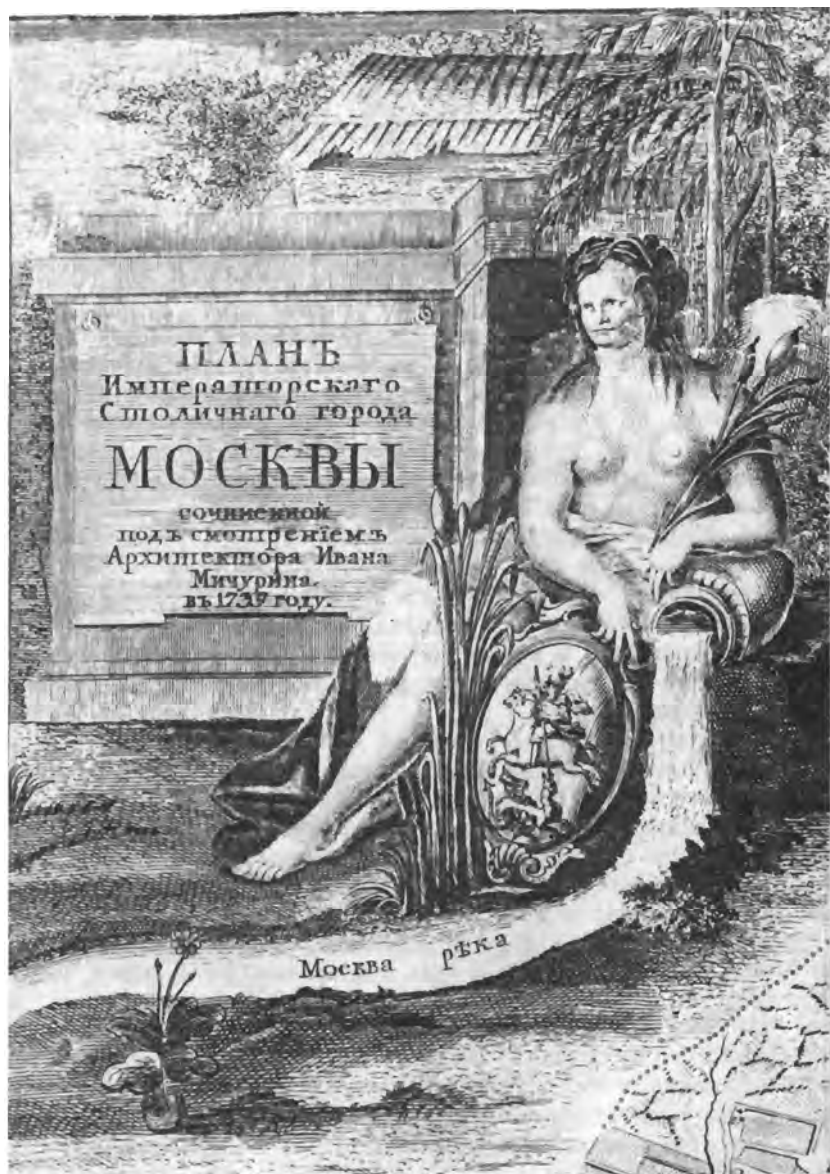


Рис. 16. Художественный картуш с заголовком плана

- ☰. Москва рѣка.
- ♁. Неглинна рѣка.
- ♀. Патріаршей прудъ.
- ♁. Пресня рѣка.
- ☾. Красной прудъ.
- ♁. Яуза рѣка.
- ♁. Хотимловка рѣка.
- ♁. Воробьевскія горы.
- ♁. Огороды.
- ♁. Дровяной дворъ.
- ♁. Новодевичья монастыря.
- ♁. Лефортовской ручей.

Рис. 17. Легенда с условными знаками из указателя к плану Москвы 1741 г.

рами обозначены: ворота, дома е.и.в., монастыри и подворья, приходские церкви, публичные строения. Улицы даны буквами латинского алфавита, причем, за Земляным городом — не только прописными для главных улиц, но и строчными буквами для выделения второстепенных улиц. Для рек, прудов, огородов, Дровяного двора, Воробьевых гор и Новодевичьего монастыря использованы знаки Зодиака (рис. 17), а именно: "Москва река" — Водолей, "Неглинна река" — Телец, "Патріаршей пруд" — Близнецы, "Пресня река" — Стрелец, "Красной пруд" — Весы, "Яуза река" — Рыбы, "Хотимловка река" — Овен, "Воробьевские горы" — Лев, "Огороды" — Козерог, "Дровяной двор" — Рак, "Новодевичья монастыря" — Дева, "Лефортовской ручей" — Скорпион. Помимо этого в восточной части плана на левом берегу Яузы неподалеку от Лефортовского дворца нанесен знак Сатурна, не объясненный в легенде.

Таким образом, кроме надписей основных частей города, реки Москвы, Сухаревой башни, "Гофшпиталя" и болота вся топонимия представлена буквами и знаками. Этот прием, встречающийся крайне редко, позволяет создать исключительно четко читаемое изображение плана города и его структуры, не нагруженное названиями. Если говорить об элементах городской застройки и ландшафта, то на плане выделены кварталы и наиболее выдающиеся строения, выражаемые в масштабе, а также — реки, пруды, заболоченные пространства, значительные береговые обрывы, леса, кустарники, сады, парки, пашни, огороды, луга (выгоны). Сетка координат отсутствует. В правом нижнем углу помещена роза ветров (рис. 18), дающая ориентировку картографического изображения (на северо-северо-восток) и линейный масштаб в сажнях — 250 сажень в дюйме, т.е. 1:21 000. Ниже масштаба дано не часто встречающееся на картах XVIII в. примечание о геодезистах — непосредственных исполнителях, которые "при снимании сего плана употреблены были".

Условные знаки, примененные на плане, типичны для отечественных карт XVIII в. Для всех объектов дано плановое, т.е. ортогональное изображение, но для выражения сущности отображаемых сюжетов использованные условные знаки имеют признаки художественного, полу-

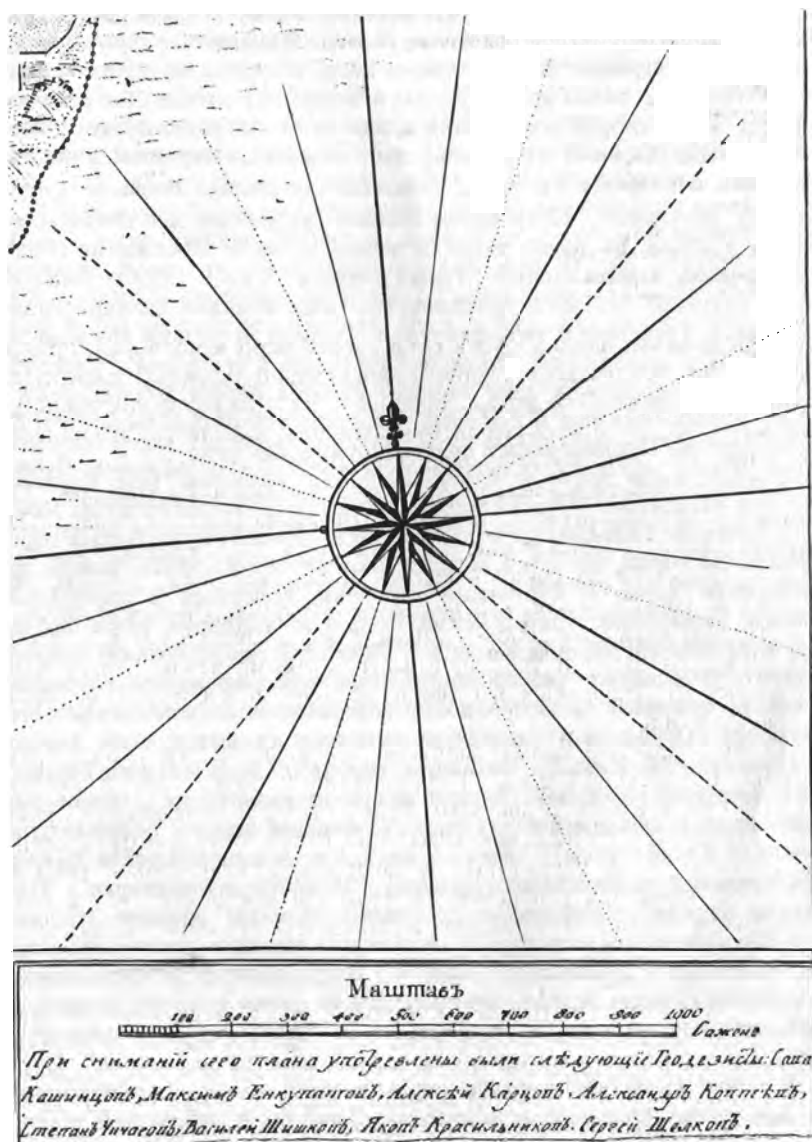


Рис. 18. Роза ветров и линейный масштаб плана

перспективного показа. Так, изображенный строго в плане регулярный парк в Лефортово имеет основные аллеи, обрамленные рисунком деревьев в полуперспективе. Деревья в лесах и копны на лугах показаны фронтально с тенью при условном освещении с запада. Для создания эффекта пластичности составители плана оттеняли изображения линейных объектов (границ кварталов, стен, отдельных строений и валов), изображая отдельные их грани (теневые) штрихами большей толщины, чем остальные. Полуперспективным условным рисунком семи холмов показан на плане район в западной части Москвы на берегу Москвы-реки, называвшийся "Тремя горами", где в 1799 г. было основано ситцевое набойное производство, впоследствии ставшее нашей знаменитой Трехгорной мануфактурой. Остальной рельеф Москвы показан лишь с выделением основных прибрежных его форм в плановом отображении. Штрихами дана верхняя кромка берега Москвы-реки в районе Воробьевых гор и показаны контуры некоторых оврагов и балок по берегам Москвы-реки и других московских рек.

На отдельном листе к плану приложен указатель (см. приложение) под названием: "Чертеж местоположения столичного города Москвы, в котором означены не только Кремль, Китай город, Белый город и Земляной город, но и все находящиеся во оном ворота, улицы, императорские дома и публичные строения, соборные и приходские церкви, монастыри, архиерейския и другия подворья, реки, пруды, сады и прочия знатнейшия места". В указателе (экспликация) к плану составители следуют разработанной ими классификации городских объектов, опираясь на особенности исторически сложившегося облика города. Основными разделами описания являются части города: "В Кремле", "В Китае", "В Белом городе", "В Земляном городе", "За Земляным городом". Внутри разделов дальнейшее деление унифицировано и объединяет группы: "Соборные церкви" (только для Кремля и Китай-города), "Домы е.и.в.", т.е. — императорские дворцы (для Кремля и за Земляным городом), "Монастыри и подворья", "Приходские церкви", "Публичные строения", "Ворота" (кроме Земляного и "За Земляным городом"). В каждом из двух последних разделов подраздел "Приходские церкви" имеет более дробное деление на три подгруппы: церкви, относящиеся в целом к соответствующей части города, а также расположенные "За Яузой" и "За Москвою рекою".

В конец указателя вынесен перечень улиц, которые пролегают через все части города, за исключением Кремля. В небольшой легенде приведено 12 условных обозначений.

Московский план распространен в двух основных размерах. Наиболее ранние его экземпляры, хранящиеся в Музее города Москвы, имеют размеры по рамкам 525 x 508; 536 x 508; 526 x 505; 530 x 492 мм. Разница в размерах планов, достигающая 10 мм, вероятно, вызвана тем, что они печатались на разной бумаге, которая к настоя-

шему времени в различной степени деформировалась. В Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и в Государственном историческом музее сохранились экземпляры плана несколько меньшего размера (423 x 528 мм). Они, по-видимому, являются несколько уменьшенными по компоновке (значительно сверху и немного снизу) копиями плана 1741 г. [12, с. 47–48]. Сохранен масштаб плана (1:21 000); а также цифровая и буквенная индексации.

При внимательном рассмотрении плана и экспликации к нему бросается в глаза обилие объектов, связанных с русской православной церковью. Всего на плане показано 324 религиозных объекта. В это число входит 11 соборных церквей, 52 монастыря и монастырских подворий и 261 приходских церквей. Москву часто называли городом "сорока сороков" (т.е. 1600) церквей, что, как можно видеть из Московского плана, было сильным преувеличением. И все-таки культовых сооружений было в несколько раз больше числа других значительных строений города. На плане показано всего 63 государственных и общественных строений, в том числе императорских дворцов, башен, ворот и др. Преобладание религиозных сооружений в Москве и на Московском плане в тот период неудивительно. План объективно отражает важную роль русской православной церкви как идеологии централизованного феодального государства. Вполне естественно, что представители царской фамилии, боярства и дворянства не жалели средств на постройку церквей, которые и преобладали в застройке древней столицы Российского государства. Церкви часто выполняли роль замечательных памятников, воздвигавшихся в ознаменование важных исторических событий. Так, церковь Всех святых на Кулишках (№ 85 на плане, — ныне пл. Ногина, 2) была построена в память воинам, погибшим на Куликовом поле (сохранившееся здание относится к XVI–XVII вв.). Покровский собор — храм Василия Блаженного на Красной площади — возведен в 1555–1561 гг. в честь взятия Казани.

В жизни столицы XVIII в. церкви играли значительную социальную роль. В условиях почти полного отсутствия каких-либо культурно-просветительных учреждений для народа храмы были средоточием духовной жизни и человеческого общения. Прихожане, участвуя в богослужениях, так или иначе, приобщались к русской музыкальной культуре; через созерцание икон и росписей воспитывался художественный вкус, а "жития святых" знакомили их с отдельными сюжетами истории Руси.

Самобытная архитектура церквей с их яркими народными названиями, как правило, включавшими элементы топографической привязки, позволяла достаточно надежно разбираться в хитросплетениях московских улиц. Поясняющие названия, дающие "привязку к местности", были широко распространены и почти всегда обязательны при названиях церквей, посвященных одному и тому же святому. Так, одному из самых популярных в России святых — Николаю угоднику (чудотворцу),

судя по Московскому плану, было посвящено более 40 церквей, названия большинства из которых имеют пояснения. Например, в Замоскворечье на Московском плане нанесены церкви: "Никола Заяцкой" (№ 73), "Никола в Пупышах" (№ 75), "Никола, что в Кузнецкой" (79), "Никола, что в Пыжове" (89), "Никола, что в Толмачах" (92), "Никола в Голутвине" (102), "Никола в Берсеневках" (105). В некоторых названиях церквей нашли отражение элементы рельефа или почвы. В качестве таких наименований можно упомянуть: в Белом городе – "Троица, что на Грязях" (№ 81), "Спас в Глинищах" (№ 84); в Земляном городе – "Никола на Песках" и "Спас на Песках на Арбате" (№ 20, 21); "Ермолая чудотворца на Козьем болоте" (№ 34), "Спас на Песках" (41), "Покрова богородицы, что на Горке" (№ 63); "Никола, что на Ямах" (№ 56, за Земляным городом) и др.

Для петровских геодезистов, занимавшихся съемками, обеспечивавшими составление Московского плана, церкви, помимо их религиозного и социального значения, были важны, как наиболее четкие ориентирные пункты, положение которых легко определялось со съемочных ходов с помощью засечек. При составлении общего плана они с успехом могли быть использованы при соединении различных частей съемок. Именно поэтому все церкви особенно точно нанесены на Московском плане и показаны условным знаком крестика. Рассматривая содержание Московского плана по отдельным частям города, заметим, что на плане впервые показана территория до новой границы Москвы – Компанейского вала, охватывавшей слободы и загородные дворы, вышедшие уже в XVII в. за пределы старой границы – Земляного вала (Садового кольца). Таким образом, в компоновку плана включены Пресня, Сушево, Преображенское, Семеновское, Лефортово, Симоново, Даниловка, Девичье поле и Дорогомилово. Помимо этих основных новых районов столицы, за пределами Компанейского вала показаны отдельные дороги, леса, пашни и др. Компанейский вал сооружен в процессе съемок Московского плана в 1731–1732 гг.

СОДЕРЖАНИЕ МОСКОВСКОГО ПЛАНА

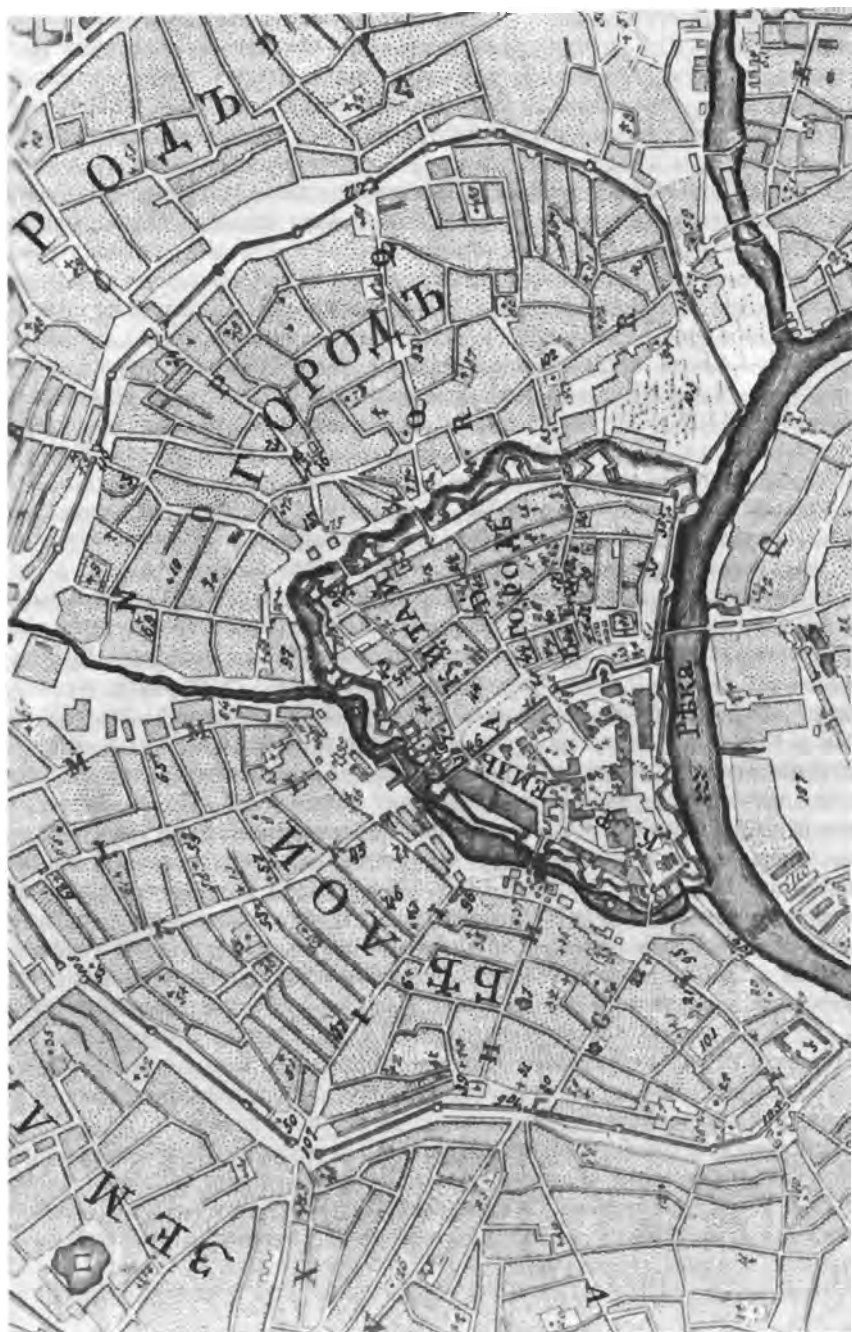
Кремль (рис. 19) на Московском плане показан с соборами, дворцом, приказами и монастырями с точным соблюдением их взаимного расположения, ориентировки и масштаба. Практически на плане мы имеем первое точное картографическое изображение одного из лучших средневековых русских городских ансамблей, основные постройки которого возведены в XVII в. Историческая ценность этого изображения возрастает еще и потому, что не все архитектурные памятники Кремля того времени удалось сохранить для потомков. В частности, в 1930-х годах были полностью разобраны постройки кремлевских монастырей – Вознесенского, основанного в конце XIV в., и Чудова, основанного в 1365 г.

Из зданий XVIII в. на плане показан Арсенал (цейхгауз), сооруженный в 1701–1736 гг. для хранения оружия, снаряжения и трофеев русской армии. Трапециевидное в плане здание занимает почти все пространство между Троицкими и Никольскими воротами. Вдоль стены Кремля, севернее ее до реки Неглинной и южнее — до Москвы-реки показан, как и на планах XVII в., Алевизов ров, через который перекинута мосты против Спасских и Никольских ворот. Ров назывался так по имени итальянского архитектора конца XV — начала XVI в. Алевиза Фрязина, прибывшего в Москву из Милана в 1494 г. Помимо постройки рва перед кремлевскими стенами, засыпанного в XIX в., он перестраивал стены и башни Кремля вдоль реки Неглинной и строил каменные палаты (на плане дворец "Каменной"), ныне в перестроенном виде составляющие два нижних этажа Теремного дворца [16, с. 103]. Против Алевизова рва на плане нанесены земляные бастионы, возведенные по приказу Петра I в 1707–1708 гг. во время русско-шведской войны. До настоящего времени остатки бастионов сохранились в Александровском саду, у Оружейной башни Кремля.

На Московском плане в целом очень четко и наглядно выделены кремлевские стены со Спасскими, Тайнинскими, Предтеченскими, Троицкими и Никольскими воротами (башнями).

Китай-город. От Большой Арсенальной башни Кремля на севере и до Беклемешевской башни на юге показана крепостная каменная стена, которой обнесен Китай-город (см. рис. 19), с воротами Воскресенскими, Никольскими (с современной улицы 25 Октября на площадь Державинского), Ильинскими (с улицы Куйбышева), Варварскими и Москворецкими. Название Китай-города известно с XVI в. и предположительно оно является производным от слова "кита" — связка жердей, применявшихся при строительстве укреплений [16, с. 304]. На месте современного Государственного исторического музея на плане показана Главная аптека (№ 38), которая была размещена в здании бывшего Земского приказа. В 1755–1785 гг. здесь был Московский университет, основанный М.В. Ломоносовым. По другую сторону современного Исторического проезда изображен Монетный двор (№ 39), построенный в 1697 г. На плане Монетный двор показан расширенным в соответствии с указом 1732 г. Анны Ивановны. Реконструированные в 1732–1740 гг. по проекту архитектора П.И. Гейдена постройки этого Нового Красного монетного двора сохранились в Историческом проезде (дом № 1) в виде двухэтажного здания с парадным въездом-аркой в нижней части и богато декорированным верхним этажом.

Северо-восточную границу Красной площади на Московском плане составляют ряды и лавки, размещавшиеся на месте современного ГУМа. К югу от церкви "Живоначалныя троицы, что на Рву" (собор Василия Блаженного), между земляными бастионами и Москворецкой улицей показан строительный квартал, доходивший до южной стены Китай-города на набережной. В Алевизовом рву, составлявшем юго-



западную границу Красной площади, к моменту составления Московского плана воды давно не было и на его дне разведены казенные "Аптекарские сады" (№ 46). На севере архитектурный ансамбль Красной площади замыкался построенным в 1626–1630 гг. Казанским собором (№ 1), не сохранившимся до наших дней. На юге, в строительном квартале, доходившем до южной стены Китай-города, на плане изображены две церкви – Николы Москворецкого и Спаса Смоленского (XVI–XVII вв.). Этот строительный квартал вместе с церквями был разобран в 1938 г. при постройке Москворецкого моста [23, с. 50].

Судя по Московскому плану планировка Китай-города к востоку от Красной площади и Москворецкой улицы оставалась в основном такой же, как и в XVII в. Основу пространственной организации этого района составляют три главные, приблизительно параллельные улицы: Никольская (ул. 25 Октября), Ильинка (ул. Куйбышева) и Варварка (ул. Разина). Между Никольской и Ильинкой на плане показаны те же переулки, что и сейчас, причем основная ориентировка этих переулков за 250-летний период не изменилась. Отсутствует Малый Черкасский переулок, но Козьмодемьянский (теперь Старопанский) переулок показан продолжающимся до Ветошного. Нынешний Старопанский переулок упомянут в переписи 1626 г., однако на планах XVII в. он не изображался. Сеть переулков между Ильинкой и Варваркой на плане совпадает с современной планировкой.

На месте современного здания Министерства обороны СССР показаны Средние ряды, прорезанные насквозь переулками между Красной площадью и Хрустальным переулком, существовавшими, судя по Петрову плану и в XVII в. В самих названиях сохранившихся донные переулков Рыбный и Хрустальный зафиксирована номенклатура некоторых товаров, которыми торговали в Средних рядах. Башни Москворецких ворот на плане нет, а у Китайгородской стены на ее месте показаны часовня с восточной стороны и караульня с западной. В изображении этого района сказалось и то, что Московский план был в определенной степени проектным, регулярным. Так, отсутствие на плане лавок и дворов по Москворецкой улице, равно как и отсутствие лавок между Лобным местом и Ильинкой, для периода создания плана не действительность, а только проект. В 1754 г. по обеим сторонам Москворецкой улицы стояли лавки Масляного, Яблочного и других торговых рядов. Ниже Средних рядов, против собора Василия Блаженного на плане показан Мытный двор (№ 41). Мытный двор первоначально был таможей для сбора пошлины с пригоняемого скота (эта пошлина называлась "мыт"), а в XVIII в. здесь торговали мясом, курами и прочей снедью.

Планировка Зарядья отобразена в том виде, в каком она сложилась в XVI в. и просуществовала до постройки в 1964–1967 гг. гости-

ничного комплекса "Россия". На этом месте на плане показаны Зарядьевский, Псковский и Кривой переулки, идущие с севера на юг, а также Мокринский, Ершов и Елецкий переулки, протянувшиеся с запада на восток. Сеть этих переулков имеется на планах XVII в. В Зарядье находилось одно из древнейших поселений Москвы, заселение которого судя по археологическим данным началось в XI—XII вв. Основными жителями Зарядья были торговцы и ремесленники. Условия проживания в этой наиболее низменной части Китай-города, были весьма нелегкими из-за постоянных наводнений и общей значительной увлажненности поймы Москвы-реки. Отсюда названия Мокрого переулка и церкви, прозванной в народе "Николой Мокрым", — покровителя торговли и мореплавания, святителя Николая. На плане эта церковь обозначена № 35 с названием "Николая чудотворца, что слово мокрое".

Положение в Зарядье еще более ухудшилось после окружения Китай-города земляными бастионами и рвом, которые на целое столетие закрыли стоки в реку, вследствие чего вся грязь и нечистоты с Варварки стекали в Зарядье и превращали его в непроходимую трясиину. В настоящее время Зарядье входит в заповедную зону Китай-города и из объектов, нанесенных на Московском плане, на его территории сохранились и реставрированы: Английское подворье (на плане № 18 — "Нижегородское подворье"); "Знаменской" монастырь (№ 6), в казенных кельях которого ныне музей "Палаты XVI—XVII вв."; один из древнейших памятников архитектуры Москвы — церковь Зачатия Анны (на плане № 36 — "Зачатие, что в углу"); постройки XV—XVII вв.; церкви "Великомученика Георгия" (№ 30) 1657 г. и "Максима Исповедника" (№ 31) 1698—1699 гг. Церковь "Варвары Христовой мученицы" (№ 32), давшая название улице Варварка (ныне улица Разина), построенная в начале XVI в.

С востока Китай-город был огражден стеной и земляным валом (1707—1708 гг.), против воротных башен которого были сооружены высокие и далеко выдвинутые вперед земляные бастионы. Проезд через башни-ворота был закрыт, но Никольские, Ильинские и Варварские ворота на Московском плане показаны как действующие проезды. Так называемые "проломные" ворота были сооружены уже в период завершения составления плана. Первые из них — Новоникольские ворота — были сделаны до 1739 г. против Мясницкой улицы. Юго-восточная часть Китайгородской стены, петровские вал, бастионы и ров нанесены на Московском плане там, где теперь находятся Китайский проезд, Старая и Новая площади. Название Китайского проезда объясняется тем, что до 1934 г. посреди него проходила древняя стена Китай-города. В 1934 г. в связи со строительством метро была снесена стена Китай-города от площади Дзержинского до улицы Разина, а Китайский проезд, Старая и Новая площади составили одну широкую улицу, но сохранили свои старые названия [23, с. 72].

Улица Ильинка (современная улица Куйбышева) пересекает Ки-

тай-город приблизительно пополам и ее очертания на плане практически совпадают с современными. Свое название улица получила по имени стоявшего на ней с 1518 г. монастыря, вокруг которого были митрополичьи огороды, а позже Певческая слободка, где жили певчие патриарха, потом Синода. Из построек монастыря сохранилась церковь пророка Ильи (дом № 3), однако на Московском плане эта церковь не нанесена. Начиналась Ильинка от Красной площади, а заканчивалась у стены за церковью "Николы Большаго Креста" (№ 24). Между Ильинкой и Варваркой издавна располагался "Торг" (рынок). С 1547 г. на месте "Торга" существовал "Гостиной двор (№ 40). Сохранившееся до наших дней здание Гостиного двора представляет собой постройку конца XVIII – начала XIX в.

Ильинка в XVII–XVIII вв. была в значительной степени торговой улицей, так как помимо Гостиного двора, в ее начале располагались Верхние и Средние ряды лавок (№ 44) каменных и деревянных. Кроме того, значительная торговля велась в помещениях монастырских подворий, которые сдавались купцам под лавки и амбары. Торговля была серьезным источником доходов монастырей, владевших подворьями на Ильинке. Основным назначением подворий было служить пристанищем для приезжающих в Москву монахов. На Московском плане, в частности, показаны подворья Новгородское (№ 7), Иосифское Вологодское, Ростовское (№ 17). Пропущено Троицкое подворье, тогда бесспорно существовавшее (современная ул. Куйбышева, 5). В торговых интересах использовались и полуподвалы (подклети) церквей. В частности, для хранения товаров купцы Филатьевы использовали подклет церкви Николы Большой Крест (1690 г.), снесенной в 1920-х годах.

По южной стороне Ильинки за рядами и Гостиным двором до современного проезда Владимирова располагался обширный Посольский двор (№ 24). По его названию современный проезд Владимирова назывался тогда Посольской улицей. В большой пожар 1737 г. на Ильинке сгорели Посольский и Гостиный дворы, Спасский мост, "да ряды выгорели", но скоро были восстановлены.

В северной части Китай-города на плане показана одна из древнейших улиц Москвы – Никольская (современная ул. 25 Октября). Она возникла в XIII в. вдоль дороги из Кремля на Ростов Великий, Владимир и Суздаль. Первоначально она называлась так же, как ее продолжение за пределами Китай-города, Сретенкой, а после постройки китайгородской стены стала называться Никольской по названию греческого монастыря Николы Старого, или Николы Большой Главы (Николаевского, Никольского, а на плане под № 5 – "Никольской греческой"). На это место монастырь был перенесен при Иване Грозном, а в XV–XVI вв. он располагался на территории Казанского подворья (№ 8) в Ветошном переулке. Одним из древнейших монастырей Москвы, основанным в 1292 г., является располагавшийся на Ильинке Бо-

гоявленский монастырь (№ 3). Его остатки можно видеть теперь в Куйбышевском проезде (дом 2/6). В частности сохранился собор Богоявления (1624–1696 гг.) с колокольней, здание братских келий и настоятельские палаты XVII в.

Крупным религиозным и просветительным центром Российского государства был монастырь "Всемилолюбивейшего Спаса на Никольском крестце, что за Иконным рядом" (ныне ул. 25 Октября, 7, во дворе), обычно называвшийся Заиконоспасским (на плане "Спаской" № 4). В 1682 г. здесь было основано первое высшее духовное учебное заведение Москвы Славяно-греко-латинская академия, в которой выпитанные из Киева ученые монахи и Симеон Полоцкий – ученый русский монах, поэт и ритор – обучали молодежь из дворян и других сословий (кроме крестьян) "по латыням и для грамматического учения". В Академии преподавали славянский, греческий и латинский языки и литературу. В ней обучались М.В. Ломоносов, А.Д. Кантемир и другие видные деятели XVIII в. В 1814 г. под именем Духовной академии она была переведена в Троице-Сергиеву лавру, где и функционирует до сих пор в качестве главного учебного заведения русской православной церкви. До наших дней в ансамбле Заиконоспасского монастыря сохранились Спасский собор XVII–XVIII вв., палаты XVII в. ("Учительский корпус") и более позднее здание бывшей школы (1822 г.). В перестройке Спасского собора в 1742 г. участвовал руководитель работ по составлению Московского плана архитектор И.Ф. Мичурин.

На Никольской улице располагалась также первая московская государственная типография – Печатный двор (№ 43 на плане), основанный около 1553 г. В период создания Московского плана он размещался в каменных постройках 1645 и 1679 г., в которых было 12 печатных станов и "Правильная палата", где трудились "справщики" (корректоры), готовившие книги к печати. Здание "Правильной палаты" Печатного двора до сих пор сохранились во дворе современного Историко-архивного института (ул. 25 Октября, 15).

Ансамбль Никольской улицы замыкался церковью "Владимирския богородицы, что у Никольских ворот" (№ 20 на плане), построенной в стиле нарышкинского барокко в 1693–1694 гг. Церковь не сохранилась, так как была снесена в 1934 г. вместе со стенами и башнями Китай-города. В XVIII в. по Никольской улице совершались торжественные въезды в Кремль, для чего у Казанского собора строились триумфальные ворота.

Завершая изучение изображения Китай-города на Московском плане, следует заключить, что наиболее подробно в его застройке отображены культовые здания и сооружения. На нем показаны два собора ("Казанской богородицы" и "Живоначальная Троица", что на рву), четыре монастыря (Богоявленский, Заиконоспасский, Никольский греческий и Знаменский). Нанесены подворья других монастырей: Новгородское (ул. Куйбышева, 3), Казанское (в Ветошном переулке),

Воскресенское (ул. Куйбышева, 11), Иосифовское (ул. Куйбышева, 7), Пафнутьевское (в проезде Владимирова), Калязинское (на углу ул. 25 Октября и Новой площади), Вологодское (ул. Куйбышева, 15), Ипатьевское (в Ипатьевском переулке), Иверское (в проезде Владимирова), Прилуцкое (на улице Разина), Ростовское (там же), Нижегородское (на ул. Разина, напротив Гостиного двора), Воронежское (там же). Всего показано 13 подворий, причем, пропущено Троицкое подворье, которое тогда существовало.

При большинстве подворий имелись церкви. Кроме того, на плане показано 18 приходских церквей.

Из больших общественных зданий в Китай-городе на Московском плане отображены: Главная аптека на Красной площади; Монетный двор, Гостиный двор, Мытный двор, Посольский двор, Печатный двор, ряды и лавки по восточной стороне Красной площади и Москворецкой улицы от Никольской до Мытного двора; Лобное место там же, где оно находится ныне, Аптекарские сады во рву и на земляных бастионах между Никольскими и Спасскими воротами Кремля.

Белый город. Древним районом исторического центра Москвы является Белый город (см. рис. 19), опоясывающий Кремль и Китай-город с запада, севера и востока, на левобережье Москвы-реки в пределах современного Бульварного кольца. Название получил от сложенной в основании из белого камня стены, являвшейся третьей после Кремля и Китайгородской стены линией городских укреплений. По другой версии Белый город назывался так потому, что в XVI—XVII вв. здесь жили, главным образом, бояре и дворяне, находившиеся на постоянной царской службе. Земля, на которой стояли их дворы, именовалась "белой", т.е. освобожденной от земельных налогов, которыми были обложены "черные" земли ремесленников, торговцев и земледельцев.

На первом печатном геодезическом плане Москвы, как и на чертежах XVII в., Белый город показан опоясанным крепостными стенами с десятью воротами: Водяными, или Всесвятскими (№ 104), с Ленивки на Большой Каменный мост; Пречистенскими (№ 105) в конце Волхонки; Арбатскими (№ 106) на Арбатской площади; Никитскими (№ 107) на Б. Никитской; Тверскими (№ 108) на современной Пушкинской площади против ул. Горького; Петровскими (№ 109) против Петровки; Сретенскими (№ 110) против Сретенки; Мясницкими (№ 111) на Мясницкой (ныне ул. Кирова); Покровскими (№ 112) против Покровки (ныне ул. Чернышевского); Яузскими в конце Солянки (№ 113). Все эти ворота располагались в 10 оборонительных башнях Белого города, которых в общей сложности было 27, как и показано на плане.

Картографическое отображение стены Белого города на Московском плане по существу является первым и последним точным изображением этих оборонительных укреплений, так как к середине XVIII в.

стена потеряла военное значение и во второй половине столетия была разобрана.

Характерным природным объектом, влиявшим на организацию территории Белого города и районов к северу от него была река Неглинная, протекавшая с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Под стеной Белого города она проходила через трубу (отсюда названия Трубной площади и Трубной улицы). Река имела большое значение для жизни Москвы, — на ней располагались мельницы, кузницы, мастерские. В начале XVIII в. Неглинная была чистой рекой с шестью проточными прудами, которые служили резервуарами для разведения рыбы и тушения пожаров. В районе Белого города на плане она показана в своем естественном русле, текущей от современной Трубной площади, между Петровкой и Неглинной улицами, по территории, занимаемой сейчас ЦУМом и Малым театром, приблизительно до места современного здания гостиницы Метрополь, и далее к юго-западу по рву перед земляными бастионами Петра I (современные площади Свердлова и Революции и Александровский сад) до впадения в Москву-реку. Перед устьем Неглинной на месте современной набережной в конце Александровского сада показана плотина. Другая плотина изображена на месте современной площади Революции. Помимо плотин Неглинную подпругивали три моста, показанные на плане, — Воскресенский с Красной площади на Тверскую улицу, Троицкий и Боровицкий против соответствующих ворот Кремля. Благодаря плотинам и мостам Неглинная здесь разливалась и образовывала пять прудов, изображенных на плане.

Земляные бастионы, сооруженные по приказу Петра I, изображены на Московском плане вокруг Кремля и Китай-города ломаной линией с многочисленными и значительными выступами, типичными по очертаниям для регулярных крепостных сооружений XVIII в, в которых выступающие вперед бастионы соединялись валом, называвшимся "куртиной". Ров и протекающая по нему в части крепостной линии река Неглинная подходили к выступам бастионов, а между рвом и куртинами было значительное свободное пространство. Бастионы и ров располагались на всей территории современных Александровского сада, площади Революции, южной части площади Свердлова, проспекта Маркса. С восточной и северо-восточной сторон Китай-города петровскими оборонительными сооружениями прикрывались районы современного Китайского проезда, части площади Дзержинского, кварталы между Китайским проездом и проездом Серова до площади Ногина и часть квартала между этой площадью и рекой Москвой к востоку от Китайского проезда. Вдоль Москвы-реки рва, естественно, не было, а земляные бастионы занимали всю современную набережную перед Кремлем и Китай-городом.

Через земляные бастионы и ров в восточной части Китай-города показаны три деревянных моста: Варварский мост против соответствующей

ших крепостных ворот; мост с Ильинки несколько севернее этой улицы, мост с Никольской южнее ее окончания (против современного Малого Черкасского переулка).

По-видимому, ошибочно на плане не показан деревянный Кузнецкий мост через реку Неглинную на месте современной улицы с таким же названием (по основанной здесь в конце XV в. слободе кузнецов) и деревянный Петровский мост на месте современной площади Свердлова из Охотного ряда в северную часть тепершнего проспекта Маркса. Не исключено, что Петровский мост, изображавшийся на планах XVII в., был разобран при постройке бастионов Петра I.

Основную структуру планировки Белого города между земляными бастионами вокруг Кремля и Китай-города и стеной на месте современных бульваров определяют на Московском плане те же радиальные улицы, которые были в XVII в. и сохранились до нашего времени, но переулков между ними показано меньше, чем на Петровом чертеже.

Основные улицы Белого города на Московском плане обозначены заглавными латинскими буквами от *F* до *S*, причем их названия в легенде приведены в соответствие с размещением на местности с запада на восток. В таком же порядке рассмотрим их и мы.

Пречистенская улица (современная Волхонка) являет собой один из ранних примеров "указного" переименования названия улицы, так как до 1658 г. она называлась Чертольской улицей (по урочищу Чертолье, т.е. Чертово поле, на месте современного бассейна "Москва"). С запада она замыкалась стеной Белого города с воротами против улицы, тоже называвшимися Чертольскими. В 1658 г. по указу царя Алексея Михайловича улица и ворота стали называться Пречистенскими, как часть дороги из Кремля к церкви "Пречистой" в Новодевичьем монастыре, куда часто ездил царь с семьей на богомолье. Восточная часть улицы в период составления Московского плана называлась Ленивкой. Несмотря на то, что на обеих частях улицы помещены латинские буквы *F* (т.е. "Пречистенская" в соответствии с экспликацией), на плане церковь (№ 21) на углу восточной половины улицы имеет название "Иоанна Предчети, что на Ленивке". Интересно отметить, что "указное" название не сохранилось до Октябрьской революции. С середины XIX в. улица снова получила "нечистивое" название — на этот раз Волхонка и по созвучию с фамилией князя Волконского, в доме которого находился кабак.

Старейшим государственным сооружением на улице был Колымажный конюшенный двор царя (на плане под № 101 "Запасный Колымажный двор"), расположенный на месте современного Музея изобразительных искусств. Показан и расположенный с 1571 г. в устье ручья Черторый (на плане отсутствует) на месте современного бассейна "Москва" Алексеевский женский монастырь (№ 5), древние здания которого были снесены в 1838 г. в связи со строительством храма Христа Спасителя. Храм, построенный в память Отечественной войны 1812 г., разобран в 1930-е годы.

Ближайший к реке Неглинной строительный квартал по Пречистенской улице (Ленивке) занимал в период составления плана "Дом блаженной памяти государыни царевны Екатерины Иоанновны" (№ 95). Этот двор первоначально принадлежал до 1728 г. А.Д. Меньшикову, а в 1742 г. перешел к князю А.М. Черкасскому.

Большая радиальная улица Белого города Знаменка (современное название улица Фрунзе) — одна из старейших московских улиц. По ней уже в XII в. пролегалла дорога из Великого Новгорода в Рязань и другие приокские города. Она начиналась у самого Боровицкого моста через реку Неглинную. При весьма небольшой длине (около 60 м) Знаменка имела судя по плану четыре церкви, что указывает на большую плотность населения и его зажиточность. В XVII—XVIII вв. здесь стояли исключительно дома придворной знати. Название улица получила по церкви "Знамения богородицы" (№ 28), стоявшей на углу Большого Знаменского переуллка (теперь улица Грицевец); церковь снесена в 1930-х годах. Такая же участь постигла остальные церкви, украшавшие Знаменку. В 1932 г. была разобрана церковь Николы Стрелецкого — "Николоя чудотворца, что на Знаменке" (№ 22); в 1934 г. — церковь Тихона Амафунского ("Тихона чудотворца" № 31), располагавшаяся на месте станции метро "Арбатская" против Арбатских ворот Белого города; при формировании Арбатской площади была разрушена церковь "Савы Стратилата" (№ 30).

К северу от Знаменки нанесена улица Арбатская (Н). В настоящее время это часть Калининского проспекта. В XV — первой половине XVII в. улица носила название "Орбат", происхождение которого связано с арабским термином "рабат", обозначавшим предместья возле города, которым в то время был Кремль. Начиналась улица непосредственно за рекой Неглинной, неподалеку от моста через нее. Улица являлась частью торговой дороги на Волоколамск, Новгород, затем на Смоленск, в связи с чем царь Алексей Михайлович указом 1658 г. переименовал ее в Смоленскую улицу. В период создания Московского плана улица по расположенному на ней Крестовоздвиженскому монастырю (на плане "Воздвиженской" № 1) называлась "Воздвиженкой", однако составители плана оставили почему-то ее древнее название. Крестовоздвиженский монастырь не сохранился до настоящего времени так же, как церкви Дмитрия Солунского и Бориса и Глеба, нанесенные на плане под номерами 37 и 39.

Другая радиальная улица, пересекающая Белый город, Никитская (на плане обозначена буквой Л) — современная ул. Герцена. Она возникла по дороге в Волоколамск и Новгород, которая проходила здесь со второй половины XIV в. и называлась до XVI в. Волоцкой, Новгородской. В XVI в. был основан Никитский монастырь (№ 6), давший название улице Никитская. Ныне на месте монастыря разбит сквер и находится подстанция метро (дом № 7). В начале улицы в 1565—1575 гг. стоял "Опричный двор" Ивана Грозного, в котором с 1737 г. находи-

лась Главная аптека, обозначенная на плане под № 96 ("Двор бывшего генерала-адмирала Федора Матвеевича Апраксина, где ныне Главная аптека"). Сейчас на этом месте клуб МГУ. До настоящего времени на улице (дом № 18) сохранилась церковь Малого Вознесения XVI—XVIII вв. (на плане № 47 "Вознесение Господне"). В конце XVIII в. были снесены церкви Леонтия Ростовского (№ 46) и "Дионисия Ареопагиты" (№ 43) и их земли вошли в состав университетского двора. Не сохранилась до наших дней и церковь "Иоанна Предтечи, что у Никитских ворот" (№ 50).

Часть современной улицы Горького от площади Революции до Пушкинской улицы являлась Тверской улицей Белого города (обозначена буквой *K* на Московском плане). Она возникла в XIV в. вдоль дороги на Тверь. С начала XVIII в. по улице проходила основная дорога из Москвы в Петербург. Это была главная магистраль города, по которой цари торжественно въезжали в Москву на коронацию, для празднования военных побед и т.п. Улица начиналась на месте современной площади 50-летия Октября у Моисеевского монастыря (№ 7) и завершалась у Тверских ворот (№ 108), где в период составления плана стояла церковь "Дмитрия Селунского (Солунского), что у Тверских ворот" (№ 55). В XVIII в. на Тверскую улицу выходило еще три церкви, нанесенные на плане: "Пророка Илии, что на Тверской" (№ 45); "Георгия, что на Тверской" (№ 53); Спаса Преображения ("Спас, что на Тверской", № 57). Из построек XVIII в., отмеченных на Московском плане в этом районе, до настоящего времени ничего не сохранилось.

К востоку от Тверской на плане под буквой *L* показана улица "Дмитревка" (современная Пушкинская улица). Название улицы связано с дорогой в город Дмитров, выходами из которого с конца XIV в. была заселена Дмитровская слобода. В XVI—XVIII вв. это была улица аристократов, на которой располагались усадьбы князей Черкасских, Вяземских, бояр Салтыковых, Стрешневых и других. На углу улицы и Столешникова переулка нанесена церковь "Воскресение, что на Дмитревке" (№ 59), называвшаяся также "Воскресенья в Скоморошках", что указывает на проживание здесь в XVI—XVII вв. скоморохов. В 1815 г. она была снесена. Не сохранилась до наших дней также и церковь "Сергия, что на Дмитревке" (№ 62).

Восточнее Дмитровки показана улица Петровка (*M*). Это одна из древнейших московских улиц, до сих пор сохранившая свое былое название. Возникла она в XIV в. как дорога из Кремля к Петровскому монастырю (№ 2), что на высоком месте. Высокопетровский монастырь был основан Дмитрием Донским в 1380 г. после победы на Куликовом поле. В конце XVII в. заново отстроен в так называемом нарышкинском стиле. Монастырь сохранился до наших дней (ул. Петровка, 28) и является замечательным памятником русского зодчества, в ансамбль которого входят: церковь Петра-митрополита (1690 г.) по-

строена в честь победы Петра I над царевной Софьей; церковь Боголюбской божьей матери (1684–1685 гг.) – усыпальница бояр Нарышкиных; колокольня с надвратной церковью Покрова (1694 г.); палаты Нарышкиных (1690 г.), сохранились фрагменты фресок XVII в.; Настоятельная покои (XVII–XVIII вв.); трапезная с церковью Сергия (1690–1694 гг.); хозяйственные постройки XVII–XVIII в., а также две церкви, построенные позже создания Московского плана, причем, архитектором одной из них был И.Ф. Мичурин. В помещениях Высокопетровского монастыря в настоящее время расположен филиал Литературного музея (“Русская литература XVIII–XIX вв.”) и Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

В XVII в. на Петровке против Высокопетровского монастыря находилась слободка его работных людей. В Столешникове переулке жили ткачи, изготовлявшие “столешники” (скатерти), а на улице Кузнецкий мост – кузнецы и конюхи близлежащего (на месте современных Центральные бань) Пушечного двора (№ 97). Пушечный двор возник в конце XV в. и был центром литейного производства Русского государства. Здания двора, превратившегося к тому времени в хранилище оружия, боеприпасов и знамен, были снесены в 1802 г.

В начале Петровки стояла церковь “Словущее Воскресение, что у Кузнецкого мосту” (№ 64). До середины XVIII в. Петровка в современных границах была сплошь застроена лишь по западной стороне. Восточная ее сторона к реке Неглинной была застроена редко и беспорядочно. Причиной этого были частые разливы реки Неглинной в половодье и большие дожди, заливавшие почти всю восточную часть современной Петровки. Такой характер застройки улицы хорошо отражен на Московском плане, где между Петровкой и современной Неглинной улицей виден по сути дела лишь один Крапивинский переулок. На западной стороне улицы на план хорошо вписываются современная улица Кузнецкий мост и Кольевский, Дмитровский, Столешников и Петровский (ныне ул. Москвина) переулки; кроме того, показан еще один переулок между Столешниковым и Петровским – колено шедшего с севера параллельно Петровке Важенского переулка. На углу Столешникова переулка на плане видна не сохранившаяся до наших дней церковь “Рождество Христово, что в Столешниках” (№ 65).

К востоку от Петровки, на другом берегу Неглинной под буквой *N* показана улица Рождественка. Это очень древняя улица, она возникла в XIV в. вдоль дороги из Кремля в Рождественский монастырь (№ 9), по имени которого и название улицы. Рождественский женский монастырь был основан в 1386 г. В его ансамбле (ул. Рождественка, 20) до настоящего времени сохранились собор Рождества Богородицы (1501–1505 гг., южный предел XVII в.), церковь Иоанна Златоуста (XVII в.), кельи XVII–XVIII вв., колокольня с надвратной церковью 1830-х годов.

С XVI в. в центральной части улицы были поселены звонари и сто-

рожа кремлевских соборов. В их слободе была построена в XVII в. церковь Николы Вожедомского или "Николы в Звонарях" (№ 69). Сохранившаяся до наших дней постройка возведена на месте этой церкви в 1762–1781 гг. архитектором К.И. Бланком (Рождественка, 15). На противоположной (восточной) стороне улицы с XVI в. существовал Варсонофьевский "убогий" монастырь (№ 10), в котором хоронили тела неизвестных людей, подобранных на улицах. Во время польской интервенции по приказу Лжедмитрия I здесь были похоронены тела царя Бориса Годунова, его жены и сына, позже вывезенные в Троице-Сергиев монастырь. Помимо двух монастырей на Рождественке между современной Пушечной улицей и Кузнецким мостом размещалось подворье Суздальского архиерея.

Между Рождественкой и рекой Неглинной располагался уже упомянутый Пушечный двор (№ 97). На юге он доходил до современного проспекта Маркса, на севере — до Пушечной улицы.

Следующая к востоку радиальная улица Белого города, нанесенная на Московском плане под буквой *O*, — Сретенка (современная ул. Дзержинского). Это одна из древнейших улиц Москвы. По преданию, где-то здесь располагалось село полулегендарного боярина Кучки и "Кучково поле". Улица оформилась в конце XV в. в урочище Лубянка вдоль пути из Киева и Смоленска во Владимир на Клязьме, Ростов Великий и другие города, а с 1553 г., когда был открыт путь в Западную Европу через Белое море, по этой улице прошла главная торговая дорога. По этой дороге во время нашествия Тамерлана в 1395 г. пронесли из Владимира в Кремль икону Владимирской богородицы, которая ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее. Москвичи встретили икону на месте теперешних Сретенских ворот, где и была поставлена церковь Сретения, потом Сретенский монастырь (1397 г.), обозначенный на плане под № 3. По монастырю и улица получила название Сретенки. Постройки монастыря частично разобраны в 1930-х годах. Сохранился собор Владимирской богородицы 1679, 1706 гг., в интерьере фрески XVII в. (ул. Дзержинского, 19), вблизи собора палаты XVII в. (дом № 17). В XVI — начале XVIII в. улица имела торговый характер, на ней стояли лавки, шалаши, кузницы и пр., особенно многочисленные у Сретенских ворот. Только в 1710 г. от ворот были выведены на современную Сретенку мясные ряды. В XVIII в. на улице появились дворы знати. Здесь поселились князья Голицыны, Волконские, Хованские, Хилковы и другие. Среди их владений оставалось много мелких дворов купцов, имевших на Сретенке различные лавки. На южном углу Фуркасовского переуллка в XVIII в. стояли дворы притча церкви Введения богородицы, что на Сретенке (№ 71 в экспликации, но на плане показана неясно).

Далее к востоку шла Мясницкая улица (*P*) Белого города (современная ул. Кирова), которая возникла в конце XV в. В XVI в. улица заселялась торговцами, в том числе мясниками, откуда она и получи-

ла свое название. В XVII—XVIII вв. улица до Мясницких ворот (№ 111) Белого города была застроена дворами духовенства и дворянства, а также церковными домами и монастырскими подворьями. На Московском плане в частности изображены Рязанское (№ 15), Вятское (№ 16), Псковское (№ 17) и Коломенское (№ 18) подворья. При Петре I в Рязанском подворье находилась Тайная канцелярия. Впоследствии подворье было отдано грузинскому царю Вахтангу для временного проживания. При Екатерине II Рязанское подворье занимала Тайная экспедиция, в которой допрашивали Е.И. Пугачева и Н.И. Новикова. Помимо подворий показаны церкви "Мученика Евпла" (№ 73) и "Флора и Лавра, что у Мясницких ворот" (№ 74). Интересно отметить, что по названиям этих церквей соответствующие участки Мясницкой улицы назывались "Евпловкой" и "Фроловкой". Церковь Евпла, построенная в 1471 г., просуществовала до 1926 г., а церковь Фрола и Лавра (1547 г.) была разобрана в 1934 г.

Улица Покровка (на плане Q) Белого города (современная ул. Богдана Хмельницкого) возникла в XV в. вдоль дороги из Кремля в Красное село и Черкизово. Свое название получила в XVI в. по церкви "Покрова в садах" (на плане "Покров богородицы на Покровке" № 83). Церковь известна с 1488 г., разобрана в 1777 г. В начале улицы показана церковь Николы в Ближних ("Николы, что в Ближних", № 77), здание которой сохранилось до наших дней. Название церкви говорит о том, что в округе жили мастера, выпекавшие блины, весьма популярные у московских жителей. Рядом в переулке изображена еще одна церковь "Спас в Глинищах" (№ 84), впервые упоминаемая в 1460 г. Сама церковь не сохранилась, но в память о ней существует переулок Спасоглинищевский. Приблизительно посередине улицы нанесена церковь "Козмы и Дамиана, что на Покровке" (№ 82), новое здание которой, построенное в 1793 г. М.Ф. Казаковым, стоит здесь и поныне.

В конце XVII — начале XVIII в. на Покровке располагались дворы знати, торговые ряды и харчевые лавки. До Петра I все цари использовали улицу для проезда к берегам реки Яузы в Покровское (Рубцово), в Измайлово и в Преображенский дворец. По улице проходило оживленное движение в дворцовую Огородную, Казенную, Басманную и другие слободы. Только Петр I с конца XVII в. стал ездить в Кремль не по этой улице, а по Мясницкой.

Последняя большая улица Белого города Яусская, отмеченная на Московском плане и в его экспликации буквой R. В XVIII в. это была улица, связывавшая центр Москвы с Заяузем. Теперь это две улицы — Солянка и Яузская. Улица Яусская известна с глубокой древности. По ней в 1380 г. проезжал Дмитрий Донской с войсками на Куликово поле и возвращался по ней с победой. Наиболее важным учреждением улицы был "Рыбный Соляной двор" (№ 102), представлявший собой амбар, в котором хранилась соль. Соляная торговля была царской монополией. Все добывавшие соль обязаны были сдавать ее в казну, а все

мелкие торговцы солью должны были покупать ее из амбаров Соляного двора и продавать по установленной цене. Только в 1733 г. была разрешена вольная торговля солью в розницу. В XVIII в. по Соляному двору название Солянка носил Большой Ивановский переулочек, а позже оно перешло на северную часть Яузской улицы. Западная сторона улицы долгое время носила название "Васильевский луг", который, судя по летописям, здесь действительно был со времен Ивана III. В XVII в. луг частично застроен, но его название сохранилось в нанесенном на плане под № 103 "Васильевском саде". По луку протекал приток Москвы-реки — ручей Рачка, на котором, вероятно, стояли бани ("мыленки"), что запечатлелось в названии церкви "Николая в Мыленках" (№ 94).

Завершая рассмотрение изображения Белого города на Московском плане, отметим, что в пределах этого региона Москвы указаны 11 монастырей, 7 монастырских подворий, 76 приходских церквей; дом царевны Екатерины Ивановны (между Волхонкой и Лебяжьим переулком); дом бывшего генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, где размещалась Главная аптека (Моховая, 9 на месте здания университета); Пушечный двор (между проспектом Маркса, Рождественской, Пушечной и Неглинной улицами); Ветошные ряды (на месте современной площади 50-летия Октября, против гостиницы "Москва"); Охотный ряд (на современной Советской площади). Однако расположение Охотного ряда дано не совсем верно, так как на этом месте размещалась лишь его часть, а весь ряд протягивался до современной площади 50-летия Октября. Далее нанесены: Петровский питейный двор (в юго-западном углу современного сквера перед Большим театром); Западный колымажный двор (на Волхонке, на месте Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина); Рыбный соляной двор (на Солянке, угол Ивановского переулка); Васильевский сад (на набережной Москвы-реки между Солянкой и стеной Китай-города).

Между рекой Неглинной и Моховой улицей изображена обширная площадь от современной улицы Фрунзе до улицы Герцена с разбросанными на ней мелкими строениями. Мелкие здания показаны также на месте проспекта Маркса и площади Свердлова. Между улицами Герцена и Горького нанесены пять небольших строительных кварталов или "рядов".

Отличия первого плана Москвы, основанного на съемках, от чертежей XVII в., помимо вызванных развитием территории города и более совершенной картографической техникой XVIII в., состоят в том, что кривые и разной ширины улицы и переулочки Белого города показаны на Московском плане прямыми, что в то время могло быть только проектом.

Земляной город опоясывал центральную часть столицы между современным Садовым и Бульварным кольцом, включая часть Замоскворечья. Свое название получил от Земляного вала — системы оборо-

нительных сооружений, возведенных в конце XVI в. Первоначально укрепления представляли собой "острог" — деревянную стену из вбитых в землю толстых бревен и деревянные башни. На планах XVII в. таких башен было изображено от 52 до 58, 12 из которых были с воротами. Эти укрепления именовались Деревянными городом или Скородомом (из-за быстроты строительства). "Острог" полностью сгорел в 1611 г. и был восстановлен лишь в 1659 г. на насыпном Земляном валу, около которого был вырыт ров. Земляные укрепления оставались в течение всего периода основными. Отсюда произошло название Земляного города. В начальный период создания Московского плана Земляной вал был таможенной границей Москвы, перед его воротами возникали рынки. В конце XVII в. южная часть Земляного вала была укреплена земляными бастионами, четко отображенными на плане.

В этот же период были построены три каменные башни города — Сухарева, Калужская и Серпуховская, из которых на Московском плане показана лишь Сухарева башня. В XVIII в. Земляной вал утратил оборонительное значение и в 1816—1830 гг. был срыт. Возникшая на его месте широкая кольцевая улица была частично занята садами, откуда название современного Садового кольца.

С XIV в. территория Земляного города была занята слободами: в Замоскворечье, главным образом, стрелецкими; вокруг монастырей — монастырскими; в западной части Земляного города и в северной части Замоскворечья — дворцовыми; в северной и восточной частях — так называемыми, черными (ремесленниками и торговцами). В период создания Московского плана слободской уклад начал сменяться обычным городским благодаря активному заселению Замоскворечья и Заязья купцами, района улиц Остоженская (*T* на плане), Пречистенской и Зубова (*U* — современная Кропоткинская), Поварской (*W* — современная Воровского) — дворянами. И все-таки в то время в Земляном городе оставалось еще много тяглых дворов, требовавших большого количества проезжих переулков. Поэтому, хотя площадь Земляного города лишь втрое больше площади Белого города, переулков в нем было почти в четыре раза больше, что отражено на плане, где показаны все ныне существующие радиальные улицы и 416 других улиц и переулков. До сих пор сильная изрезанность переулками наблюдается в районе Сретенки. Как и в Белом городе, улицы и переулки Земляного города изображены на плане в виде прямых и параллельных линий, что в то время было только проектом.

Сравнение Московского печатного плана 1741 г. с планами XVII в. наглядно показывает, что в конце XVII — начале XVIII в. шел довольно интенсивный процесс застройки обширной территории за стеной Белого города и Земляного вала. Полностью застроенный плацдарм показан лишь на западе. В районе между Дмитровкой и Петровкой долгое время на плацдарме была Сенная площадь, а затем Нарышкинский

сквер. Эта часть плацдарма так и осталась незастроенной, а улица Петровка от Каретного ряда доходит лишь до него. Северная часть за Белым городом показана к 1739 г. только частично застроенной. Между Петровкой и рекой Неглинной примыкающая к реке половина плацдарма, простиравшегося до нынешнего 1-го Колобовского переулка, показана незастроенной вовсе. Также не застроена половина района между рекой Неглинной и Сретенкой, простиравшегося до нынешнего Печатникова переулка. Слабо застроенной показана территория между Сретенкой и Мясницкой улицами, а также между последней и Большим Харитоньевским переулком. От Б. Харитоньевского до Мыльниковых переулка (ныне ул. Жуковского) изображено совсем незастроенное пространство, на котором лишь кое-где размещались лавки лесного ряда. Между Покровскими воротами и Воронцовым полем (ул. Обуха) плацдарм, судя по плану, был целиком застроен, а дальше — до Москвы-реки постройки располагались редко и хаотически.

На Московском плане четко и наглядно показана граница Земляного города — оборонительный земляной вал, проходивший по трассе современного Садового кольца и имевший против главных радиальных улиц разрывы (ворота). В южной половине Земляного города на плане между современными Зубовской, Добрынинской площадями и рекой Яузой, у Высоко-Яузского моста, на валу показаны 19 выступавших за его линию бастионов. Вдоль всего вала с обеих его сторон проезды: внутренние — узкие, внешние — широкие, переходящие кое-где в площади. Одна из таких площадей показана между Кудринской (пл. Восстания) и Триумфальной (пл. Маяковского) площадями. Другая площадь — между Таганскими воротами и рекой Москвой. Третья — к востоку от реки Москвы, по обе стороны современного Крымского вала.

Главные улицы Земляного города на плане обозначены буквами латинского алфавита по ходу стрелки часов (с запада на восток) от *T* до *Z*, а затем снова буквами от *A* до *Q* (см. приложение).

В юго-западной части Земляного города (рис. 20) отмечена буквой *T* улица Остоженская. Остожьем назывались в старину покосы, располагавшиеся вблизи Москвы-реки, откуда и произошло название улицы. В XVII—XVIII вв. бытовало также название Стоженка. В XIV в. в районе улицы были дворцовое село Семьинское и Алексеевский женский монастырь, на месте которого в 1584 г. царь Федор Иванович и его жена царица Ирина, тяготевшие бездетностью, основали Зачатьевский женский монастырь (№ 1). В 1930-х годах постройки Зачатьевского монастыря были частично разобраны. Сохранилась надвратная церковь Спаса (конца XVII в.) и фрагменты стен. В конце улицы на плане нанесен "Конюшенной остоженной двор" (№ 108), представлявший собой главные царские конюшни. Двор играл значительную роль в жизни Остоженки, так как на ней с XVII в. обосновались многочисленные конюхи. В середине улицы находилась старая Конюшен-



ная слобода, по которой близлежащий переулок до сих пор называется Староконюшенным. В конце улицы, у самого Конюшенного двора, была Стадная слобода, в которой жили "стадные конюхи", отсюда Стадная улица — ныне современный Кропоткинский переулок.

К юго-западу от Остоженки обозначена под буквой *U* улица "Пречистенская и Зубова" (современная Кропоткинская), являвшаяся продолжением Пречистенской улицы Белого города. Странное, на первый взгляд, дополнение в названии улицы "и Зубова" объясняется тем, что в конце улицы у нынешнего Кропоткинского переулочка размещалась стрелецкая слобода полковника И. Зубова, поэтому местность называлась "в Зубове". На Пречистенской, так же как на Остоженской, с XVI в. селились царские скорняки и конюхи. Район их поселения в конце XVII — начале XVIII в. назывался Старой Конюшенной слободой. В слободе имелся целый ряд приходских церквей, которые нанесены на плане. Две из них (№ 14 и 4) сохранились до наших дней. Это церкви "Власия Чудотворца" XVII — начала XIX в. (ул. Рылеева, 20) и "Пророка Или Объденного" (Объденного) XVIII—XIX вв. (2-й Обьдинский пер., 6). В XVII в. в начале Пречистенской были дворы знати, из которых до сих пор сохранились палаты бояр Голицыных и Римских-Корсаковых (Кропоткинская, д. 1/2 и 3).

Севернее Пречистенской и приблизительно параллельно ей на Московском плане нанесена улица, обозначенная буквой *V*. В экспликации название этой улицы пропущено, но имеется в виду, безусловно, Арбат. Подтверждением этому, в частности, служит размещение знака церкви "Троицы, что на Арбате" (№ 18). В XVII — начале XVIII в. на Арбате жили стрельцы и различные ремесленники. Почва для земледелия была здесь неподходящей, что нашло отражение в названии церкви "Никола на Песках" (№ 20). Вдоль Арбата раскинулись слободы мастеровых людей: дворцовых плотников с церковью "Никола, что в Плотниках" (№ 17) — отсюда название и современного Плотникова переулочка; мастеров серебряного дела — Серебряный переулок; Денежного двора — Денежный переулок (теперь ул. Веснина). В XVIII в. на улице начали селиться представители крупной знати. Так, по данным историка градостроительства П.В. Сыгина, в 1716 г. в приходах трех церквей ("Никола Явленского" № 19, "Никола, что в Плотниках" и "Троицы, что на Арбате") насчитывалось 216 дворов, среди которых 7 загородных дворов принадлежали крупной знати, 13 — стольникам, 5 — другим придворным чинам, 50 — дьякам, подьячим и другим горожанам [23, с. 283].

Слободы мастеровых людей размещались и севернее Арбата, что отразилось на названиях улиц и переулочков. Название следующей магистральной улицы Поварской — *W* (современная ул. Воровского) произошло от находившейся на ней в XVII в. дворцовой слободы, в

которой проживали царские повара. Рядом жили пекари — Хлебный переулочек, скатерники — Скатерный переулочек и другие прислужники царского стола — Столовый переулочек. В конце улицы, в нынешнем Трубниковском переулочке и южнее, жили "трубники" — печники и трубочисты дворян. С XVIII в., когда после перенесения столицы в Петербург Поварская слобода была упразднена, значительную часть ее дворов захватила знать. Поварская с того времени стала одной из аристократических улиц города. В начале XVIII в. на Поварской улице стояли дворы Натальи Алексеевны (сестры Петра I), князей Волконских, Голицыных, Шаховских и других.

Нанесенная на плане (№ 23) церковь Симеона Столпника (1676—1679 гг.) сохранилась. Ныне здесь помещается Выставочный зал Всероссийского общества охраны природы. Две другие церкви (№ 25 и 26) не сохранились. На месте церкви "Бориса и Глеба, что на Поварской" (№ 26) построен Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных.

К северу от Поварской улицы на плане буквой X отмечена Никитская (Большая Никитская — современная ул. Герцена). В XVII—XVIII вв. Никитская, служившая продолжением одноименной улицы Белого города, называлась в Земляном городе также Царицыной улицей — по двору Натальи Нарышкиной (матери Петра I), находившемуся в Столовом переулочке. Против двора Нарышкиной в 1685 г. была построена церковь "Вознесение господне на Никитской" (№ 29). Севернее Большой Никитской нанесена не имеющая названия в экспликации улица Малая Никитская (современная ул. Качалова). В XVII в. на этой улице стояли "загородные дворы" московских дворян, а за ними шло "всполье", о чем напоминают названия церкви "Георгия, что на Всполье" (№ 30) и Вспольный переулочек. Сейчас на месте церкви Всеобщий дом звукозаписи.

Следующая большая улица, обозначенная на плане буквой Y, — Тверская (ул. Горького) — является продолжением одноименной улицы Белого города. На этом участке Тверской, так же как и ближе к центру, уже в XVII в. селились представители московской знати. Так, на месте усадьбы Мисюря в 1657 г. находился обширный двор с садом князя Никиты Ивановича Одоевского. Севернее его, через переулочек, — двор окольничьего Родиона Матвеевича Стрешнева. Еще дальше к северу стояли дворы Стрелецкой слободы с церковью "Благовещения богородицы, что на Тверской" (№ 36).

Улица Дмитревская (Z) Земляного города показана на Московском плане проходящей в полном соответствии с действительностью почти строго на север (см. рис. 20). В настоящее время это улица Чехова, а в период составления плана она имела название Малой Дмитровки. Судя по плану, улица в 30-х годах XVIII в. имела те же переулочки, что и сейчас. В сторону Петровки проходил лишь Успенский переулочек, называвшийся так по церкви "Успения богородицы, что на Дмит-

ревке" (№ 39). В направлении Тверской показаны четыре переуллка. Название переуллка Воротниковский напоминает нам о том, что здесь с 1494 г. стоял поселок воротников, — сторожей при воротах Кремля и Китай-города. В Дегтярном переуллке при Петре I был государев Дегтярный двор. Пименовский (Старопименовский) переуллок назывался по церкви "Пимена чудотворца, что на Тверской" (№ 37).

В начале Дмитровской улицы на плане показана церковь Рождества богородицы в Путинках (№ 38) — замечательный памятник архитектуры 1649—1652 гг., сохранившийся до настоящего времени.

Следующая к востоку большая улица Земляного города — Петровская (А). В период составления плана улица имела также название Каретный ряд, сохранившееся за ней до сих пор. В начале улицы за Петровскими воротами издавна находился Тележный ряд, специализировавшийся на изготовлении и продаже телег, возков и пр. В XVIII в. появился Каретный ряд, в котором было освоено производство пользовавшихся спросом знати карет и колясок. Улица Петровка за Петровскими воротами окончательно сформировалась в начале XVIII в., хотя еще в XVI—XVII вв. здесь проходила дорога от Высокопетровского монастыря к Убогому дому, стоявшему на углу современной площади Коммуны и Самарского переуллка. В XVIII в. Петровка была аристократической частью города. Здесь стояли загородные дворы губернатора Москвы при Петре I М.Г. Ромодановского, сибирского воеводы М.П. Гагарина, князей И.И. Щербатова и В.А. Мещерского, дьяка А.В. Герасимова и других. На месте нынешнего сада "Эрмитаж" находился загородный двор "светлейшей княгини" Д. Меншиковой. На углу Страстного бульвара и Петровки был дом князей Гагариных.

На месте современного Цветного бульвара на Московском плане показана запруда на реке Неглинной, образовавшаяся здесь после постройки плотины у стен Белого города еще в XVII в. Течение реки медленное, чуть заметное, поэтому ее шуточно называли "Самотекой". Восточный берег запруды показан почти не застроенным до современной Трубной улицы. В XVIII в. здесь, по-видимому, функционировал привозной рынок дров. Над площадью на высоком холме стояла церковь (в старину монастырь) "Николы, что в Грачах" (№ 43), или "в Драчах". По преданию, здесь еще в XVI в. была слобода мастеров, дравших (очищавших) пшено, а в XVII в. — ремесленников, изготовлявших "грачи" — особые снаряды, которыми стреляли при наступлении конницы.

Далее к востоку большая улица Земляного города (рис. 21) Сретенка (В) служила продолжением улицы Сретенки Белого города. До сих пор сохранила она свое старое название. В начале улицы, близ Сретенских ворот, с конца XVI в. размещалась дворцовая Печатная слобода, в которой жили печатники — мастера Печатного двора. Наличие слободы отразилось в названии церкви "Успения богородицы, что в Пе-



чатниках” (на плане № 45). Здание церкви с более поздними пристройками сохранилось до сих пор.

В центре Сретенки и примыкавших к ней переулках была расположена обширная Пушкарская слобода, населенная пушкарями (артиллеристами). На плане показаны две церкви, находившиеся в этой слободе, — ”Сергия, что в Пушкарях” (№ 42) и ”Спаса, что в Пушкарях” (№ 46). По расстоянию между этими церквями можно в какой-то степени судить о значительных размерах территории, заселенной пушкарями. По Сретенке при царе Алексее Михайловиче были поставлены также дворы стрельцов, построивших церкви ”Панкратия чудотворца” (№ 47) и ”Троицы, что на Сретенке” (№ 44). Последняя известна также под названием ”Троицы в Листах”. Ее здание стоит и поныне в глубине двора (дома № 27—29). Название ”в Листах” объясняется тем, что жившие вблизи печатники в XVII—XVIII вв. кустарным способом изготавливали лубочные картинки, которые, как и гравюры, назывались тогда ”листами”. Продавали они эти листы у церкви Троицы, увеличивая ее ограду своими произведениями. В конце Сретенки на Московском плане нанесена Сухарева башня. Заметим, что ей присвоен № 113, вероятно, для того, чтобы поместить название башни в экспликации среди других ”знатных мест”. Однако, при оформлении плана геодезисты надписали название своей *Alma Mater* непосредственно на плане, не помещая его в экспликации. Сухарева башня как парадные ворота Москвы на дороге от Белого моря была построена в 1692—1695 гг. и затем в 1698—1701 гг. надстроена для размещения в ней школы навигацких и математических наук и обсерватории. Название ее происходит от находившейся неподалеку стрелецкой слободы полковника Л.П. Сухарева. В 1934 г. Сухарева башня была разобрана, а в настоящее время общественность Москвы активно выступает за воссоздание этого замечательного памятника архитектуры, истории отечественного флота, науки и техники.

Обозначенная буквой *C* далее к юго-востоку идет улица Мясницкая (современная ул. Кирова), являющаяся продолжением Мясницкой улицы Белого города. В XVI—XVII вв. по улице располагались слободы огородников и мясников. В слободе мясников стояла церковь ”Никола в Мясниках” (на плане № 49 — ”Никола, что на Мясницкой”), снесенная в 1928 г.

К югу от Мясницкой на плане под буквой *D* нанесена продолжающая одноименную улицу Белого города Покровка (современная улица Чернышевского). Она проходила в XVI—XVII вв. между Огородной слободой с левой стороны и Барашевской Садовой и Казенной слободой — с правой. Это были дворцовые слободы. Огородная и Садовая поставляли на царский стол овощи и фрукты, а Барашевская была населена ”барашами” — царскими слугами, которые во время походов



отвечали за перевозку и установку царских шатров. Казенная слобода хранила различное царское имущество. Названия слобод зафиксированы и в наименованиях церквей, нанесенных на план. Так, в Барашевской слободе стояли церкви "Введения в Барашах" (№ 53) и "Воскресения в Барашах" (№ 52). Интересно отметить, что церковь "Воскресения в Барашах" была сооружена в 1732–1734 гг., т.е. непосредственно в период создания Московского плана. Она сохранилась до наших дней (ул. Чернышевского, 26). Церковь "Харитона Исповедника в Огородниках" (№ 51) дает нам представление о положении Огородной слободы. До сих пор сохранилась колокольня церкви Иоанна Предтечи в Казенной слободе (№ 54).

В XVIII в. на Покровке находились дворы вельмож, врачей, архитекторов, аптекарей, среди которых было много иностранцев.

На территории между Москвой-рекой и Яузой показана сеть улиц, главными из которых выделены Семеновка (Е), "На Вшивой горке" (F) и "Гончары" (G). Это обширный район, до сих пор в просторечье носит название "Таганка". Это название идет от XVII в., когда по Таганской (Семеновской) улице была расположена Таганская ремесленная слобода, жители которой изготавливали "таганы" — железные треножники с кругом наверху, на которые стрельцы во время походов ставили железные котлы для варки пищи. В названии Семеновской улицы отразился тот факт, что в начале ее по берегу Яузы в XVII в. размещалась Семеновская черная слобода ремесленников, торговцев и пахарей. Южнее располагались Кузнецкая и Гончарная слободы, последняя из которых дала название району и соответствующей улице на Московском плане (рис. 22). Расположение двух церквей — "Воскресения в Гончарах" (№ 70) и "Введение в Гончарах" (№ 71) создает некоторое представление о территории слободы. Вдоль реки Москвы протягивалась в XVII в. небольшая слобода "котельников" — кузнецов, изготавливавших котлы. Ко времени составления Московского плана здесь котельников уже не было, но название их слободы сохранилось в наименовании церкви "Николы, что в Котельниках" (№ 66), откуда и произошло современное название Котельнической набережной. На плане можно увидеть почти все современные переулки, спускающиеся на набережную с холма. Строительные кварталы доходят почти до самой Москвы-реки и только в середине набережной несколько отступают от нее. На высоком берегу Москвы-реки показана церковь "Покрова богородицы, что на Горке" (№ 63). Южнее на той же "Горке" видна церковь "Спаса в Чигасах" (№ 69), получившая название по прозвищу игумена Чигаса, управлявшего существовавшим здесь до 1547 г. монастырем.

В Замоскворечье (см. рис. 22) обозначение улиц на Московском

плане против часовой стрелки (с запада на восток). И мы рассмотрим их в таком же порядке.

Первыми улицами, отмеченными на Московском плане, в западной части Замоскворечья являются Большая (Н) и Малая (Л) Якиманка. На месте улицы в XIV—XV вв. пролегла дорога из Москвы в Калугу и первоначально улица называлась Калужской. С начала XVIII в. она получила название Большая Якиманка (современная ул. Димитрова) по названию несохранившейся церкви "Иоакима и Анны" (№ 103). До настоящего времени сохранилась церковь "Иоанна Воина", построенная в 1709—1713 гг. (на плане церковь "Иоанна Воинственника" № 99). Улица начиналась у болота — продолговатого озерка на месте старого русла реки Москвы. На плане старица отделяет начало улицы от Каменномостского питейного двора (№ 106). Казенный питейный двор был выстроен в начале XVIII в., где в бочках хранилось казенное вино, которое отпускали ведрами по кабакам. В 1737—1745 гг. двор был уже в руках у "компанейщиков" (откупщиков). На плане двор показан в виде неправильного четырехугольника, по всем сторонам которого стояли амбары, вероятно, деревянные. Берег реки Москвы у Берсеневской набережной в 1737—1745 гг. был укреплен "обрубамн" (деревом). Набережная представляла собой проезжую улицу шириной от 4 до 11 сажен.

По левой стороне Якиманской улицы лежала обширная Кадашевская слобода, населенная в XV—XVI вв. дворцовыми бондарями, изготовлявшими "кади" (кадушки). Отсюда слобода и получила свое название, вошедшее, в свою очередь, составной частью в название церкви "Космы и Дамиана в Кадашеве" (№ 104). По правой стороне улицы в ее начале размещалась Голутвина слобода — подворье Коломнинского Голутвина монастыря, обросшее поселениями ремесленников. На Московском плане показана слободская церковь "Николы в Голутвине" (№ 102).

По названию церкви "Космы и Дамиана в Кадашеве" в XVII—XVIII вв. именовалась следующая к востоку улица Замоскворечья, нанесенная на Московском плане — Козмадемьянская (К). Современное название улица Большая Полянка получила в конце XVIII в. по находившемуся у ее начала "всполью" — краю полей. Слобода "кадашей", располагавшаяся в XV—XVI вв. в начале улицы по обеим ее сторонам, в XVII в. стала "хамовной" (ткацкой) слободой, располагавшейся, главным образом, в районе нынешних Кадашевских переулков. В XVII в. посреди нынешнего Старомонетного переулка стоял "Кадашевский хамовный двор", в конце века превращенный в Монетный двор (на плане "Монетный Кадашевский двор" № 109), где при Петре I находилась "навигацкая математическая школа" до перевода ее в 1701 г. в Сухареву башню. В XVIII в. на дворе было несколько фабрик, а в начале XIX в. он был снесен. В XVII в. на улице располагалась также Стрелецкая слобода с "красной" церковью "Григория Кесарийского

на Полянке" (№ 94). Это один из лучших памятников древнерусской архитектуры, сохранившихся до настоящего времени. Бывшая церковь ныне занята под производственные помещения художественного комбината, применяющего в своей работе химические препараты.

Восточнее Косьмодемьянской улицы на плане нанесена Ордынка (L) (современная Большая Ордынка). Улица возникла в XIV в. вдоль дороги в Золотую Орду. По ней селились "ордынцы" и русские дворцовые слуги, возившие в Орду грамоты от великого князя. О замученных в Орде черниговском князе Михаиле и его боярине Федоре напоминает и Черниговский переулок, названный по церкви "Черниговских чудотворцев на Пятницкой" (№ 86). В XVII в. на Ордынке жили стрельцы полка Пыжова, о чем напоминают названия Пыжовского переулка и церкви "Николы, что в Пыжове" (№ 89). Этот замечательный памятник русского зодчества, построенный около 1670 г., сохранился до нашего времени. Поньше стоит еще один памятник церковной архитектуры, отмеченный Московским планом под № 93 — церковь "Воскресения в Кадашеве" (2-й Кадашевский переулок, 7), построенная в 1657 г. на средства жителей Кадашевской слободы. Церковь перестроена в 1687—1713 гг.

Далее к востоку под буквой *M* нанесена улица Пятницкая. Название она получила от церкви "Параскевы Пятницы" (№ 77), стоявшей на месте нынешней станции метро "Новокузнецкая". В XVII в. на улице среди стрелецких слобод находилась слобода мастеров Монетного Кадашевского двора. После расформирования в 1699 г. Петром I стрелецкого войска дворы стрельцов были заняты "разных чинов людьми", главным образом купцами из Китай-города и многих торговых слобод. Из нанесенных на плане памятников архитектуры до сих пор сохранились церкви "Иоанна Предтечи под Бором" (№ 85), "Троицы, что в Вишнякове" (№ 83) и заново построенная в 1754—1774 гг. церковь "Климента папы Римского" (№ 87).

К востоку от Пятницкой показаны три относительно небольшие улицы — Кузнецкая *N*, Большие Лужники *O* и Татарская *P*. Достаточно протяженная улица Замоскворечья Нижние Садовники — *Q* (современная улица Осипенко) проходит параллельно Москве-реке. Названа она по дворцовой слободе царских садовников, обслуживавших плодовый "государев сад", устроенный по приказу Ивана III в 1495 г. на месте современной Болотной площади. Улица Нижние Садовники проходила по низкой пойме Москвы-реки, которая в XVI—XVIII вв. во время наводнений и больших дождей заливалась водой. Для отвода вод, образовавшихся "озерки" (отсюда Озерковская набережная и переулки), в сторону Москвы-реки были прокопаны небольшие рвы — "ровушки" или "ендовы", память о которых хранят названия Раушской набережной и церкви "Георгия в Ендовах" (№ 72). Церковь была построена в 1653 г. и сохранилась до наших дней. Помимо церкви Георгия план показывает на берегу реки еще три церкви — "Николы Заяц-



кого" (№ 73), "Космы и Дамиана в Садовниках" (№ 74) и "Николы на Пупышах" (№ 75). Название "на Пупышах" показывает, что местность, где располагалась церковь, была неровной, покрытой "пупышами" — кочками — от постоянных наводнений. На Московском плане по улице Нижние Садовники видны три сквозных переулка от Москвы-реки, на которых стояли перечисленные церкви. К югу от последнего переулка показана болотистая местность, доходившая до Татарской улицы в Замоскворечье, а ближе к Земляному валу нанесены два озера.

Кроме монастырей Зачатьевского и Страстного, на плане 1741 г. изображены в Земляном городе 103 церкви и следующие "публичные строения и другие знатные места": Каменноостровский питейный двор у Каменного моста (на современной улице Серафимовича); Царицын луг (на месте Болотной площади); Конюшенный Остоженный двор (в конце улицы Остоженки); Монетный Кадашевский двор (в Старомонетном переулке); Суконный двор (на Софийской набережной); Полковой Артиллерийский двор (на современной Колхозной площади напротив Института скорой помощи им. Склифасовского); Житный двор (на Житной улице); Сухарева башня — на площади между Сретенкой и Первой Мещанской улицей.

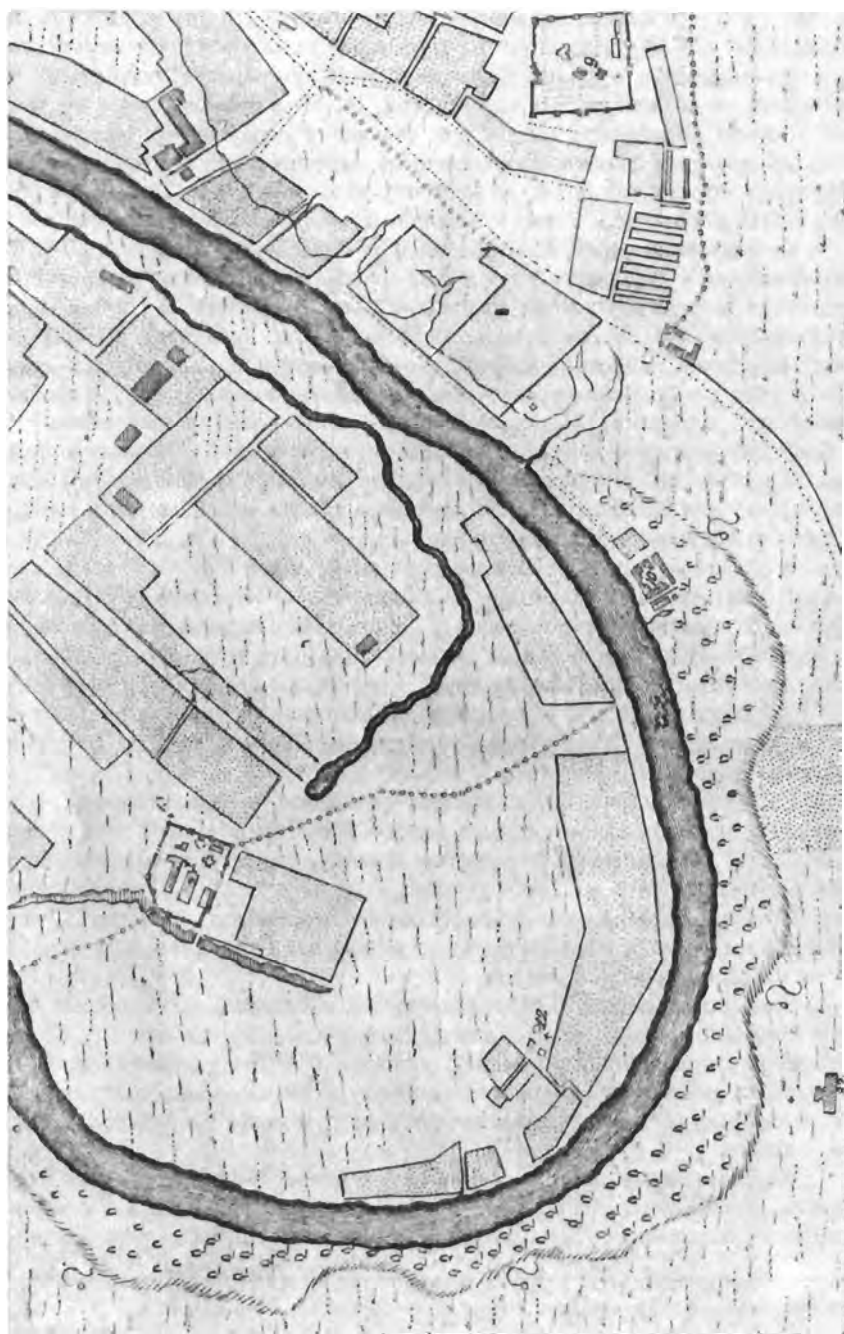
В западной части Земляного города на плане 1741 г., между стенами Зачатьевского монастыря и современным Курсовым переулком, показана незастроенная площадь; небольшие площади изображены и вокруг большинства церквей. На месте Цветного бульвара — длинный почти на всем его протяжении пруд; к западу от него, до современного Б. Каретного переулка, — площадь, на которой в направлении с севера на юг размещены четыре каких-то строения. К востоку от пруда строительные кварталы.

На месте будущего Водоотливного канала в Замоскворечье (см. рис. 22) изображены отдельные озера и протоки. Между этими протоками и Москвой-рекой имеются большие незастроенные площади: от Крымского вала до 1-го Голутвинского переулка; Болотная — между улицей Серафимовича и Фалеевским переулком; площадь между Озерковским и Б. Татарским переулками и между Зверевым переулком и Краснохолмской улицей.

Рассматривая план 1741 г., нетрудно убедиться, что в общих чертах Земляной город так же, как Белый и Китай-город, имел ту планировку, которая дошла до нашего времени. 250 лет не изменили общего характера их территориальной структуры, коснувшись лишь отдельных частей и замены крепостных сооружений бульварами, садами и улицами.

За Земляным городом. Впервые на плане 1741 г. показана местность за Земляным городом и Компанейским валом. В этом районе в целом отражены те же главные радиальные и второстепенные улицы

Рис. 23. За Земляным городом. Южная часть (фрагмент плана)



и переулки, которые существуют и в настоящее время. Но малых улиц и переулков меньше, чем сейчас, так как в этой части Москвы к 1739 г. значительные площади еще занимали поля и другие незастроенные пространства.

В Замоскворечье (рис. 23), между Москвой-рекой и современными Дубининской улицей и Жуковым проездом, на плане 1741 г. показаны строительные кварталы (Кожевники и др.). Южнее этого района — от Дубининской улицы до реки Москвы — заболоченное пространство с четырьмя постройками у реки. Вдоль самой Дубининской улицы намечен строительный квартал с пятью зданиями. От Жукова проезда до современного здания Павелецкого вокзала на месте подъездных железнодорожных путей изображен ручеек, впадающий в озерко, располагавшееся на месте окончания нынешней улицы Осипенко. К западу от ручья — пашня, доходившая до Земляного вала у Серпуховских ворот.

От Земляного вала до Арсеньевского переуллка, по обеим сторонам Большой и Малой Серпуховских улиц, показаны кварталы, а южнее Арсеньевского переуллка — пахотное поле, доходившее до самого Серпуховского вала. Западнее дворов по Малой Серпуховской пашня простиралась от Серпуховского до Земляного вала, оканчиваясь в районе современной Мытной улицы, которой в то время еще не было. По обеим сторонам современных Шаболовки и Донской улиц на плане нанесены строительные кварталы, которые на юге доходили до обширного поля, часть которого занимал окруженный стенами Донской монастырь (№ 9, рис. 24). Малой Калужской улицы на плане нет, а Большая Калужская показана со строительными кварталами только до Ризположенского (современного Выставочного) переуллка. К югу от него расположена площадь, и лишь у Калужской заставы по обеим сторонам дороги снова появляются строительные кварталы. По берегу реки Москвы показаны четыре отдельных строительных квартала, а у Калужской заставы — овраг и маленький ручей, впадающий в реку.

За Калужской заставой (современная площадь Гагарина), среди садов, покрывавших весь берег реки Москвы по склону Воробьевых (современных Ленинских) гор до реки Сетуни, показан Андреевский монастырь со слободкой (№ 10), а на самих Воробьевых горах — здание Воробьевского дворца (№ 82, см. рис. 24).

В юго-западной излучине Москвы-реки, в Хамовниках, показан приток реки Москвы — Вавилон, начинавшийся на выгонной земле возле Новодевичьего монастыря (№ 1) и впадавший в Москву-реку против современной улицы Льва Толстого. Между Вавилоном и рекой Москвой изображена сырая незастроенная низина, и лишь у поворота притока с юго-востока на северо-восток — один строительный квар-

Рис. 24. За Земляным городом. Воробьевы горы и Новодевичий монастырь (фрагмент плана)



тал у реки. В центре незастроенной местности размещалось Девичье поле, начинавшееся в конце Zubовской улицы и оканчивавшееся у стен Новодевичьего монастыря (см. рис. 24).

Новодевичий монастырь (№ 1) был основан в 1524 г. великим князем Василием III в честь взятия Смоленска. В XVI — начале XVII в. в нем постригались в монахини женщины из царской фамилии и знатных боярских родов. Монастырь являлся важным звеном южного оборонительного пояса Москвы, который вместе с ним образовывали монастыри Донской (№ 9), Свято-Данилов (№ 8 — см. рис. 23), Симонов (№ 6) и др. В настоящее время на территории Новодевичьего монастыря филиал Государственного исторического музея. В архитектурном ансамбле сохранились стены конца XVII в. с 12 башнями, Собор иконы Смоленской Богоматери (1524—1525 гг.), фрески XVI—XVII вв., резной деревянный иконостас (1683—1685 гг.), палаты царицы Ирины с церковью "Св. Амвросия" (XVI—XVII вв.), трапезная с церковью "Успения" (1685—1687 гг.), шестиярусная колокольня высотой 72 м (1690 г.), кельи и стрелецкие караульни (XVI—XVII вв.).

На месте Новодевичьего кладбища и южнее его изображен строительный квартал, по западной стороне которого вдоль монастырской стены протекал небольшой приток реки Москвы, запруженный в двух местах. Улица Плющиха показана застроенной кварталами с обеих сторон только до Девичьего поля. Ее продолжала Саввинская улица (ныне Б. Саввинский переулок). Современная Погодинская улица составляла западную сторону Девичьего поля, а Большая Пироговская улица начиналась у современной Трубецкой улицы. Между Трубецкой и Zubовской улицами было Девичье поле.

За Новодевичьим монастырем до реки Москвы, на территории современного стадиона в Лужниках, показаны незастроенные пространства. Только у самого берега реки несколько застроенных участков и среди них церковь "Тихвинской богородицы в Малых Лужниках" (№ 12 — см. рис. 24).

В Дорогомилове (рис. 25) мелкие строительные кварталы, с церковью "Троицы" (№ 21) показаны лишь по обеим сторонам нынешней Б. Дорогомиловской улицы и от нее по Бережковской набережной (с церковью "Благовещения богородицы" № 18). Все остальное пространство как в пределах Дорогомиловского вала, так и за ним, было полем, по которому от Б. Дорогомиловской улицы тянулась дорога. По трассе этой дороги теперь проходит Можайское шоссе. Через Москву-реку обозначен деревянный мост.

В Новинском, между Земляным городом и рекой Москвой с одной стороны, Смоленской улицей и Баррикадной улицей — с другой, территория на плане показана застроенной мелкими и крупными кварталами за исключением берега реки и трех прилегающих к Новинско-

Рис. 25. За Земляным городом. Дорогомилово и Пресня (фрагмент плана)

му Пресненских прудов (см. рис. 25). На Пресне за этими прудами и еще одним прудом, до сих пор находящимися на территории Зоопарка, пространство между рекой Москвой и Нижней Пресненской (ныне Рочдельской) улицей было совершенно незастроенным. В западной части этого пустыря, возле современного Трехгорного вала, показано семь гор (условно рисунком холмов), от которых территория, лишённая застройки, простиралась и на север до Большой Пресненской улицы (ныне Красная Пресня). На месте современного Зоопарка расположен пруд, в который впадают три речки: Пресня — с запада, Кабаниха — с востока и Бубна — между ними. Местность между этими речками уже в то время называлась Грузинами и была беспорядочно застроена мелкими кварталами, от которых до современной 1-й Брестской улицы тянулись пашни и огороды, доходившие до Земляного вала.

Территории за Трехгорным, Пресненским и Грузинским валами показаны на плане 1741 г. совершенно не застроенными.

В Миусах (рис. 26) была застроена территория вдоль Тверской-Ямской (теперь улица Горького) и Новослободской улиц. Между ними располагались пашни. Восточнее Новослободской улицы — Сущево — было застроено до реки Неглинной, которая протекала по территории современной Новосущевской улицы и Самотечного переуллка. Во многих местах Неглинная была запружена.

На плане пруды реки Неглинной (рис. 27) показаны и на месте современного парка. С севера в них впадает река Напрудная с прудами на месте современного парка ЦДСА и тремя небольшими притоками, в одном из которых узнаваема река Капля, протекавшая у современного Капельского переуллка. Река Напрудная берет свое начало из большого пруда, расположенного на месте современного Рижского вокзала. Возле пруда изображена слобода с церковью "Трифона чудотворца" (№ 34) на современной Трифоновской улице. Территория между реками Неглинной и Напрудной в южной части застроена, а в северной — занята пашнями.

Между рекой Неглинной и Земляным валом (современными Садовой Каретной и Садовой Самотечной) нанесены мелкие кварталы с прудом у Садовой Самотечной улицы.

В районе современной Троицкой улицы, в Троицкой слободе, обозначено незастроенное поле, а пространство от слободы до 1-й Мещанской улицы в Мещанской слободе показано застроенным кварталами, пересекающимися под прямыми углами.

В верховьях реки Неглинной за Сущевским валом указан строительный квартал Бутырской слободы.

Между современными Грохольским и Переяславским Средним переулками на плане 1741 г. выделяется очень широкая 1-я Мещанская улица. Современная Б. Переяславская улица начиналась от поля, которое располагалось между Банным и Переяславским Средним переулками. В конце Б. Переяславской улицы располагалась Троицкая заста-

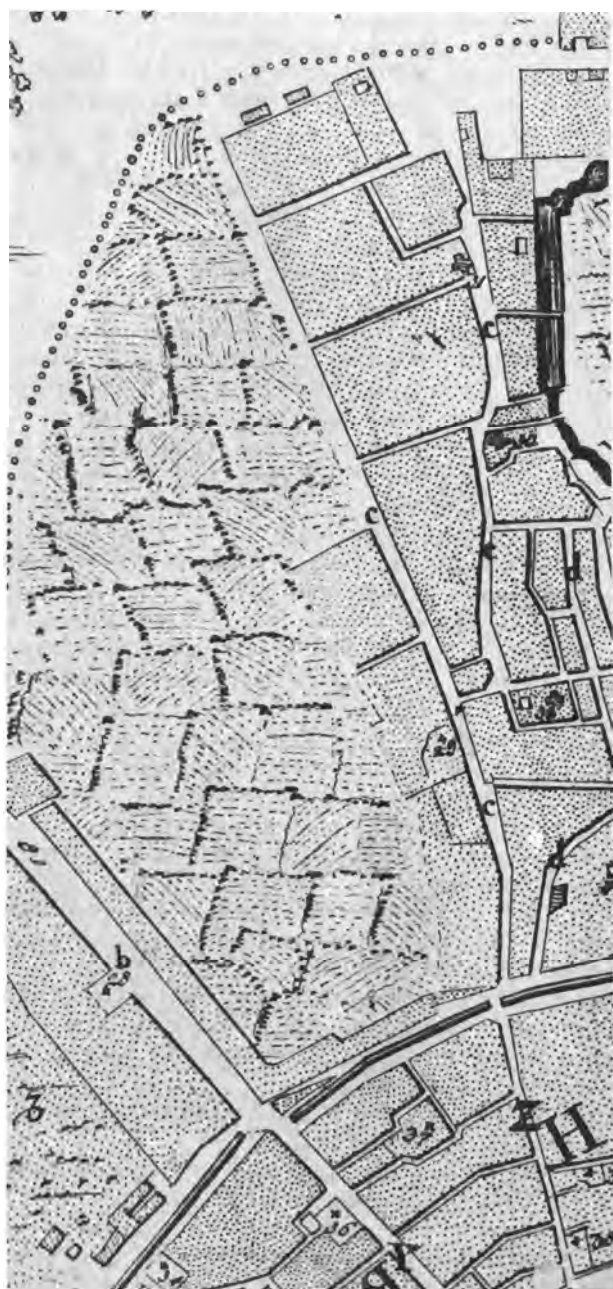


Рис. 26. Территория между улицами Тверской-Ямской и Сущева (фрагмент плана)



ва. От Грохольского до Банного переуллка, к востоку от 1-й Мещанской улицы, кварталы тянулись лентой лишь вдоль нее, а за ними простиралась обширная пашня, доходившая до Красного села (ныне Верхняя Красносельская улица) на востоке. Лишь между Грохольским переулком и Земляным валом размещались кварталы Спасской слободы с прудом Балканом (в районе современных Балканских переулков). У Красного села показан обширный Красный пруд, в который впадает небольшая речка с севера. Из южной части пруда вытекает река Чечора, образующая два небольших пруда. В Чечору с запада (у современной Бауманской площади) впадает ручей Ольховец, имеющий исток у Домниковской улицы, протекающий на восток и образующий пруд на месте современного Казанского вокзала.

К западу от Красного пруда, на месте современных Ярославского и Ленинградского вокзалов, прямоугольником показан "Артиллерийский полковой двор" (№ 76), где размещались завод, склад пушек и снарядов и несколько деревянных строений.

Между ручьем Ольховец, Садовой Черногрязской и Старой Басманной (современной ул. Карла Маркса) показана Басманная слобода. В этом районе наряду с обычными строительными кварталами (между ручьем Ольховец и Новой Басманной улицей до Басманного переуллка) на плане 1741 г., несомненно, показана новая запроектированная планировка кварталов – ряды одинаковых домов с дворами-садами, расположившихся вдоль улиц. Проектная планировка показана по Старой Басманной, Новой Басманной и Покровской (Бакунинской) улицам и отчасти по Садово-Черногрязской и Нижней Красносельской улицам. Как показывают исторические документы о постройках, такой застройки в то время здесь не было. Это дает возможность предположить, что на плане показана проектировавшаяся застройка. Эти улицы служили постоянным путем проезда Анны Ивановны и вельмож ее двора в Лефортово и Немецкую слободу. Поэтому, очевидно, в первую очередь предполагалось сделать их "аккуратными" и построить "порядочно".

Между Красным прудом и ручьем Ольховец на плане показано поле, по которому разбросано несколько отдельных строений. Севернее Красного пруда, в Красном селе, внутри квартала показаны один большой и четыре небольших дома, которые, вероятно, являются постройками Краснопрудного дворца. К северу от этого района до самого Сокольнического вала располагались пашни, по которым от Верхней Красносельской улицы проходила дорога на современное Ярославское шоссе.

За Красным селом по современной Краснопрудной улице показан Фуражный (или Житный) двор, в котором хранились запасы казенно-

Рис. 27. За Земляным городом. Северная часть – Бутырская слобода, Сущево, верховья реки Неглинной, Красный пруд (фрагмент плана)



го зерна. За ним с северо-запада на юго-восток текла в естественных берегах река Рыбинка (на ее месте сейчас Рыбинская улица). Она пересекала современное Русаковское шоссе, шла по Сокольническому полю (теперь здесь Сокольнические улицы) и впадала в реку Язу выше Покровского (ныне Рубцовского) моста. На реке Рыбинке показано три пруда.

Между современными Краснопрудной и Бакунинской улицами (рис. 28) и рекой Рыбинкой, за полосами строительных кварталов возле улиц, на плане показано большое незастроенное пространство, распланированное в виде парка. В конце его у слияния Рыбинки с Яззой нанесен царский Покровский дворец (№ 75), для которого, возможно, и планировался в это время здесь парк. К северу от реки Рыбинки показаны пашни, а за ними лес, через который проходили за город две дороги. У опушки леса под № 79 показан "Сокольнический двор" (недалеко от входа в современный Сокольнический парк культуры и отдыха), в котором в XVII в. содержались дрессированные для царской охоты соколы.

К северу от Стромьнки, на правом берегу реки Язузы у леса, на плане нанесены постройки Преображенского дворца (№ 73) с церковью посредине. На Язузе показана плотина, которая, возможно, служила и мостом через нее на Стромьнской дороге. К югу от дороги расположена парусная фабрика Петра I — Хамовный двор (№ 80), еще южнее — пять небольших кварталов, расположенных в шахматном порядке.

Немного выше устья Рыбинки, слева, в Язузу впадает река Хапилровка (на плане "Хотиловка"), текущая с востока. Севернее ее, в некотором удалении от Язузы, судя по всему на ее коренном берегу ("горе"), расположены четыре длинные улицы в направлении с севера на юг, застроенные небольшими домами. Северная часть этого квартала упирается в площадь, на которой против плотины реки Язузы показан "Съезжий двор", а к северу от него — еще четыре длинные улицы. Эта система улиц к северу от Язузы представляла "солдатские слободы" со светелками, в которых жили гвардейцы Преображенского полка. Солдатские слободы Семеновского полка показаны к югу от реки Хапилровки в виде пяти небольших параллельных улиц, протянувшихся до Б. Семеновской улицы. На северной стороне Б. Семеновской, неподалеку от деревянного моста через Язузу, изображен Семеновский дворец — "В Семеновской слободе дворец, что был дом Менишкова" (№ 74).

К югу от Большой Семеновской улицы, в пойме Язузы, показано обширное болото. Русло Язузы между болотом и рекой Синичкой раздваивалось, образуя длинный остров.

На левом берегу Язузы, южнее реки Синички, на плане показано

Рис. 28. За Земляным городом. Бассейн реки Язузы и солдатские слободы (фрагмент плана)



Лефортово (рис. 29). Военный "Гофшпиталь" (госпиталь), как и теперь, располагался на берегу Яузы. К востоку от него находилась солдатская слобода Лефортова полка. На плане она изображена в виде улицы со множеством переулков. Около госпиталя показан мост через Яузу (ныне Госпитальный мост). Южнее, посреди обширной площади, частично покрытой деревьями, изображен царский дворец — "Головинский дом" (№ 71). Его окружали сады. Один с востока — большой "регулярный сад" прямоугольной формы — Анненгофская роща, другой — на берегу Яузы. Река Яуза перед дворцом в саду показана искусственно канализованной на три русла с островами между ними. К югу от островов находился мост (современный Дворцовый).

На правом берегу Яузы изображен "Лефортовский дворец, что в Немецкой слободе" (№ 72), в зданиях которого в настоящее время размещен Центральный государственный военно-исторический архив (см. рис. 29).

Напротив села Семеновского, между кварталами по южной стороне Покровской (современной Бакунинской) улицы и рекой Яузой, показано заболоченное пространство без застройки, по которому недалеко от Покровской улицы проведена прямая большая улица (или дорога) без кварталов.

На плане не указана застройка у Покровской улицы между современным Гавриковым переулком и Бауманской улицей, а также — в пространстве от Госпитального моста до Лефортовского дворца. Немецкая (ныне Бауманская) улица нанесена с изображением кварталов по обеим ее сторонам, с переулками между ними и современной улицей Радио. Параллельно улице Радио с запада протекала река Чечора, несомненно впадавшая в Яузу, но на плане почему-то не показанная. На этом квартале отмечены сады с несколькими строениями в центре и возле Яузы. Против современной Бауманской улицы, на реке Яузе, изображен мост (ныне Салтыковский), а при ее повороте к югу — большой пруд.

Территорию за Земляным валом от Старой Басманной до реки Яузы, примыкавшую на востоке к Немецкой слободе, занимали Сырмятная и Кобыльская слободы XVII в. Они изображены распланированными на кварталы, за исключением обширной заболоченной поймы Яузы, на которой показано несколько отдельных мелких строений. Левый берег Яузы также заболочен, но на нем показаны пять строительных кварталов и пашни. С юга этот район отделен двумя прудами на притоке Яузы от местности, где располагался Андроньев монастырь (№ 3).

К югу от Яузы местность была занята Алексеевской, Семеновской и Воронцовской слободами, причем у Земляного вала она изображе-

Рис. 29. За Земляным городом. Нижнее течение реки Яузы и Лефортово (фрагмент плана)

на на плане распланированной на строительные кварталы, а вблизи застав, — покрытой пашнями и огородами, среди которых около современной Абельмановской заставы нанесен Покровский монастырь.

Южнее Новоспасского монастыря ("Спаса Новаго") на плане 1741 г. показан небольшой левый приток реки Москвы — река Сара (теперь на ее месте Сарский проезд), за которой находилось Крутицкое архиерейское подворье (№ 5 см. рис. 23), а за ним — четыре небольших квартала. Далее показаны пашня и заболоченная пойма Москвы-реки, восточнее которой на Симоновском валу нанесен "Гранатный двор" (№ 77) — прямоугольная постройка с бастionsами в середине и по углам. До 1917 г. здесь находились пороховые погреба. Южнее изображен Симонов монастырь (№ 6).

Всего на плане 1741 г. за Земляным городом показано девять монастырей, одно монастырское подворье, 60 церквей, шесть дворцов, дворы Артиллерийский полевой, Гранатный, Фуражный, Сокольничий, Хамовный и Съезжий, а также слободы Ямская, Переславская, Грузинские, Немецкая, солдатские Преображенского и Семеновского полков.

ЗНАЧЕНИЕ МОСКОВСКОГО ПЛАНА

Геодезический план Москвы сразу после выхода в свет стал важнейшим научно-техническим документом для проектирования работ по совершенствованию планировки, строительства различных зданий и сооружений, улучшению городского хозяйства и даже для отдельных мероприятий по охране природной среды города. Естественно, что из-за относительно мелкого масштаба план мог быть использован для составления лишь генеральных проектов городского строительства, а также для совершенствования городского хозяйства. Не исключено, что для детальных работ привлекались подлинные крупномасштабные съемочные материалы команды геодезистов Мордвинова—Мичурина. Имеются данные, что уже в процессе съемки для создания общемосковского плана материалы этих работ использовались для решения насущных практических задач. Так, в 1736 г. возникли опустошительные пожары на Балчуге, Нижних Садовниках, в Овчинниках и у Новинского монастыря. В результате этих пожаров Анна Ивановна указала "на погорелых местах в Москве и за Московю рекою, и у Новинского монастыря строение делать по архитектуре и для того сделать тем местам план. . ." В этом указе подчеркнута требование изготовить план для застройки местности, а строительство проводить по архитектурным чертежам, для чего предполагалось и старые каменные, оставшиеся после пожаров, здания перестраивать. В соответствии с указом был составлен сохранившийся в Центральном государственном архиве древних актов СССР план (рис. 30) — "Описание пожарному мес-



Рис. 30. План части Земляного города и за Земляным городом между Смоленской улицей и Прасненскими прудами с указанием погорельх мест и проектом застройки после пожара 3 июля 1736 г. (ЦГАДА, ф. 248, план, № 281)

ту, которой учинился июля 3 дня 736 году в Земляном и за Земляным городом. . ." В экспликации плана указано, что всего сгорело "1110 покоев, кроме тех, у которых сломаны кровли"⁹¹. Масштаб не указан, но соотношения, отмеченные в экспликации, ширины улиц с фактически изображенными на плане хорошо выдерживаются, а определенная из этих соотношений величина масштаба оказывается близкой к 1:2100 (в десять раз крупнее масштаба изданного Московского плана).

Судя по детальности изображения застройки и указаниям ширины улиц в экспликации план, возможно, основан на материалах съемок команды И.А. Мордвинова. Кварталы, сильно пострадавшие от пожара, закрашены серым цветом; для всех улиц указана ширина в саженях, так как расстояние между домами играло решающую роль для распространения пожаров.

Из более поздней справки полиции по вопросу о застройке погорелых мест за Москвой-рекой узнаем, как преломился царский указ в московской практике: "Е.и.в. велела в Нижних Садовниках, в Овчинниках, на Балчуге и по берегу Москвы-реки по учиненному плану (очевидно, имеется в виду специальный проектный план – Л.Г., А.П.) строить так: в Нижних Садовниках улицу учинить прямую в 10 сажен (шириной. – Л.Г., А.П.) через ров до Балчеговской улицы также, по берегу Москвы реки, на Балчуге сделать улицы прямые в 8 сажен. . . А прошлого 735 году ноября 10 числа по сообщению архитектурного ученика Василия Обухова о том строении плана писано в Санкт-Петербурх в Главную полицию и сочинение ж с того плана копии на размножение в ту Главную полицию послано и требовано указу"⁹². Из примечания 1736 г. Московской полицмейстерской канцелярии ясно, что к этому времени строительство на погорелых местах осуществлялось по планам застройки, утвержденным в Петербурге. План "погорелым местам" 1736 г. выполняли работавшие при обер-полицмейстерской канцелярии Москвы архитекторский ученик В. Обухов с помощником.

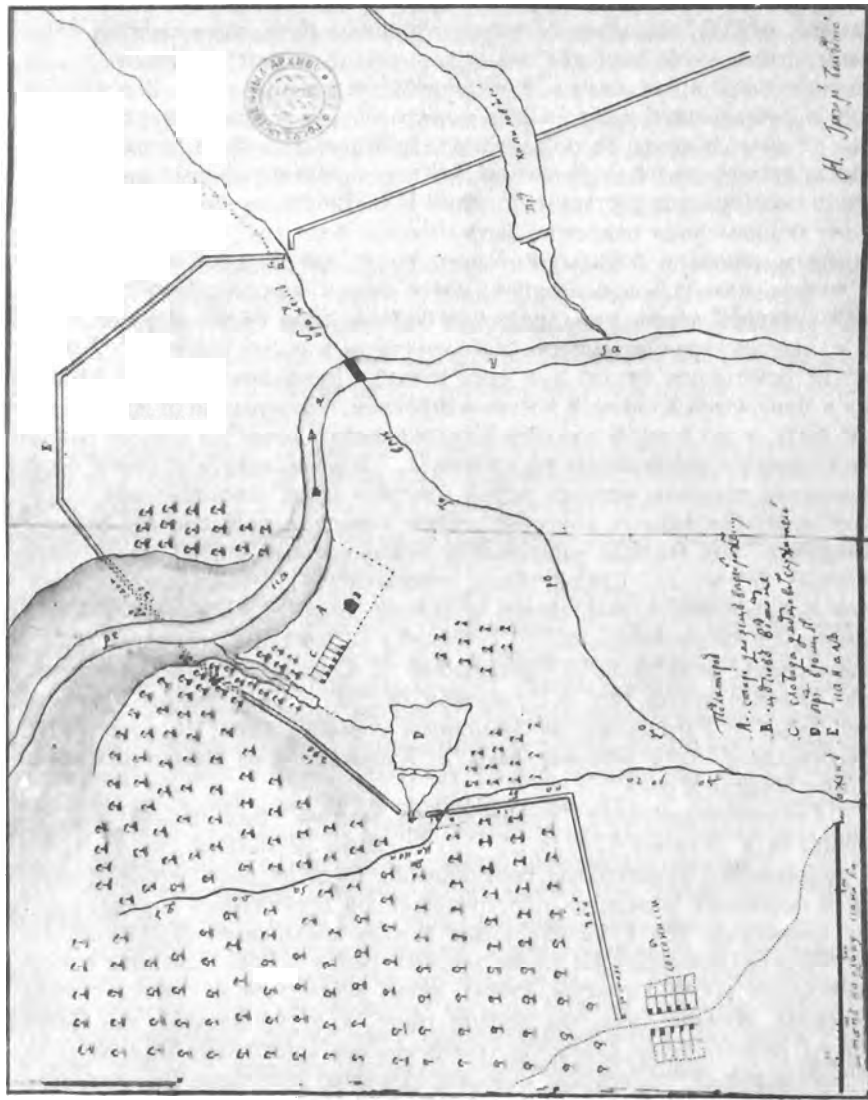
Потребность в общемосковском плане ощущалась в различных отраслях городского хозяйства, вынужденных до его завершения использовать материалы проводимых съемок, а также схематические карты, создававшиеся для решения конкретных практических задач. Уже в этот период возникают проблемы, связанные в определенной степени с оздоровлением природной среды города. Так, сохранился схематический чертеж Москвы (за пределами Садового кольца), датированный 1735 г., "с показанием мясных рядов и бойниц, також и живодерных дворов", который был создан в соответствии с распоряжением Главной полицмейстерской канцелярии "о выводе в Москве из жилья мясных рядов и бойниц, також и живодерных дворов ко опасению от вредительства в воздухе"⁹³. Первоначально присланные из московской полиции планы не удовлетворили канцелярию: ". . . для того, что в озна-

ченных планах, где мясным рядам и бойням быть, хотя места и означены, токмо о бойнях все оные близ рек быть могут и при которых именно быть в тех планах в некоторых не показано. . .” В предписании о составлении нового плана конкретно указывалось, какие объекты на нем должны быть нанесены, насколько детален должен быть показ этих объектов, а также какими источниками информации должны были пользоваться составители плана. В частности, требовалось: “. . . понеже бойням всем надлежит быть конечно близ рек, то чтоб знать, где мясным рядам и бойням, которого роду, при которой реке быть, и в каком, как от мясных рядов, так и от рек, те бойни будут расстояний, учинить вновь всем рядам и бойням один обстоятельный план, а к выводу живодерных дворов осмотреть в полях места приличные, и где осмотрены будут, и в чьих дачах, и каковыми мерами длинника и поперечника сажен, и в каком строении, и расстоянии от жилья имеют быть, и по тому ж учинить план и прислать оный в Главную полицмейстерскую канцелярию вскорости. . .” В московскую полицию были призваны старосты мясных рядов, ”лучшие люди” от живодеров и других заинтересованных торговых групп. Всем давалось срочное задание отыскать ”под мясные ряды, бойни и живодерные дворы” места, отдаленные от жилья. Среди рядов отмечались: ”Пречистенского ряду, что в Хамовниках, поблизости к Москве реке”, ”Арбацкого у Москвы-реки и Новинских бань”, ”Тверского за Земляным городом за Лесным рядом близ поля”, ”Сретенского за Спасскою слободою у церкви Живоначальных, что у Сухаревой башни”, ”Покровского близ реки Яузы”, ”Таганского за Земляным городом близ Москвы реки”, ”Балчугного близ Москвы реки”, ”Калужского за Земляным городом к Москве ж реке”.

Составленный план ”приисканным местам” был послан при доношении в октябре 1735 г.

План схематичен, но вычерчен с сохранением масштабных соотношений. Судя по достоверности передачи основных элементов пространственной организации города, вполне возможно, что в основе плана лежали съемочные материалы геодезической команды. На плане мясных рядов и боен нанесены основные объекты гидрографии, стены, валы, монастыри и главные улицы Москвы, которые, как мы видели ранее, к этому времени уже были сняты геодезистами. Объекты тематического содержания выделены на плане цифрами, объяснение которых вынесено в легенду. Пространство внутри Земляного вала не имеет картографического изображения и отведено для размещения экспликации, чем авторы плана особо подчеркнули необходимость удаления боен, мясных рядов и живодерен из этой зоны. На плане в соответствии с предписанием указаны расстояния основных объектов от рек и коммуникаций. Фактически это произведение является ярким примером отечественной проектной тематической карты крупного масштаба. В отношении мясных рядов проектные наметки этого плана были выполнены не полностью. Живодерные

Рис. 31. Проектный план сооружения участка Камер-коллежского вала и рва. Составил навигатор Г. Бологовский в 1742 г. (ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, кн. 555, ч. 1, л. 39—40)



дворы и бойни, вероятно, были в соответствии с этим планом-проектом удалены в намеченные места⁹⁴.

Первое непосредственное упоминание прямого использования Московского плана в качестве регулярного относится к 1742 г., когда возник вопрос о замене "деревянных надолб" Компанейского вала земляным Камер-Коллежским валом и рвом на участке от Новых Сокольников до реки Яузы. В рапорте одного из членов Камер-коллегии и навигатора Г. Бологовского, занимавшегося проектированием рва на местности, указано, что линию таможенной границы они проводили "по тому ж тракту, как показано во окуратном плане. . ." При вынесении линии на местность выяснилось, что она проходит от "Новых Сокольников к Преображенскому до реки Яузы лесом и надлежит тот лес в том месте, где оной ров будет, рубить в трех местах саженьях на двухстах и больше. . ." Без указа императрицы порубки в Преображенской роще производить запрещалось. В связи с этим члены Камер-Коллегии во главе с президентом "для осмотру ездили и усмотрели", что "та линия по роще, где быть рву, самым ретким лесом (идет), которого в порубке по исчислению имеет быть 80 дерев"⁹⁵. Указом от 15 октября 1742 г. было запрещено рубить и эти деревья, в связи с чем "по определению Камер-коллегии и по заключенному с подрядчиками контракту велено в вышеупомянутых назначенных вновь учиненном плане местах у рощей на 80 саженьях сделать палисадник и побить сваи в три ряда, так как о битье таковых же свай в слабых местах и поемных местах в том контракте написано; дабы той рощи отнюдь не рубить"⁹⁶.

Вопрос прохождения Камер-Коллежского рва в Преображенской роще иллюстрировался специальным планом (рис. 31), составленным навигатором Г. Бологовским, работавшим ранее в архитектурной команде И.А. Мордвинова. План был одним из первых картографических произведений, составленных с использованием проектного (регулярного) содержания печатного Московского плана 1741 г.

Строгое решение высшей администрации России по поводу запрещения вырубки 80 деревьев в Преображенской роще не было единственным. Целый ряд указов русского правительства XVIII в. имел определенное природоохранное значение, а воплощение их в жизнь требовало использования печатного плана 1741 г., а иногда и проведения специальных съемок. Таков, например, был Сенатский указ 11 мая 1744 г. о сохранении лесов в Москве. Проводились работы по посадке лесов, в частности, около Воробьевского дворца в 1752 г. высажена березовая роща. Для осуществления посадки составлен детальный план места⁹⁷.

Многие постановления были направлены на ограничение деятельности промышленных предприятий в Москве и ее окрестностях для сохранения лесов, интенсивно вырубавшихся на топливо. Так, "для сбережения леса и дров" в 1747 г. было запрещено строить возле Моск-

вы винные и стеклянные заводы. В 1754 г. последовал указ "об уничтожении на 200 верст" от Москвы всех хрустальных, стеклянных и железных заводов "для сбережения леса". В 1762 г. в Москве было запрещено строить фабрики, которые велено размещать лишь в уездах.

Ряд законодательных актов был принят для сохранения гидрологического режима и чистоты рек и прудов на территории Москвы. В частности, в 1749 г. запрещено строить мельницы на реках, впадающих в Москву-реку. В 1743–1753 гг. был предпринят ряд попыток обеспечить чистоту Неглинских прудов. В 1743 г. от Московской полицмейстерской канцелярии исходило распоряжение, чтобы "в Неглинские пруды обыватели с дворов своих сору и помету никакого не метали, платья в них не мыли и лошадей не купали, дабы имеющаяся в тех прудах живая рыба от худого запаха не подохла, и ежели кто иное чинить станет, тех ловить и присылать в Полицмейстерскую канцелярию, в которой чинить с ними по указам". Полицейский циркуляр, во-видимому, не возымел должного действия, так как в 1753 г. находившуюся в Неглинских прудах рыбу велено было всю выловить и переместить в Пресненские пруды.

Для современных исследователей план Москвы 1741 г. имеет значение не только как замечательный памятник истории русской геодезии и картографии, но и как источник для изучения процесса урбанизации в центре Московского столичного региона и изменений природы Москвы за 250-летний период, прошедший со времени создания плана. Историко-экологический аспект приобрел особую актуальность в настоящее время, когда с небывалой остротой возникли проблемы сохранения здоровой среды обитания для жителей нашей столицы. В решении этих проблем большую роль играют прогнозы изменений экологической обстановки в городе, построение которых возможно лишь на базе глубокого изучения ее динамики в прошлом. Одним из мощных факторов, определяющих качество среды города, является распространение естественных и искусственных зеленых зон (лесов, парков, бульваров, садов и т.п.) в его пределах. План 1741 г. дает по существу первое достоверное и сравнимое по точности с современным изображение таких зон, представляя таким образом возможность получить начальный хронологический срез для исследования исторических изменений территориального распространения зеленых зон в Москве. То же самое можно сказать и о других элементах природного и антропогенного ландшафта нашей столицы.

Особо важное значение план 1741 г., впервые с точно нанесенными местоположениями государственных, общественных и культовых сооружений, приобретает при развернувшихся ретроспективных аналитических работах на основе применения нового закона СССР "Об охране и использовании памятников истории и культуры". С уничтожением многих сотен московских памятников архитектуры под действием времени, небрежения и, в особенности, бума разрушительной рекон-

струкции навсегда может быть утерян неповторимый исторический колорит столицы нашей Родины.

Исключительно интересными историческими памятниками являются названия московских улиц, культовых сооружений и других внутригородских объектов. Топонимика Москвы, показанная планом 1741 г., отражает устойчивые старинные названия, которые связаны с рельефом, гидрографией, растительным покровом города, и раскрывает особенности мировоззрения, сложившихся социальных отношений, этнографии, языка, быта и иных проявлений народной жизни наших предков.

Московский план 1741 г. на долгие годы стал основным источником для создания планов Москвы, издававшихся в России и за рубежом.

Первым известным нам иностранным воспроизведением плана 1741 г. был французский "Геометрический план города Москвы. . .", гравированный Латтре в Париже в 1771 г. Размеры плана 512 x 466 мм, масштаб 200 тулузов в 1,9 см. План впервые недавно изучен авторами в Национальной библиотеке Франции в Париже. Это произведение почти целиком воспроизводит картографическое изображение Московского плана 1741 г. с незначительным уменьшением масштаба и изменением компоновки. Условные знаки русского источника сохранены полностью, несколько изменена лишь рисовка огородов и не дано названий частей города. Экспликация плана размещена в общей компоновке с картографическим изображением на том месте, где на плане 1741 г. выполнена роза ветров. Вместо аллегорического изображения феи воды дано пространное развернутое название с указанием частей города и перечислением основных типов строений. Но источники, которыми пользовались французские картографы, в заголовке не отражены. Во французский вариант (рис. 32) внесены по сравнению с планом 1741 г. некоторые небольшие исправления.

В 1772 г. в английском атласе Дж. Эндрюса "Собрание планов главнейших городов всех империй, королевств, республик и княжеств Европы и некоторых замечательных городов в трех других частях света. . ." была помещена гравюра 1771 г. П. Эндрюса в масштабе 1:48 000. В основе этого плана лежит план 1741 г. с отличием в масштабе и в том, что английский план ориентирован с северо-запада на юго-восток. Помимо этих двух планов имеется еще целый ряд иностранных карт города Москвы, составленных по московскому плану или по произведениям, производным от него. В их числе, например, уменьшенные гравюры Т. Китчена 1784 г. (Лондон), П. Тардые 90-е годы XVIII в. (Париж) и др.

До 70-х г. XVIII в. план 1741 г. был главным и по существу единственным источником для составления планов Москвы, а также для изображения города на средне- и мелкомасштабных картах. В качестве примера можно назвать изданный в 1763 г. Академией наук "План

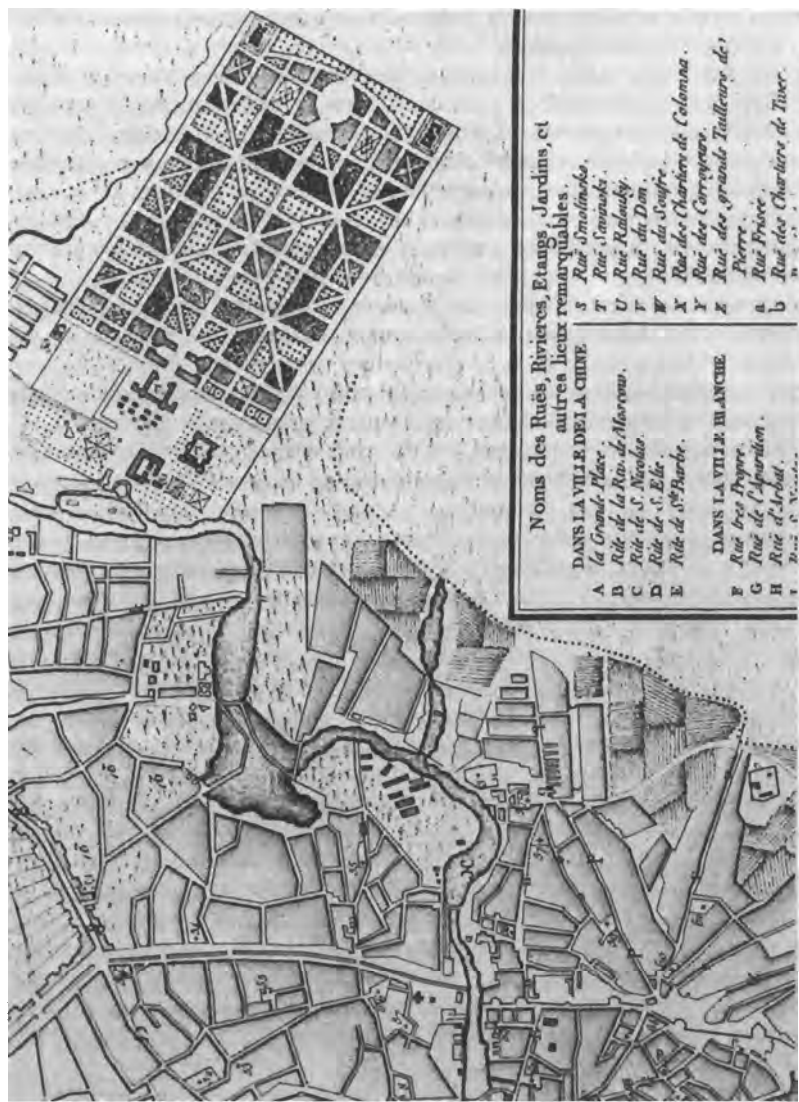


Рис. 32. Французская версия плана Москвы 1741 г. Гравёр Латтре. Фрагмент (1771 г.)

царствующаго града Москвы с показанием лежащих мест на тридцать верст в округе. . ." (масштаб 1:126 000). План охватывает территорию Московского столичного региона до следующих населенных пунктов: к юго-востоку до Быково, к югу до Пахры, к северо-востоку немного далее Пушкино, к северу до Марфино, к западу до населенного пункта Жаворонки. План города Москвы в центре карты представляет собой генерализованный Московский план 1741 г.

Вполне вероятно, что Московский план и материалы, на основании которых он был создан, как наиболее крупномасштабные и достоверные источники того времени использовались при отсутствии триангуляции на территории города в качестве своеобразной картографо-геодезической основы при создании новых планов города. Такая практика была весьма широко распространена во всех развитых странах в XVIII – первой половине XIX в., где при отсутствии геодезического обоснования в качестве основы для топографических карт использовали региональные географические карты, увеличенные до масштаба создаваемого произведения. При съемках на такой основе проводилось досоставление и исправление содержания исходного материала с использованием астрономических определений координат широты и долготы. Такая методика была использована, в частности, при создании в 1819–1824 гг. карты расположения войск 1-й Армии [19]. Повидимому, именно таким образом была использована "геодезическая основа" XVIII в. при создании Комиссией строений "Атласа столичного города Москвы с показанием новых прожектов площадей, улиц, зданий после разорения французами" (1813 г.).

Крупномасштабные съемки Москвы в XVIII в. были предприняты в связи с выполнением программы картографических работ в процессе, так называемого, Генерального межевания земель в России, начатого в 1765 г. и имевшего целью закрепить право помещиков на земли и работавших на них крестьян. В качестве высшей административной инстанции генерального межевания была учреждена Межевая экспедиция Сената в Санкт-Петербурге (декабрь 1765 г.), при которой в начале 1766 г. открыта Чертежная. Межевание было решено начать с Московской губернии, а для непосредственного руководства им в январе 1766 г. была открыта Московская межевая канцелярия, при которой организована Чертежная под руководством инженер-майора П. Горихвостова.

Одной из первых работ в рамках генерального межевания Московской губернии была новая съемка города Москвы, по результатам которой уже в 1767 г. П. Горихвостовым был составлен "Генеральный план императорского столичного города Москвы" в масштабе 70 саженей в дюйме (1:5880). Этот план, в отличие от Московского геодезического плана, показал истинную (а не регулярную) планировку московских улиц, со всеми изгибами и изменениями ширины⁹⁸. Съемки города в соответствии с "Инструкцией землемерам к генераль-

ному всей империи нашей земель размежеванию” (СПб., 1766) производились методом параллельных ходов с детальным заполнением ситуации между ними глазомерно и с помощью засечек. Инструменты использовались те же, что и при съемках для составления Московского плана, – астролябия и мерные цепи.

Съемки Москвы и Московской губернии, с которых началось генеральное межевание, имели, в определенной степени, черты научно-производственных изысканий, в процессе которых разрабатывались общие установки по методике полевых топографических работ, составлению и оформлению межевых планов и карт. Это доказывается, в частности, тем фактом, что в качестве образца для составления уездных карт межевания в 1768 г. было предписано принимать изготовленную в трех экземплярах П. Горихвостовым карту Московского уезда, вероятно, не сохранившуюся до наших дней. Московская губерния и Московский уезд и позже не потеряли значения опытной базы межевых работ, свидетельством чего является великолепный, поистине образцовый ”Геометрический план Московского целого уезда со всеми внутри онаго лежащими градскими и владельческими землями с показанием в нем каждого селения со отделением становыми и специальными от других межами, сочиненном под смотрением Московской губернской межевой канцелярии подпоручиками Василием Гаком и Алексеем Елчаниновым июля 17 дня 1773-го года”, утвержденный П. Горихвостовым⁹⁹. Карта Московского уезда имеет достаточно полное содержание, великолепно оформлена и вычерчена, а свободные от картографического изображения пространства на ней заняты высокохудожественными рисунками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Материалы для истории Академии наук, т. IV. СПб., 1887, с. 407
2. Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее ЦГВИА), ф. 349, оп. 45, № 3825
3. Там же, ф. 349, оп. 45, № 4144
4. Центральный государственный архив древних актов СССР (далее ЦГАДА), фонд Сената (ф. 248), кн. 7722, л. 319
5. Там же, кн. 7684, л. 370 а
6. Там же, кн. 1427, л. 200
7. Там же, кн. 7683, л. 203
8. Там же, кн. 7689, л. 121
9. Там же, кн. 746, л. 17–46
10. Там же, л. 102–104; 393–394; 428–438
11. Там же, кн. 760, л. 50
12. Архив Академии наук СССР (далее ААН), ф. 3, оп. 1, № 8, л. 445–445 об.
13. Материалы для истории Академии наук, т. II. СПб., 1886, с. 59
14. ААН, ф. 3, оп. 1, № 8, л. 147
15. Материалы для истории Академии наук, т. II, с. 61
16. ЦГАДА, ф. 248, кн. 746, л. 67
17. Там же, л. 3 об.
18. Там же, кн. 1428, л. 120; кн. 7686, л. 845
19. Там же, кн. 1428, л. 151; кн. 773, л. 85; кн. 843, л. 180
20. Там же, кн. 7685, л. 182–189
21. Там же, л. 644–645
22. Там же, кн. 7759, л. 678
23. Там же, кн. 7685, л. 649
24. Там же, кн. 7722, л. 324
25. Там же, кн. 229, л. 394
26. Там же, кн. 7701, л. 3
27. Там же, кн. 229, л. 942; ф. 17, кн. 55, л. 45
28. Там же, ф. 248, кн. 7701, л. 2–6
29. Там же, кн. 1201, л. 685
30. Там же, л. 685 об.
31. Там же, кн. 7509, л. 89
32. Там же, кн. 1204, л. 63
33. Там же, кн. 7518, л. 192
34. Там же, кн. 7747, л. 197
35. Там же, кн. 745, л. 480–483
36. Там же, кн. 614, л. 776
37. Там же, кн. 7688, л. 444, 447; кн. 7507, л. 254
38. Там же, кн. 7509, л. 171; кн. 7750, л. 421
39. Там же, кн. 1207, л. 394
40. Музей истории Москвы, ф. 2, оп. 1, № 6, л. 53–54
41. ЦГАДА, ф. 248, кн. 7509, л. 123; кн. 7701, л. 4
42. Там же, кн. 7701, л. 8–11
43. Там же, кн. 7722, л. 319
44. ААН, ф. 3, оп. 10, № 190, л. 3 об.
45. ЦГАДА, ф. 248, кн. 7505, л. 36
46. Там же, кн. 7733, л. 436
47. Там же, кн. 7524, л. 128–133 об.
48. Там же, кн. 7717, л. 610 об.
49. Там же, кн. 7520, л. 308

50. Там же, кн. 7747, л. 198
51. Там же, кн. 7517, л. 281
52. Там же, кн. 390, л. 241
53. Там же, кн. 7748, л. 153
54. Там же, кн. 7823, ч. II, л. 494
55. Там же, кн. 7518, л. 192 об.
56. Там же, кн. 7814, л. 505; кн. 7819, л. 520
57. Там же, кн. 7716, л. 373
58. Там же, кн. 7722, л. 322–323
59. Там же, кн. 7750, л. 421
60. Там же, кн. 7522, л. 119
61. Там же, кн. 7750, л. 334
62. Там же, кн. 7749, л. 323
63. Там же, кн. 7739, л. 598; кн. 7759, л. 676; кн. 7740, л. 47
64. Там же, кн. 7739, л. 281
65. Там же, л. 282
66. Там же, кн. 7747, л. 198
67. Там же, кн. 7531, л. 33
68. Там же, кн. 7740, л. 48; кн. 7739, л. 597
69. Там же, кн. 7759, л. 673 об. – 674
70. Там же, л. 676
71. Там же, кн. 7760, л. 529; кн. 7765, л. 172
72. Там же, кн. 554, л. 76; кн. 7764, л. 461
73. Там же, л. 7814, л. 453
74. Там же, л. 643
75. Там же, ф. 306 (Следственная комиссия о пожаре Москвы 29 мая 1737 г.)
76. Там же, ф. 248, кн. 7752, л. 426
77. Там же, кн. 7557, л. 92
78. Там же, кн. 7822, ч. II, л. 432; кн. 7563, л. 72
79. Там же, кн. 7571, л. 116
80. Там же, кн. 7569, л. 281; кн. 7571, л. 116 об.
81. Там же, кн. 7577, л. 96
82. Там же, кн. 7814, л. 19
83. Там же, кн. 7560, л. 443
84. Там же, кн. 7770, л. 607–612
85. Там же, кн. 7814, л. 596–600
86. Там же, л. 19
87. Там же, кн. 460, л. 278
88. Там же, кн. 7836, л. 190–194
89. Там же, кн. 1072, л. 254
90. Там же, кн. 1674, л. 262
91. Там же, планы; № 281
92. Там же, кн. 1208, л. 750–757
93. Там же, л. 513–514
94. Музей истории г. Москвы, ф. 2, оп. 1, № 6, л. 27–28
95. ЦГАДА, ф. 16, № 555, ч. I, л. 38–42
96. Там же, л. 42–43
97. Музей истории г. Москвы, ф. 2, оп. 1, № 25, л. 2
98. ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива, № 22169
99. Библиотека Академии наук СССР, рукописный отдел, карты, № 250

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрович С.* Несвижский план Москвы 1611 г. // Сб. Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М.: Наука, 1976, с. 208–228.
2. *Белюров С.А.* Планы Москвы XVII в. Древнерусская картография. Вып. I. – М.: 1898.
3. *Географические названия в Москве.* Вопросы географии, № 126. – М.: Мысль, 1985
4. *Гольденберг Л.А.* Малоизученные источники по истории картографии России первой половины XVIII в. // Сб. Проблемы исторической картографии России. Вып. III. – М.: 1983, с. 88–126.
5. *Гольденберг Л.А.* Петровские геодезисты Сената – составители обзорной карты России (к 250-летию создания Генеральной карты Российской империи) // Геодезия и картография, 1983, № 6, с. 59–61.
6. *Гольденберг П.И.* Петров чертеж Москвы как источник изучения ее планировки конца XVI – начала XVII в. // Сб. Археографический ежегодник за 1966 год. – М.: Наука, 1968, с. 53–64.
7. *Гравбарь И.Э.* Московская архитектура 30–40-х годов XVIII в. // Сб. История русского искусства, т. V. – М.: 1955, с. 151–173.
8. *Гравировальная палата Академии наук XVIII в.* // Сб. документов. – Л.: Наука, 1985.
9. *Иванов П.И.* Обзорение геодезических работ в России со времени имп. Петра Великого до сочинения Генеральной ландкарты Российской империи в 1746 году. – СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1853.
10. *История Москвы.* Т. 2. Период феодализма – XVIII в. – М. – Л.: изд. АН СССР, 1953.
11. *Кипарисова А.А.* И. Мичурин (1700–1763) // Сб. Зодчие Москвы. – М.: Московский рабочий, 1981, с. 113–119.
12. *Клепиков С.А.* Библиография печатных планов города Москвы XVI–XIX веков. – М.: 1956.
13. *Ламанский В.И.* Собрание чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пекова XVII столетия. – Приложение ко 2-му тому Записок отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – СПб.: 1861.
14. *Ламанский В.И.* Старинная русская картография // Вестник РГО, 1859, ч. 27, отд. V, с. 11–18.
15. *Межевой вестник*, № 7, № 8, 1884.
16. *Москва.* Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1980.
17. *Новлянская М.Г.* Иван Кирилович Кирилов – географ XVIII века. – М. – Л.: Наука, 1964.
18. *Памятники архитектуры Москвы.* Кремль, Китай-город, центральные площади. – М.: Искусство, 1982.
19. *Постников А.В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. – М.: Наука, 1985.
20. *Рашков Д.* Координаты триангуляции г. Москвы // Межевой вестник, 1884, № 11, с. 18–26.
21. *Салищев К.А.* Собрания русских карт первой половины 18 века в Париже (коллекция акад. И.Н. Делиля) // Изв. АН СССР, сер. географ., № 4, 1960, с. 104–110.
22. *Сергеев В.К.* Московская математико-навигационная школа (1701–1752). Вопросы географии, № 34. – М.: Географиздат, 1954.
23. *Сытин П.В.* Из истории московских улиц (очерки). – М.: Московский рабочий, 1952.
24. *Ченакал В.Л.* Русские приборостроители первой половины XVIII века. – Л.: изд-во Академии наук СССР, 1953.

ЧЕРТЕЖ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА МОСКВЫ, в котором означены не только Кремль, Китай город, Белый город и Земляной город, но и все находящиеся во оном ворота, улицы, императорские дома и публичные строения, соборные и приходския церкви, монастыри, архиерейския и другия подворья, реки, пруды, сады и прочия знатнейшия места

В КРЕМЛЕ

Соборные церкви

1. Успение богородицы
2. Благовещение
3. Архангела Михаила
4. Спаса, что во дворце
5. Спаса Преображения
6. Чудотворца Николая
7. Черниговских
8. Ивановская колокольня
9. Дом патриарший

Домы ее императорского величества

10. Каменной
11. Конюшенной
12. Потешной
13. Житной двор

Монастыри и подворья

14. Чудов
15. Вознесенской
16. Троицкое подворье
17. Крутицкое
18. Кириловское

Приходские церкви

19. Благовещение богородицы, что на Житном дворе
20. Уара чудотворца
21. Царя Константина
22. Бориса и Глеба

Публичные строения

23. Коллегии и канцелярии
24. Цейггауз

Ворота

25. Спасские
26. Тайницкие
27. Предтеченские
28. Троицкие
29. Никольские

В КИТАЕ

Соборные церкви

1. Казанской богородицы
2. Живоначальные Троицы, что на рву

Монастыри

3. Богоявленской
4. Спасской
5. Никольской Греческий
6. Знаменской

Подворья

7. Новгородское
8. Казанское
9. Воскресенское
10. Иосифское Вологодское
11. Пафнутьевское
12. Колязинское

13. Архиерея Вологодского
14. Ипатское
15. Иверское
16. Прилуцкое
17. Ростовское
18. Нижегородское
19. Воронежское

Приходские церкви

20. Владимирские богородицы, что у Никольских ворот
21. Живоначальные Троицы, что на Полях
22. Жен мироносиц
23. Иоанна Богослова
24. Николы Большого креста
25. Космы и Дамиана
26. Введение богородицы
27. Воскресение, что Булгаково
28. Грузинской богородицы
29. Климента папы Римского и Пятница у Гостиной двора
30. Великомученика Георгия
31. Максима Исповедника
32. Варвары христовой мученицы
33. Николая чудотворца, что слово у Москворецких ворот
34. Спаса Преображение у Москворецких ворот
35. Николая чудотворца, что слово мокрое
36. Зачатие, что в Углу
37. Николая чудотворца, что в Углу

Публичные строения

38. Главная аптека
39. Монетной двор
40. Гостиной двор
41. Мытной двор
42. Посольской двор
43. Печатной двор
44. Ряды и лавки
45. Лобное место
46. Аптекарские сады

Ворота

47. Воскресенские
48. Никольские
49. Ильинские
50. Варварские
51. Москворецкие

В БЕЛОМ ГОРОДЕ

Монастыри

1. Воздвиженской
2. Петровской
3. Сретенской
4. Зластоустовской
5. Алексеевской
6. Никитской
7. Моисеевской
8. Георгиевской
9. Рождественской
10. Варсонофьевской
11. Ивановской

Монастырские подворья

12. Суздальское
13. Савинское
14. Тверское
15. Резанское
16. Вятское
17. Псковское
18. Коломенское

Приходские церкви

19. Всех святых, что у Всесвятских ворот
20. Николая чудотворца, что в Башмакове
21. Иоанна Предтечи, что на Ленивке
22. Николая чудотворца, что на Знаменке
23. Антипы чудотворца

24. Николая чудотворца в Таругине
25. Ржевской богородицы
26. Пятница, что на Нарышкине дворе
27. Луки Евангелиста
28. Знамение богородицы
29. Иоанна Предтечи
30. Савы Стратилата
31. Тихона чудотворца
32. Благовещение богородицы
33. Михаила Малейна
34. Николы, что в Ваганкове
35. Николая чудотворца, что у старого Каменного мосту
36. Ирины христовой мученицы, что на Нарышкине дворе
37. Дмитрия Селунского
38. Знамение богородицы на Нарышкине дворе
39. Бориса и Глеба
40. Риз Положения
41. Иоанна Милостивого
42. Козмы и Дамиана, что в Кисловке
43. Дионисия Ареопagitы
44. Георгия на Красной горке
45. Пророка Илии, что на Тверской
46. Леонтия Ростовского
47. Вознесение Господне
48. Пророка Елисея
49. Воскресение Христово
50. Иоанна Предтечи, что у Никитских ворот
51. Воскресение, что на Врашке
52. Успение богородицы
53. Георгия, что на Тверской
54. Николая в Гнездицах
55. Дмитрия Селунского, что у Тверских ворот
56. Воскресение, что у Охотного ряду
57. Спас, что на Тверской
58. Козмы и Дамиана, что за Гагариным двором
59. Воскресение, что на Дмитревке
60. Настасии Премудрости, что у Охотного ряда
61. Алексея митрополита
62. Сергий, что на Дмитревке
63. Спас, что слово в Китае
64. Словущее Воскресение, что у Кузнецкого мосту
65. Рождество Христово, что в Столешниках
66. Сергия чудотворца
67. Сергия, что на Трубе
68. Иоакима и Анны
69. Николы, что в Звонарях
70. Софии Премудрые
71. Введение богородицы, что на Сретенке
72. Иоанна Предтечи, что на Лубянке
73. Мученика Евпла
74. Флора и Лавра, что у Мясницких ворот
75. Гребенские богородицы
76. Георгия, что в старых тюрьмах
77. Николы, что в Блинной
78. Николы, что в Столпах
79. Архангела Гавриила
80. Успение богородицы, что на Покровке
81. Троица, что на Грязях
82. Козмы и Дамиана, что на Покровке
83. Покров богородицы на Покровке
84. Спас на Глинищах
85. Всех святых на Кулишках
86. Благоверного князя Владимира
87. Петра и Павла
88. Троица, что на Хохловке
89. Трех святителей
90. Петра и Павла у Ильинских ворот
91. Николай Подкопай
92. Рождество Христово
93. Кира и Иоанна
94. Николая в Мыльниках

Публичные и другие знатные строения

95. Дом блаженные памяти государыни царевны Екатерины Иоанновны
96. Двор бывшего генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина, где ныне Главная аптека
97. Пушечной двор
98. Ветошные ряды
99. Охотной ряд
100. Петровской питейной двор
101. Запасной Колымажной двор
102. Рыбной Соляной двор
103. Васильевской сад

Ворота

104. Всесвятские
105. Пречистенские
106. Арбатские
107. Никитские
108. Тверские
109. Петровские
110. Сретенские
111. Мясницкие
112. Покровские
113. Яусские

в ЗЕМЛЯНОМ ГОРОДЕ

Монастыри

1. Зачатейской девичей
2. Страстной девичей

Приходские церкви

3. Николы, что в Киевцах
4. Пророка Или Объиденного
5. Воскресение Новое
6. Воскресение Старое
7. Успение в Остожье

8. Троица, что в Зубове
9. Покрова богородицы у Пречистенских ворот
10. Пятница божедомская
11. Иоанна Предтечи в Старой Коношенной
12. Успение, что на Моггилицах
13. Покрова богородицы, что в Лекшине
14. Власия чудотворца
15. Благовещение богородицы на Сивцем вражке
16. Афанасия и Кирилла
17. Николы, что в Плотниках
18. Троица, что на Арбате
19. Николы Явленского
20. Николы на Песках
21. Спас на Песках на Арбате
22. Иоанна Предтечи в Кречетниках
23. Симеона Столпника
24. Николы на Курьих ношках
25. Ржевской богородицы, что на Поварской
26. Бориса и Глеба, что на Поварской
27. Рождество Христово, что в Кудрине
28. Федоровской богородицы у Никитских ворот
29. Вознесение Господне на Никитской
30. Георгия, что на Всполье
31. Вознесение, что в Бронной
32. Иоанна Богослова, что в Бронной
33. Спиридона чудотворца на Патриаршем пруду
34. Ермолая чудотворца на Козьем болоте
35. Рождество Христово, что в Палачах
36. Благовещение богородицы, что на Тверской
37. Пимена чудотворца, что на Тверской

38. Рождество богородицы, что на Дмитревке
39. Успение богородицы, что на Дмитревке
40. Знамение богородицы, что на Петровке
41. Спас на Песках
42. Сергия, что в Пушкарях
43. Николы, что в Грачах
44. Троица, что на Сретенке
45. Успение богородицы, что в Печатниках
46. Спаса, что в Пушкарях
47. Панкратия чудотворца
48. Николы, что в Дербинском
49. Николы, что на Мясницкой
50. Трех святителей у Красных ворот
51. Харитона Исповедника в Огородниках
52. Воскресение в Барашах
53. Введение в Барашах
54. Иоанна Предтечи в Казенной
55. Иакова Апостола
56. Пророка Илии на Воронцовском поле
57. Грузинские богородицы
58. Николы, что в Воробине
59. Троицы в Серебрениках
60. Николы, что в Кошелях
- За Яузою*
61. Архидиакона Стефана
62. Симеона Столпника
63. Покрова богородицы, что на Горке
64. Николы на Болвановке
65. Никиты христова мученика
66. Николы, что в Котельниках
67. Космы и Дамиана Нового
68. Космы и Дамиана Старого
69. Спаса в Чигасах
70. Воскресение в Гончарах
71. Введение в Гончарах
- За Московою рекою*
72. Георгия в Ендовах
73. Никола Заяцкой
74. Космы и Дамиана в Садовниках
75. Николы на Путьшах
76. Архангела Михаила в Овчинниках
77. Пятница, что на Пятницкой
78. Никиты христова мученика в Кузнецкой
79. Николы, что в Кузнецкой
80. Троица в Больших Лужниках
81. Спас, что на Болвановке
82. Словущее Воскресение
83. Троица, что в Вешнякове
84. Софии Премудрые в Средних Садовниках
85. Иоанна Предтечи на Пятницкой
86. Черниговских чудотворцов на Пятницкой
87. Климента папы Римского
88. Варлаама, что на Ордынке
89. Николы, что в Пыжове
90. Покрова богородицы в Пыжове
91. Георгия, что на Ордынке
92. Николы, что в Толмачах
93. Воскресение в Кадашеве
94. Григория Кесарийского на Полянке
95. Успение богородицы, что на Полянке
96. Екатерины мученицы на Ордынке
97. Спас, что в Наливках
98. Казанские богородицы у Калужских ворот
99. Иоанна Воиственника
100. Марья чудотворца
101. Петра и Павла в Большой Якиманской
102. Николы в Голутвине
103. Иоакима и Анны в Якиманской
104. Космы и Дамиана в Кадашеве
105. Николы, что в Берсеневках

Публичные строения и другие знатные места

106. Каменноостской питейной двор
107. Царицын луг
108. Конюшенной Остоженной двор
109. Монетной Кадашевской двор
110. Суконный двор
111. Полковой артиллерной двор
112. Житной двор, что у Калужских ворот

ЗА ЗЕМЛЯНЫМ ГОРОДОМ

Монастыри

1. Новодевичей
2. Новинской
3. Андроньевской
4. Спаса Нового
5. Крутицкого архиерея подворье
6. Спаса Симонова
7. Покровской
8. Данилов
9. Донской
10. Андреевской

Приходские церкви

11. Николая, что в Хамовниках
12. Тихвинской богородицы в Малых Лужниках
13. Иоанна Предтечи у Девичья монастыря
14. Саввы Освященного
15. Воздвижение честного креста
16. Знамение богородицы
17. Неопалимые купины
18. Благовещение богородицы на Берешках
19. Смоленские богородицы
20. Успение богородицы в Ямской Доргомилловской
21. Троицы в Доргомилове
22. Николы на Щепях
23. Девяти мучеников

24. Покрова богородицы, что в Кудрине
25. Иоанна Предтечи, что за Преснею
26. Николы, что на Трех горах
27. Трех святителей, что в Грузинах
28. Василия Кесарийского в Тверской Ямской
29. Николы, что в Новой слободе
30. Казанской богородицы, что в Сушове
31. Тихвинской богородицы, что в Сушове
32. Пимена чудотворца, что в Воротниках
33. Иоанна Воина на Старом убогом дому
34. Трифона чудотворца в Напрудной
35. Троица, что в Троицкой
36. Андриана и Наталии в Мещанской
37. Филиппа митрополита
38. Троица, что на Капельках
39. Иоанна Предтечи в Переславке
40. Ксении, что в Черкасском саду
41. Спас, что в Спаской
42. Спас, что на Шеине дворе
43. Петра и Павла в Новой Басманной
44. Богоявление, что в Ехалове
45. Покрова богородицы, что на Олховце
46. Тихвинские богородицы в Красном селе
47. Собор Покрова богородицы в Покровском селе
48. Спаса Преображения в старом дворце
49. Введение богородицы в Семеновской солдатской слободе
50. Петра и Павла в Лефортовой солдатской слободе
51. Успение богородицы, что на Головине дворе

- 52. Николы, что в Покровском селе
- 53. Никиты христова мученика в Старой Басманной
- 54. Николы, что в Кобыльском
- 55. Троица, что в Сыромятниках

За Яузою рекою

- 56. Николы, что на Ямах
- 57. Алексия митрополита в Алексеевской
- 58. Сергия, что в Ямской Рогожской
- 59. Мартина Исповедника в Большой Алексеевской
- 60. Воскресение, что в Таганке
- 61. Николы, что на Студенце
- 62. Сорока мучеников у Спасова монастыря
- 63. Николы за Симоновым монастырем
- 64. Рождество богородицы в той же Служней слободе

За Москвою рекою

- 65. Успение богородицы, что в Кожевниках
- 66. Троица в Кожевниках
- 67. Петра и Павла в Ямской Коломенской
- 68. Вознесение, что за Серпуховскими ворóты
- 69. Троица, что на Шаболовке
- 70. Положение Риз за Калужскими ворóты

Домы ее императорского величества и другие публичные строения

- 71. Головинской дом
- 72. Лефортовской дворец, что в Немецкой слободе
- 73. Преображенской дворец
- 74. В Семеновской слободе дворец, что был дом Меншикова
- 75. Покровской дворец

- 76. Артиллерийской полевой двор
- 77. Гранатной двор
- 78. Фуражной двор. Житной двор
- 79. Сож ольничей двор
- 80. Хамовной двор
- 81. Ямская Переславская слобода
- 82. Воробьевской дворец

ИЗ БЪЯВЛЕНИЕ УЛИЦ, РЕК, ПРУДОВ, САДОВ И ПРОЧИХ ЗНАТНЕЙШИХ МЕСТ

В КИТАЕ

- A.* Площадь
- B.* Улица Москворецкая
- C.* Никольская
- D.* Ильинская
- E.* Варварская

В БЕЛОМ ГОРОДЕ

- F.* Пречистенская
- G.* Знаменка
- H.* Арбатская
- I.* Никитская
- K.* Тверская
- L.* Дмитревка
- M.* Петровка
- N.* Рождественка
- O.* Сретенка
- P.* Мясницкая
- Q.* Покровка
- R.* Яусская
- S.* Кузнецкой мост

В ЗЕМЛЯНОМ ГОРОДЕ

- T.* Остоженская
- U.* Пречистенская и Зубова
- W.* Поварская
- X.* Никитская
- Y.* Тверская
- Z.* Дмитревская

A. Петровская
B. Сретенская
C. Мясницкая
D. Покровка
E. Семеновка
F. На Вшивой горке
G. Гончары
H. Большая Якиманская
I. Малая Якиманская
K. Козмадемьянская
L. Ордынка
M. Пятницкая
N. Кузнетская
O. Большие Лужники
P. Татарская
Q. Нижние Садовники

ЗА ЗЕМЛЯНЫМ ГОРОДОМ

R. Ямская Доргомиловская
S. Смоленская
T. Савинская
U. Улица Калужская
V. Донская
W. Серпуховская
X. Ямская Коломенская
Y. Улица Кожевники
Z. Большие Каменьщики
a. Кудрина
b. Ямская Тверская
c. Улица Сущева
d. Улица Воротники
e. Большая Мещанская
f. Новая Басманная
g. Старая Басманная
h. Улица Ольховец
i. Ехалово
k. Большая в Немецкой слободе
l. Село Покровское
m. Сыромятники
n. Николаевская
o. Малая Алексеевская
p. Большая Алексеевская

q. Воронья
r. Таганка, Семеновка тож
s. Воронцовская
t. Ямская Рогожская
u. За Преснею
v. Грузинские слободы
w. Солдатские слободы
x. Гвардии Преображенского полку
y. Гвардии Семеновского полку
z. Съезжей двор



Москва река



Неглинна река



Патриаршей пруд



Пресня река



Красной пруд



Яуза река



Хотиловка река



Воробьевские горы



Огороды



Дровяной двор



Новодевичья монастыря



Лефортовской ручей

СОДЕРЖАНИЕ

Москва и ее старинные планы.	5
У истоков русской научной картографии	18
Петровские геодезисты и первая государственная инструментальная съемка России	31
История создания первого плана Москвы на основе инструментальной съемки.	47
Начальный этап	47
Теодолит или мензула	51
Команда геодезистов архитектора И.А. Мордвинова	59
Московский план в период с 1734 по 1741 г. и зодчий И.Ф. Мичурин	68
Печатный план Москвы 1741 г.	90
Краткая картографическая характеристика	90
Содержание Московского плана	96
Значение Московского плана	138
Примечания.	149
Список литературы	151
Приложение	152

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Гольденберг Леонид Аркадьевич
Постников Алексей Владимирович

ПЕТРОВСКИЕ ГЕОДЕЗИСТЫ И ПЕРВЫЙ ПЕЧАТНЫЙ ПЛАН МОСКВЫ

Заведующий редакцией *Л.Г. Иванова*
Редактор издательства *Т.А. Борисова*

Обложка художника *А.М. Павлова*
Художественный редактор *Г.Н. Юрчевская*

Технические редакторы *А.А. Бровкина, Н.С. Анашкина*

Корректор *Л.В. Зайцева*
Оператор *М.Г. Булковская*

ИБ № 7833

Подписано в печать с репродуцируемого оригинал-макета 12.02.90. Т – 05928.
Формат 60 x 88¹/₁₆. Бум. кн.-журн. для офсетной печати. Гарнитура Пресс-роман.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,8. Усл. кр.-отт. 10,28 Уч.-изд. л. 11,17. Тираж
26600 экз. Зак. № 6043 /1982–8. Цена 45 коп.
Набор выполнен на наборно-пишущей машине

Ордена "Знак Почета" издательство "Недра".
125047 Москва, пл. Белорусского вокзала, 3.

Ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО
"Первая Образцовая типография" Государственного комитета СССР по печати
113054 Москва, Валовая, 28

45 коп

ПЕТРОВСКИЕ
ГЕОДЕЗИСТЫ
и первый
печатный план
Москвы



«Недра»



